

**«Я ЗДЕСЬ
СОВЕРШЕННО ОДИН
РУССКИЙ...»**

П И С Ь М А
Ревельского епископа
Николая (Касаткина)
ИЗ Я П О Н И И

Святитель Николай (Касаткин)

**«Я ЗДЕСЬ
СОВЕРШЕННО ОДИН
РУССКИЙ...»**

П И С Ь М А
Ревельского епископа
Николая (Касаткина)
из Японии

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОЛО»

Санкт-Петербург • 2002

*Автор выражает сердечную благодарность
Сергею Васильевичу Хаджи,
без помощи которого эта книга
не увидела бы свет*

- Я40** «Я здесь совершенно один русский...» (Письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии) / Публикация и комментарий Р. К. Цуркана. — СПб.: Издательский дом «Коло», 2002. — 272 с.; илл.

Предлагаемые вниманию читателя письма свт. Николая Японского (Николаи-До) (1836–1912) — живое и весьма своевременное свидетельство о Православии как полноте истины.

Поскольку это именно письма, но все же письма *учителя к ученикам* языческой земли, они наиболее ярко отражают не только талант обращающейся к респонденту личности, но и напряженность литургической жизни самого «Апостола Японии», его глубокое проникновение в самую суть святоотеческой традиции; они лишены схоластической сухости, эмоциональны, но при этом «программны», а потому знакомство с ними будет необходимо и полезно как предполагаемым педагогам и миссионерам, так и самому широкому кругу читателей, интересующихся вопросами вероучения.

Фрагменты эпистолярного наследия, хранящегося в Отделе рукописей ОР РНБ (фонд 573), публикуются впервые.

Посвящается И. В. Т.

Предисловие составителя

Около 40 лет этот великий по своим убеждениям, твердый мыслью и светлый душой человек трудится на пользу Православия. Хотелось бы, чтобы об этом епископе узнали в русском обществе и оценили его...

Из письма
русского пленного
офицера из Японии [1905]

Безымянное письмо неизвестного русского офицера времен японской войны равно подходит как для эпиграфа трудов, сделанных свт. Николаем Японским, так и для комментария евангельской глубины Св. Писания: «...не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод и чтобы плод ваш пребывал, дабы, того ни попросите от Отца во имя Мое, он дал вам» (15, 16).

Содержание Божественной истины в жизни великого труженика свт. Николая Японского определило цель публикуемого ныне материала. «Дайте же (министерству народного просвещения. — Р. Ц.) программу такую, которой мы могли бы отдать свои силы и по которой могли бы идти систематично и надолго», — писал свт. Николаю (Касаткину) известный японовед Д. М. Позднеев в 1908 г., многим обязанный «старому японологу» за моральную поддержку и «нравственную бодрость». Мы полностью согласны с Дмитрием Матвеевичем в том, что свт.

Николай имел особый дар «программности», запечатлевшейся на всей жизни и трудах Апостола Японии. Однако за его дневниковыми записями, журнальными статьями и письмами, за каждой его мыслью стоит не столько талантливый человек, сколько Дающий всякому жаждущему и добросовестно ищущему Его. В незатейливых для современного «блуждающего» сознания и «томящейся» веры дневниках и письмах свт. Николая отсутствуют «проклятые вопросы», зато есть *деловые* записи: (6 ноября 1880 г.) «Вечером раздумался о том, что следует заняться авторством. Отрывочные мысли об этом никогда не оставляли меня, но все некогда было. И теперь будет некогда, знаю — но ради отдыха и развлечения нужно собирать материал для книжки какой-нибудь. В отдалении мелькают перспективы. Бог знает, выйдет ли что путное. Но хорошо бы писать. <...> Миссионерский дневник будет составлять ежедневную запись в книжке происходящего по Миссии. По прочим предметам не иметь записных книжек, а писать на листках все, что случится узнать или надумать, с заглавием впереди, — так, чтобы легко было потом подобрать в порядок. Если будет время, хорошо бы составить программу вопросов в возможно полном объеме предложенных к рассмотрению предметов. Думаю, что все это не невозможно, так как мои занятия по Миссии все почти более пассивные, чем активные, не исключая переводов и лекций, о которых тоже не нужно думать всегда, а лишь во время самого акта; значит, для свободной производительности время будет, лишь бы не жить мыслию, спуская рукава. Конечно, мысль не должна быть отнята от построек, например, от переписки с Россиею; но, правду говоря, на все времени должно хватить. Теперь, против прежнего, есть некоторые шансы большей производительности и свободы во времени. А как это будет освежать и поддерживать! Не даст погрузиться в рутину и говорить, что все — одно и то же; всегда будет свежая струя мысли, и не одна. А чрез десять лет, если придется посетить Россию, будет что напечатать. Итак, займемся, с Божией помощью!»

В нашем распоряжении оказалась часть рукописного наследия свт. Николая Японского, принадлежавшего некогда библиотеке С.-Петербургской Духовной академии. Кое-что из него еще не было напечатано, кое-что — частично, «с купюрами». Но дело в данном случае не в сенсационности публикуемого. Целью публикации ставится ее *полезность и необходимость* для тех, кого Церковь поставила учить (1 Кор. 12, 27–31) — для педагогов и миссионеров. При этом мы руководствовались наставлением самого Владыки, считавшего, что всякий труд может и должен быть сделан «во славу Божию». «Есть люди, — говорил свт. Николай в одной из своих проповедей, — призванные на служение церкви или сами себя посвятившие Богу. — Они прямо совершают дело Божие и тем спасаются. Но и всякий, оставаясь при своем деле, может точно так же делать дело Божие. Для этого необходимо свое служение совершить не для славы, не из корысти, а для Бога, совершать как долг, возложенный Богом. Земледелец, учитель, воин, купец — все они необходимы для человечества, для общества, всем им быть повелел Господь. Пусть они трудятся в сознании этого и для этого, тогда одним исполнением своего служения они получают Царство Небесное» .

В заключение хотелось бы напомнить читателям книги о двух важных моментах, связанных с датой смерти свт. Николая. Во-первых, в этом году исполняется 90 лет со дня его кончины. Во-вторых, 3 февраля (по ст. ст.) церковь вспоминает день смерти праведного Симеона Богоприимца. Какими-то таинственными нитями судьбы этих людей оказались связанными между собой. Прав. Симеон — сын Ионии Первосвященника, переводчик из числа «70-ти толковников». Как известно, он участвовал в переводе Св. Писания Ветхого Завета с еврейского на греческий язык. Септуагинта, с одной стороны, стала светом «во откровение» язычникам, а, с другой, — «славой» Израиля. Просветительская деятельность обоих праведников странным образом завершилась в один день, в который рука пишущего получила возможность осязать Неописываемого.

И еще несколько слов. При публикации писем мы хотели, насколько это возможно сегодня, передать авторскую интонацию, для чего без изменений оставили географические наименования, заглавные буквы в некоторых случаях; курсивное выделение, данное без специальной оговорки — *Р. Ц.*, касается того, что в оригинале было рукою автора подчеркнуто.

Составитель выражает свою искреннюю признательность Российской Национальной библиотеке и лично сотрудникам Рукописного отдела за существенную помощь в деле подготовки этой книги к изданию.

Января 16-го 2002 года.

Память прав. Симеона Богоприимца.

Письмо к А. Н. Голицыной

[№ 13 *]

Копия

Российская Духовная
Миссия в Японии
Тоокео
30 марта 1888 года

Княгине А[лександр]е Н[иколаевне] Голицыной ¹

Ваше Сиятельство,
Высокоуважаемая Александра Николаевна,
Господь да хранит всегда под
Своим благодатным покровом
Вас, Вашего дорогого супруга и
Всех Ваших близких!

С поздравлениями Вас я запоздал ²; но Вы были бы несправедливы, если бы подумали, что я не праздновал здесь душевно и не праздную доселе дней Вашего счастья, так прекрасно изображенную в Ваших и Вашей матери письмах. На нашей земле так редко приходится видеть полное счастье, что

* Нумерация писем здесь и далее приводится по оригиналу сшитой тетради из архива СПб.ДА. — Р. Ц.

когда увидишь его, хотелось бы, не отрываясь, смотреть на него, — а таково именно Ваше счастье. Как полна до краев душа Ваша, и как хотелось бы, чтобы так продолжалось всегда — всегда, вплоть до перехода Вашего в еще более счастливый мир, — чтобы ни капли не пролилось и не утратилось из него! Дай Бог Вам, дай Бог! С истинным умилением и полным сердцем молился и молюсь о том! Заочно познакомьте меня с Вашим супругом, и скажите ему мое искреннейшее и глубочайшее уважение! Значит же он достоин уважения, если сумел сделать Вас такой счастливой, — иначе кого же бы и уважать! Да благословит Бог Ваш союз непрерывным и безмятежным счастьем! Пусть ни одно облачко не потемнит Вашего (25–25 об.) горизонта, — ни один лепесток не завянет в Вашем брачном венке!

Мое долгое молчание припишите постоянному недосужеству; и не то чтобы так уже очень недосужно было, — а расположение совсем другое; для писем нужно писемное расположение, такое же здесь посещает редко, — именно когда скопится совсем уж много дел, по которым неотложно нужно писать в Россию; тогда поневоле на несколько дней сбрасываешь с себя, насколько возможно, путы здешних забот, переселяешься душой в Россию, и беседуешь, как вот теперь. В этом и заключается причина моих замедлений ответами на письма; ответ непременно будет сделан, — он лежит на душе, но там — далеко, а впереди — все текущие, неотложные, за горло хватающие здешние мелкие заботы и дела.

Примите глубочайшую благодарность за Ваши пожертвования на храм, истинно трогательные! Ящичек с драгоценностями и деньгами в нем своевременно получен. Драгоценности оставлены до России, чтобы сделать из них для употребления в новом храме, как я прежде писал, митру; митру, или что-либо из свящ. сосудов, — некоторые же вещи, наприм., стальной кошелек, — чтобы с выгодой продать кому-либо, хотя бы и из маленьких обитателей Москвы.

Вашего крестника Александра Вы просто осчастливили подарком прибора докторских инструментов; письмо его, извещавшее (25 об.-26) о получении подарка, исполнено чувств живейшей благодарности к Вам; я не переслал его Вам отчасти потому, что оно адресовано было на мое имя, хотя и состояло почти целиком из благодарностей, которые он поручил мне передать Вам, и из описания, как он, приехавши из деревни, где в то время жил у отца, в город, чтоб получить посылку, тут же и обновил Ваш подарок на операции, к которой внезапно был приглашен. Он в настоящее время служит доктором в одном городе, верст 50 от Тоокео; недавно я от него имел письмо, половина которого состоит тоже из выражений его к Вам привязанности, признательности и разных благожеланий. Христианское настроение он, по-видимому, блюдет; это видно, между прочим, из того, что, по его влиянию, все его родные сделались христианами, и в свою очередь ревностно приглашают к тому других, помогая своим усердием местному катехизатору, который и извещает обо всем этом.

Вероятно, также Вашей неиссякающей доброте Миссия обязана получением на храм от редакции «Гражданина» 550 руб[лей]. Примите глубочайшую признательность и за это!³ Будьте добры, если найдете случай, передать мою глубокую благодарность и его сиятельству, князю-редактору⁴.

Теперь позвольте приступить к речи о предмете, уже знакомом Вам, именно, о Детском Миссионерском обществе. Было время, Вы были очень заняты им; но Вы тогда были дитя; (26-26 об.) основать же и вести это Общество может только мать. У Вашей матери⁵ не было для того времени: мысль о Детском Обществе явилась в Вашем доме тогда, когда он был полон детей, а Ваша мать вся поглощена заботами о них. Основать бы тогда Общество, — княгиня Мария Александровна не могла бы как должно заняться им; а Вы, правда, могли бы и горели желанием заняться, и порывы Вашего энтузиазма были очень высоки (помните, как Вы, на вопрос,

поднятый кем-то из маленьких собеседников, что нужно чем-нибудь жертвовать для этого Общества, — так «чем же», — без запинки и с решительностью отвечали: «всем»), но крылья Ваши были еще очень юны: прямо и ровно лететь Вы не могли, а перепархиванием далеко бы не улетели, и не увели бы за собой многих, — так Общество и упало бы; а между тем идея потеряла бы обаяние новизны и оригинальности; другой раз Общество основать было бы несравненно трудней. Это и было причиной того, что я тогда об Обществе замолчал. Я положил ждать вполне благоприятного времени. И вот теперь это время настало. В пределах моего знания людей это Общество можете основать Вы, или же — из моих знакомых — никто; и потому, если Вы по каким-либо обстоятельствам откажетесь, то и я распрощусь с этой идеей, как ни многообещающа и ни плодотворна она.

Но доселе я питаю уверенность, что Вы не откажетесь. И подумайте, сколько добра осуществление этой идеи (26 об.— 27) обещает! Не будем пока брать во внимание материальную пользу для Миссии от сборов, — по моему, это меньшее из благ; большее же и самое существенное, это — увеличение суммы христианских мыслей, чувств и расположений в Обществе и через то возвышение религиозного состояния общества. Это будет детское учреждение; дети в нем, по самому смыслу учреждения, должны будут принимать живое участие. Но в чем может состоять это участие детей? Первее всего, в следующем: они будут слушать понятные их детскому уму речи своих маменек, что вот «мы знаем Бога, умеем молиться Ему, имеем церкви, собираемся туда молиться все вместе нашему Небесному Отцу, имеем праздники, во время которых нам особенно радостно молиться; но есть дети и взрослые, которые не знают Бога, не умеют Ему молиться; нет у них церквей, нет радостных праздников Рождества Христова, Святой Пасхи и других... Как нам не жалеть этих бедных детей и больших людей? Они ведь такие же люди, как и мы, они —

братья наши; и потому мы должны молиться Господу Богу, чтоб Он помог им познать Его, научить их молиться и т. д.; нужно также нам заботиться послать к ним учителей, которые рассказывали бы им о Боге и научили молиться, но этим учителям нужны и пища, и платье, нужны книги, иконы, крестики, а когда те люди станут мало-помалу узнавать Бога, то им нужны церкви, чтобы собираться туда для богослужения, значит (27–27 об.), нужно помочь им построить церкви, и проч. и проч.». Заметьте, эти мысли не из тех многих, которые взрослые имеют собственно для детского обихода, и передают детям с явной или затаенной улыбкой снисхождения либо шуток; нет, эти мысли из тех, которыми, уча детей, мы, взрослые, учимся сами, — которые и для взрослых и стариков вечно юны, свежи и составляют насущный хлеб дневной. Значит мать, говоря вышеозначенное, может и должна и, конечно, будет (да, будет, — материнское сердце сделает то! Какая же мать не вдохновляется желанием наполнить душу своего дитяти всем хорошим, добрым, возвышенным!) говорить с полным убеждением, с силой, с любовью, — и какой же конец тех речей? Возвышение детских рученок к Богу и детский молитвенный лепет за маленьких и больших язычников; потом, непременно жертва из своих детских средств на описанные маменькой нужды Миссии. Такие повторенные минуты — маменькины речи, молитвы, жертвы — что они? Да это — благоуханное миро, которое на всю жизнь благоухает детскую душу! Пусть даже со временем человек делается неблагочестивым (возьмем крайность); но на всю жизнь у него сохранится воспоминание об этих минутах, как о самых светлых, дорогих, — и много-много добра оно принесет ему в жизни. Вообще же, те минуты, часто повторяемые, начиная с первого раскрытия детского сознания и во весь период впечатлительного (27 об.–28) детского возраста вплоть до совершеннолетия, — повторяемые никак не официально, школьно, педантично (к этому и случаев не будет), а семейно, или в дружеском кругу,

произведут наклонность, расположение, привычку обращаться часто мыслью к общему Отцу Небесному, и принимать любовное участие в меньших братьях наших — язычниках, т. е., говоря проще, посеят и возрастят в душе семя к Богу и ближнему, — любви деятельной, всегда готовой жертвовать для Бога и ближних. Не великое ли благо это? И достижение этого блага так же несомненно, как несомненно то, что солнце светит, греет и живит; агенты-то единственные по своей надежности; агенты эти — материнское сердце, с одной стороны, и детская мягкая впечатлительность, с другой: какое же материнское сердце для своего дитяти не светит и не греет? И какое дитя не принимает живительного влияния матери? И тот свет, которым мать с любовью захочет осветить ум и сердце своего дитяти, есть свет Божий, — устремление ума и сердца дитяти к Богу; и теплота та — теплота доброты и любви к ближнему, — и особенно к такому несомненно нуждающемуся в нашей помощи ближнему, как язычник.

Конечно, значительное материальное подкрепление будет и для миссионерского дела от собираемых детских материальных пожертвований. И нужно иметь в виду, что в уставе Общества это должно быть поставлено главной и неуклонно (28–28 об.) преследуемой целью Общества; иначе — произойдет обман; всякий же обман в самом себе носит зародыш самоубийства: дети непременно заметят, что их хотят обмануть, и что главное вовсе не в том, чтобы собрать на нужды Миссии, а в воспитательной для них пользе, примут все за игру, и не замедлят охладеть к делу, — значит, и воспитательная цель не будет достигнута. Нет, нужно, чтобы дети не только думали и знали, что они дело делают, но и были уверены, что от их дела есть действительная польза; более взрослые из них пусть знают, сколько детское Миссионерское Общество доставляет сбора, и куда этот сбор идет; для этого полезно, чтобы детские деньги расходовались особо, и известно было, на что именно они расходуются; и всего лучше расходовать их

на самое понятное для детей, именно — на детей же, на их многообразные нужды, со школами включительно; в таком случае, кроме денежных пожертвований, какой неиссякаемый прилив пожертвований будет детскими вещами, платьем, учебными принадлежностями! (Я еще с 1869 года храню у себя, как драгоценность, несколько карандашиков, перья, резинку и двугривенный, как наглядный памятник порыва детского усердия в одном московском доме, когда 9-летняя девочка и 10-летний мальчик на вопрос, что бы они дали для язычников, едва только своим умом поняв, в чем дело, побежали и принесли все (28 об.—29), чем свободно могли располагать из своих детских средств!) И все то благо, все добро! Все будет иметь цену в очах Божиих, и сообразно с тем будет благословенно сугубым благословением, — благословением действительной помощи и пользы тем, для которых делается пожертвование, и благословением многообразной душевной пользы для самих жертвователей. Не забудьте еще и третью пользу: нравственную пользу для детей, на которых будут жертвовать; и им тоже и их воспитатели, миссионеры, и их матери скажут, кто заботится о них, кто посылает им и на пищу, и на платье, и часто самое платье, крестик, книжку; и их детские сердца тоже будут пробуждены, тронуты, возвышены чувствами благодарности, взаимной симпатии, затем — желанием подражать, в свою очередь, творить добро, словом, теми же высокими нравственно-религиозными движениями, какими одушевлены маленькие благодетели. В перспективе, при продолжающемся существовании и неослабном действовании Общества, — какая необъятная масса добра! Так от удара стали о кремень сначала вырубается едва мелькающая искра; но она, упав на сподручный материал, скоро обращается в согревающий и освещающий пламень, и чем больше материала, и чем дольше он снабжается, тем больше света и теплоты; материал же здесь — неисчерпаемое и никогда не ослабевающее материнское чувство и детская впечатлительная душа, с

посредствующими между ними: (29–29 об.) возвышеннейшею из заповедей — о любви к Богу и ближнему — и благодатной помощью свыше к исполнению ее.

Не заманчиво ли, не увлекательно ли все это, не зовут ли Вас приложить к этому свою энергию, труд, все, какие Бог дал Вам способности души Вашей? Не беспокойтесь, через это Вы не отнимете ничего — ни у Вашего мужа, ни у Вашего домашнего очага вообще. Добрые дела тем-то и хороши, что они обогащают благом в обе стороны — и того, для кого творятся, и того, кем творятся. Ваша любовь к язычникам, которой, конечно, Вы сами вполне должны проникнуться, чтобы вдохновить ею Ваших будущих детей, других матерей и через них — их детей, не отнимет ничего от Вашей любви супружеской, а напротив, если возможно, сделает ее полней, возвышенной, будет постоянно держать на высоте идеальной, будет постоянно питать ее из неистощимого источника любви к Богу и возвышеннейшей любви к ближним; ибо, вообще, многообразные виды любви доброй, Богом вложенной в душу человека, не суть отдельные друг от друга виды, а ветви одного ствола и корня, — и корень тот — любовь к Богу, ствол — любовь к ближним; лучшие ветви на нем, бесспорно, — любовь супружеская и родительская; но нельзя взять их отдельно, отломить от дерева — они со временем непременно засохнут; нужно все это небесное растение целиком питать и лелеять в душе, (29 об.–30) тогда и благороднейшие ветви его — любовь к супругу и детям — постоянно будут живы, свежи, прекрасны.

Итак, разве не возьмете на себя осуществить мысль о Детском Миссионерском обществе? О, я уверен, Вы возьмете! И Вы, с помощью Божией, можете это сделать. Но только наперед нужно знать и все трудности дела, и заранее решиться на них. А трудности немалые. Начать с того, что Вам самой трудно будет удержать постоянство в Вашем решении, не ос-

лабеть, не охладеть, не устать. Имейте в виду, что, если Вы предпримете основать это Общество, то тем самым пред Богом и людьми добровольно наложите на себя узы, которые должны будете носить целую жизнь. Конечно, Вы во всякую минуту можете сказать: «Не стану я больше этим заниматься; не мое ведь личное дело!» — и можете действительно бросить всякую заботу об Обществе, но этим не избежите тайных укоров совести, что вот Бог поручил Вам одно из Его дел на земле, и Вы отказались исполнить дело Божие, не избежите и укоров от людей — тайных или явных, — что не нашлись повести дело с постоянством и неослабной энергией. И правы будут и укоры Вашей совести и укоры людей! Итак, взявши раз на себя дело, Вам нужно будет волей-неволей нести его до конца жизни, или, по крайней мере, до того времени, пока Вы можете передать его другому лицу, со спокойным сознанием, что передаете в надежные руки. Но, говорю, как трудно будет Вам ослабеть, сохранить (30–30 об.) постоянство, верность принятому на себя долгу! Дело — не недели, не месяца, не года, дело не касающееся только Ваших родных и друзей, которые все, конечно, будут сочувствовать и помогать Вам, — дело касающееся всех, кто только захочет коснуться его — на всем обширном пространстве России, а у касающихся у иных могут оказаться руки не в перчатках и сердце не возвышенное. Прежде всего, дело, при самом, так сказать, рождении его на свет, при самом объявлении о нем, в Вашем же кругу может у иных возбудить пренебрежительные отзывы, у иных холодный отказ, у иных насмешку, а у иных не возбудит ровно никакого внимания, что иногда бывает тяжелее насмешки. Затем, если дело пойдет хорошо, оно может у иных возбудить недоброе чувство зависти и, сообразно с тем, также (тайное) или явное противодействие и помехи; если, — что весьма может случиться при начале дела, по недостатку опытности, и чем собственно смущаться никогда не должно, — дело пойдет

на первое время не совсем удачно, — мало заинтересует людей, плохо будет исполняться устав его и т. под., — тем более опасности упасть духом, разочароваться и бросить дело. Наконец, независимо от всего этого, для Вас самих дело, потеряв интерес новизны, может сделаться скучным, тягостным, вываливаться, так сказать, само из рук. Все эти препятствия на пути к осуществлению дела нужно наперед измерить (**30–31 об.**), взвесить, сопоставить их со своими силами, своим внутренним настроением, всем арсеналом своих средств, и откровенно перед Богом и совестью решить — возможно ли принять на себя дело, с тем, чтоб потом не бросить его, или же лучше не прикасаться за него. Неторопливое и спокойное обдумывание, по возможности, ясное и полное представление себе будущего, со всем его разнообразием, мысленное поставление себя во всевозможных с делом сопряженных обстоятельствах, и везде наблюдение над собой — манит ли к делу, нравится ли оно, любовно ли смотрит на него душа — вот что наперед нужно; если, при всем этом самоиспытании, душа прорывается к делу, мысль о нем производит приятное ощущение, — верный знак, что дело по душе и по силам; если же, при самоиспытании, всегда оказывается, что душа содрогается, отворачивается, боится, не сочувствует, — верный знак, что дело не по душе: от него нужно отказаться и предоставить его другим. Заметьте еще необходимое при этом: молитва и вопрошение Бога: «Господи, скажи ми путь!» Это — непрременнейшее условие доброй решимости на то или другое. Если Господь, по Его слову, заботится и о каждом волосе на нашей голове, то, конечно, Он ответит нам — в тайном голосе нашей души, укажет нам путь, по которому хочет и будет вести нас, если мы потом не воспротивимся Ему.

Это самоиспытание, вместе с обдумыванием и устава (**31–31 об.**) Общества, говорю, должно быть не мимолетным. Для того-то я и пишу Вам так заблаговременно, когда еще Вы даже не в качестве, приличном для открытия Общества. В это

время Вы можете на досуге, советуясь лишь с Вашим мужем, матерью и еще с кем Вам заблагорассудится, все зрело обдумать, решить и, с помощью Божией, решиться.

Итак Вы решились на открытие Общества, — без уверенности в том я и не писал бы к Вам сие письмо. Коль скоро Вы решились, то, конечно, уже сами отлично сознали, что все трудности, как вышенамеченные, так и другие, при помощи Божией, не неодолимы, и приготовились одолеть их. И в самом деле, например: холодность, несочувствие, пренебрежение людей — что это такое? Способно ли это остановить на пути человека, хоть мало-мальски живого и сознающего важность своего дела? Зимой на улице много льда; но пойдете ли Вы греться к нему? Или рассердитесь ли, либо опечалитесь, что от него веет холодом? Так и в Вашем деле; что некоторые люди от природы холодны, или нахожены обстоятельствами, воспитанием, средой, образом жизни, — какая же здравая логика свяжет все это с ущербом для Вашего дела? Они — сами по себе, Ваше дело — само по себе; если оно их не интересует, если они неспособны заимствоваться от него пользой душевной, — для них же хуже. Что некоторые неспособны пользоваться солнечным светом, и бранить его (**31 об.-32**), что от него больно их глазам, — какой же ущерб от этого Вашему зрению, — или солнечному свету? Мы знаем только, что таких людей следует пожалеть; если же как-нибудь возмутимся душой, или вознегодует на них, то будет похоже на то, как будто мы сами заразились от них их болезнью (недостаток Христовой любви). Итак, Ваше дело будет полезно Вам и в том отношении, что научит Вас спокойно и любовно относиться и к людям, не сочувствующим Вам, не платить гневом за насмешку, ненавистью и презрением — за холодность и пренебрежение, словом, — даст Вам случай и благоприятные обстоятельства развить и воспитать в себе действительную, жизнь испытанную, широкую и крепкую, истинную христианскую любовь к ближним. Утомление делом от его однообра-

зия, или докучливости? Но ведь этак же можно утомиться всяким делом, всякой службой; утомление, действительно, и бывает оно, быть может, по временам, в некоторой степени и неизбежно: но против него самое действительное лекарство — сознание долга. От начала дела, при постоянстве в 5–6 лет — какое выработаете Вы себе непоколебимое чувство и сознание своего долга! Как это воспитает Вас вообще для жизни, во всех ее многообразных проявлениях, сделает Ваше слово почетным, Вашу силу крепкой и надежной для всех, ищущих опереться на нее! Скажут: «уже если она сказала, так это верно»; «если она обещала, так это обеспечено»; «если она (32–32 об.) взялась, так это надежно»... Жизнь не весьма многих дарит и такими патентами на общее уважение. Говоря это, как видите, по течению речи, — не в видах сказать Вам что-либо приятное, или, наоборот, неприятное (как будто-де и без того мое слово не было бы почетным), — говорю просто о результате, к которому дело само собой придет, — о выработке Вашего характера, об отлитии его, так сказать, в форму классически безукоризненной законченности и красоты.

В Вашем положении будет еще значительно ободряющим и удерживающим от утраты энергии и то обстоятельство, что Вы совершенно самостоятельно станете на путь совсем новый, неизбитый стопами других. Когда многие толпятся на одной дороге, или за одним делом, тогда незаметно можно отстать: сесть, сложить руки, — «делу-де не будет от этого урон»; это, к несчастью, весьма многих у нас русских, еще не достаточно воспитанных для серьезного дела, похищает у дела, обращая в бесполезных зрителей лишь, как другие трудятся. Вы же будете свободны от опасности с этой стороны. Ваше сознание будет Вам говорить: «сама ты добровольно возложила на себя бремя сих новых обязанностей, никто не шел впереди тебя и не влек на этот путь; а раз взялась за дело так пред Богом и людьми — ты обязана вести его, ибо это — твое дело, не чье другое (по крайней мере, значительное вре-

мя), а именно твое; бросишь ты его, значит оно упадет (32 об.–33) и разрушится, — и тебе будет грех перед Богом и стыд перед людьми. Верьте, это тоже — не последний стимул, который будет возбуждать Вас к труду и неустанности.

Дальше, весьма важным ободряющим и поддерживающим Вас элементом будет — сочувствие и содействие Вам всех людей добрых, как Вашего Общества, так и других сфер. Если выше я указал на возможность для Вас встретить несочувствие и даже противодействие, то это потому, что во всяком деле прежде всего нужно уготовить себя на все трудности и на все нерадостное, — благоразумие того требует. Но ведь Ваше же дело и вместе с [тем] такое симпатичное, такое видимо и бесспорно хорошее, что все хорошие люди, все люди с добрым сердцем и хоть некоторой долей благочестия в душе непременно присоединятся к Вам и станут помогать Вам, трудиться вместе с Вами. Как я уже указал, Ваше дело связано с людьми, у которых и без того в движении и действии — самые хорошие чувства: матерей оно касается прежде и больше всего и, в их отношениях к детям — предмета самого важного — воспитания в детях религиозно-нравственных чувств; матери нужно быть слишком легкомысленной, чтобы не желать в этом отношении помощи себе; а Вы и дадите эту помощь, — самую простую, легкую, подручную, и притом — самую (33–33 об.) действительную помощь. Какая же мать за это не почувствует симпатии, дружбы к Вам и не захочет содействовать Вам? И сколько тут утешения, какой источник ободрения и обновления сил для Вас!..

Впрочем, все это стимулы и утешения — лишь побочные поддержки для Вашего дела. Прочное же основание, на котором будет утверждаться красота его, — это Ваша собственная материнская любовь, имеющая средоточие в Ваших детях, но не вмещающаяся, не поглощающаяся вся в этом центре, а светлыми и теплыми лучами льющаяся оттуда и расходящаяся далеко, далеко, до заключения в своих кругах всех детей, си-

дящих во тьме и сени смертной, но тоже — братьев и сестер Вашим родным детям; всех их Вы готовы будете обнять, всех осчастливить и украсить благодатным именем христиан, — причем, однако, Вашим родным детям не только не будет никакого лишения, а, напротив будет приобретение, потому что любовь — огонь, который, если разгорается так ярко, что и дальним от него светло и тепло, то тем светлее и теплее для ближних. Неиссякающим источником силы и постоянства в Вашем деле будет твердое и ясное сознание, что Вы служите вселению Христа в сердца Ваших и множества других детей, — что может быть выше, благороднее, светлее этого дела? И что другое найдется на земле, что могло бы отвлечь (33 об.—34) Вас от него?

Но так как во всяком добром деле, для полноты и совершения его, непременно должно быть два элемента — человеческий и Божественный, то новый источник несокрушимой энергии и силы Вы найдете в благодатной помощи от Бога, если только будете молитвенно просить Его о ниспослании сей помощи, — просить же Его Вы должны, — и притом — никогда не забывать просить, если не хотите, чтоб энергия Ваша, как подстреленная на одно крыло птица, скоро обессилела и упала. И Бог непременно даст Вам эту помощь: в Евангелии Вы найдете собственные Его уверения и письменные обязательства в том.

Теперь несколько об уставе Общества. Устав никто не может сочинить, кроме Вас самих; он должен быть Вашим детищем, порождением Вашего ума и сердца, органически связан с Вами во всех своих пунктах: тогда обеспечено будет приведение его в действие, полное целостное осуществление его; не будет одно твориться, другое упускаться из виду, потому что председательница говорит и думает: «я с самого начала была противного мнения»; «по-моему, тогда же казалось это неисполнимым» и т[ому] под[обное], в каждой из каких фраз — уже зародыш упадка дела и распадение всей

организации. Но спрашивать мнение (34–34 об.) других Вы можете; и все, заинтересованные делом, должны подумать и высказать Вам, что им кажется резонным и желательным. Только пусть эти мнения несколько не стесняют Вас; смотрите на них как на сырой материал, или лучше как на толчки, возбуждающие Вашу самостоятельность и наводящие на мысли; если при этом Ваши мысли попадут в такт с мнениями других, — не считайте, что Вы последовали мнению других, и сии последние не должны думать, что Вы руководитесь их мнениями. Если солнце светит или дождь идет, и Вам скажут о том, а Вы, выглянув в окно, скажете: «да, действительно, солнце светит», или «дождь идет», — это не значит, что Вы последовали мнению других, и не может гордиться сказавший Вам, что — вот Вы держитесь его мыслей; он был причиной только возбуждения Вашего внимания к предмету; а раз возбужденная ваша мысль не могла не признать существующего факта, как очевидной истины. Так и в этом деле; могут быть слишком очевидные истины или факты, на которые, однако, Ваше внимание впервые будет обращено другими; чрез это Вы несколько не становитесь в положение последующего чужим мыслям, равно как указавший Вам не может кичиться притязанием на оригинальность; иначе у дела тотчас же явится множество хозяев; оно растащено будет по клочкам и уже живым не останется. Словом, Вы должны принять методу (34 об.–35) всех мудрых деятелей: слушают они широко, даже споры заводят, чтоб, где нужно, как огнем из кремня, добыть побольше искр мысли; но думают они в тиши много и глубоко, — и дело из лаборатории их духа, как Минерва из головы Юпитера, выходит во всеоружии стройности, красоты, жизненности, законченности; пусть потом окружающие шумят: «моя — рука, моя — нога», и проч.; родивший дело и спорить с ними не станет; для утешения им, пожалуй, поддакнет их притязаниям; он будет сосредоточен только на одном — чтобы рожденное им жило: и оно будет

жить, пока человек внутренне будет хранить сознание самостоятельности. Итак, самостоятельность в деле — вот первейшее условие его прочности и жизненности; а затем, широко — направо и налево — спрашивайте мнения других и свободно слушайте их. В сих видах, решаюсь и я высказать несколько мыслей касательно устава; если пригодятся, буду очень рад; но уж ни в каком случае не признаюсь в них, если увижу потом что-либо подобное в Ваших мыслях и планах, словом в Вашем уставе: то будут Ваши собственные мысли и планы; я буду счастлив, если подам Вам хоть малейший повод только подумать, или придумать.

Устав, по моему мнению, прежде всего должен отличаться простотою, несложностью, удобоприменимостью и удобоосуществимостью. Избави Вас Бог допустить в нем правила (35 — 35 об.), которые потом окажутся в тягость Вам и другим. Это сразу же охладит к делу и Вас самих и многих; «первый блин комом», пословица о плохо начинающих, плохое утешение при этом! Пусть будет в уставе немного параграфов, но все — существенно нужные, очевидно полезные и удобоосуществимые. Что Вы сами еще не вполне ясно и отчетливо сознали, или в осуществлении чего не уверены, то так и оставьте пока — в мыслях, в устав отнюдь не включая. Устав с течением времени может быть дополняем и преобразуем, по мере практического уяснения дела, и раскрытия всех его сторон и нужд.

Члены Общества — дети, под руководством их матерей. С какого возраста они могут быть записываемы в члены? Спаситель сорокадневный принесен был в храм для посвящения Богу; следуя сему указанию, Церковь 40-дневных детей «воцерковляет», делает своими членами. Следуя сему двойному ясному указанию, прилично с сего же возраста допустить детей в члены Общества. Предел, до которого они могут оставаться в Обществе, очевидно, указывается летами их совершенного возраста.

Какие обязанности членов Общества? Помогать делу

Миссии: 1) молитвой к Богу об успехе Миссии; 2) денежными взносами и потребными для Миссии вещами.

1. Молитва может быть семейная, дома, и общественная (35 об.–36)? в храме. Домашняя ежедневная молитва может быть очень краткой; например: «Господи Иисусе Христе, Боже Наш! Молитвами Пречистыя Твоя Матери, Св. Ангелов, Св. Апостолов, Св. Мучеников и всех Святых, просвети наших братьев и сестер, еще не знающих Тебя, светом истиннаго Твоего Евангелия!» Но среду и пятницу, как дни, особенно напоминающие о спасительной жертве Нашего Искупителя за всех людей, следует ознаменовать более усердным молением, т. е. приносить более обширную, нарочно для того составленную (кем-либо из лиц высокой духовной жизни и способных сделать это) молитву.

Молитва в храме, среди установленного богослужения не может быть введена особая для членов Мис[сионерского] общества; в этом и нужды не стоит; все богослужение наше проникнуто духом высокой христианской любви ко всем людям и мольбою за всех. Итак, члены Общества пусть только держат в уме, вместе с другими предметами молитвы, и людей, еще не знающих истинного Бога, и в сердце взывают к Богу об обращении их, — этим обязанность их будет исполнена. Пусть еще поставлено будет правилом: делать поклон на ектении об оглашенных, как особенно близко касающейся миссионерского дела. Нелишне напомнить в уставе, что члены Общества должны иметь своею непеременнейшею обязанностью тщательное наблюдение (36–36 об.) общецерковного правила о бытии в церкви во все воскресные дни и двенадцатые праздники.

2. Эти же дни и праздники должны быть ознаменованы исполнением и другой обязанности членов Общества: приношением материальной жертвы на дело Миссии. — Каким именно денежным взносом определить право на членство в Обществе? И для этого всего лучше опереться на незыблемую

скалу — Евангелие. Спаситель благоволил одобрительно указать на приношение вдовицею двух лепт; очевидно, приношение было сделано по поводу праздника. Пусть будет это поставлено низшим пределом взноса: дитя, внося по всем воскресеньям и двенадцатым праздникам две копейки, пусть будет действительным членом Общества. Дети богатых родителей могут обязать себя более значительными регулярными взносами; но это пусть будет предоставлено каждому на собственное решение, после которого, однако, принятое обязательство должно быть неукоснительно исполняемо.

До 12-летнего возраста дети — члены Общества — участвуют в Советах и действиях Общества через своих матерей. Но с 12-ти лет им самим можно предоставить некоторую долю участия в советах и действиях Общества; это будет тоже на основании евангельского примера: 12-летний Спаситель уже рассуждал в храме (36 об.—37) Иерусалимском, в обществе книжников.

Праздник Сретения Господня хорошо бы сделать преимущественным праздником для мужской половины членов Общества, Введения в Храм Пресвятой Богородицы (или Рождество Богородицы) — для женской.

В эти праздники, в определенный для того час и в указанное заранее место, и собираться бы, — мальчикам в свой праздник Сретения, девочкам — в свой — Введения, для рассуждения о делах Общества.

Дети ниже 12-летнего возраста на эти совещательные собрания не должны быть допускаемы, как для того, чтобы не сделать их местами беспорядочного шума, так и для того, чтобы в глазах детей сделать их почтенными. Равно и посторонних людей не должно быть на этих собраниях, чтоб не стеснить детей, а дать им свободно, при помощи их матерей, рассудить о деле.

Кроме сих двух собраний, хорошо бы иметь одно — общее, пред общим собранием большого Миссионерского обще-

ства, напр., 8-го Мая, в день Св. Апостола и Евангелиста Иоанна. На этом собрании секретарь Общества должен прочитать отчет о состоянии Общества, числе членов, об употреблении прошлогоднего сбора, о количестве нового. Здесь же должны быть выбраны из детей более возрастных, напри-м[ер.] свыше 15-летнего возраста, — по три или более (**37–37 об.**) члена для представления, под руководством председательницы совета, детских пожертвований собранию большого Миссионерского общества, равно для заявлений, какие могут иметься при этом, — напри-м., об употреблении специально назначенных сумм и под[обного]. Это придало бы детскому Миссионерскому обществу должный вес в мнении самих детей и авторитет в глазах посторонних, потому что суммы, которые будут представляемы через детские руки, вероятно, будут не заслуживающими внимания и уважения. Выбор в эти депу-тации может быть производим или по соображению с суммой взноса, или же по жребию.

Нелегкое дело будет собирать пожертвования. Как это устроить? Тут нужны советы людей практичных и содействие людей власть имеющих. Всем этим, вероятно, не невозможно будет заручиться. Самое лучшее бы — заинтересовать в деле Общества священников, убедить их и самих присоединиться к Обществу, включением их детей в члены. По каплям у священников стекались бы маленькие взносы маленьких членов, передаваемые в их руки матерями или самими детьми — в Воскресенье и другие праздники; священники же, по полугодиям (или в меньшие сроки), пересылали бы их — где в городах есть отделение большого Миссион. общества — туда, для доставления в совет Детского общества, или прямо в Москву. Опыт сборов нынешних (**37 об.–38**) взносов в большом Мис. обществе может снабдить полезными указаниями в этом деле. У всех священников, и вообще у всех лиц, получивших право собирать взносы, должны быть законные сборные книжки. Мне кажется, право снабжать ими от самого Мис. общества, за

его печатью, можно выхлопотать; тогда совет Общества — во всякий приход, где явится хоть один, желающий быть членом, пусть и посылает книжку, — это упростит для других поступление в члены. На книжке должно быть печатное указание, как поступить в члены, какие обязанности, также — как собирать взносы, когда и куда высылать, и проч.; все это, со включением и просьбы священнику об усердном содействии Обществу, можно вместить на одной странице, на оборотной стороне книжечной обложки.

На членский билет нужно не пожалеть ни стараний составить его, ни средств напечатать. Он должен быть очень красив, чтоб ребенок дорожил им, и весьма назидателен, чтоб стоило дорожить. На нем должны быть миниатюрные группы, например, в середине: Нагорная проповедь Спасителя или Спаситель, благословляющий детей, и под[обное], по сторонам: проповедь Ап. Павла в Ареопаге, проповедь Св. Кирилла и Мефодия, маленькие мученики, как Св. Уар, Св. Кирик, Св. Вера, Надежда и Любовь и проч. Каждая мать непременно повесит такой билет над кроваткой своего дитяти, и много-много (38–38 об.) хороших, назидательных речей вольется в душу ребенка по поводу его.

Но чтобы и эти группы сделать для всех понятными, и еще более заинтересовать, как детей, так и сопричастных к ним взрослых делом Общества, очень бы полезно издавать, от времени до времени, «Детские листки», наподобие нынешних Троицких, — с жизнеописаниями Св. Апостолов, известных Св. проповедников, также за имя Христова страдавших мучеников, особенно детей; наконец, тут же помещать, и какие имеются сведения из Миссии, которым дети помогают своими пожертвованиями, и об употреблении этих самых жертвований. Если эти листки будут составлены умело, то, нет сомнения, в Общество проникнет масса народа, — с чем вместе начнется цветущее его состояние, ибо море состоит из капель. Имея в виду этот результат, и потрудиться, и средств не пожа-

леть! Листки эти — рассылать членам бесплатно, и их же просить продавать другие листки желающим; таким образом листки и окупаться станут, по крайней мере, со временем.

Кроме того, для благословения особенно усердным жертвователям, прилично Обществу иметь свои иконы, напริม., Сретения, Введения, Св. Иоанна Богослова, детей мучеников, детей Святых и проч., также — для подарков (38 об.—39) тоже — ознаменовавшим себя особенными заслугами членам, гравюры: Св. Семейство, 12-тилетнего Иисуса, Пророка Самуила — дитятей, Св. мучеников Маккавеев и под[обное]. Все это должно быть в таком виде, чтобы и по внешности дорожили благословением, или подарком.

Все вышеизложенное показывает, что Общество и само на себя должно будет издерживать немалую сумму денег. Но да не будет эта сумма заимствуема из детских пожертвований! Пусть они целиком идут на предназначенное св. дело, — пусть и дети, и все твердо знают это; пусть никто никогда не скажет: «вот де я (или мой ребенок) пожертвовал на распространение Евангелия, а моя лепта пошла на носовой платок писарю Общества» и под[обное]. Итак, для расходов на Д[етское] М[исионерское] общество должно еще образоваться другое Общество. Это уже должно быть общество нескольких богатых лиц, которым несколько сотен рублей в год пожертвовать нетрудно, — общество Ваших близких друзей и родных с Вами сами-ми включительно. Всего лучше, если это будет просто частным делом этих немногих лиц. Пусть и все знают, что на ведение Детского Мис[сионерского] общества немало делается затрат, но что эти затраты — частное дело жертвователей, желающих употреблять свои пожертвования именно на это; этим будет подан лишь пример христианской скромности при жертвованиях (39—39 об.). Собственно, и сообщать публике подробности и источник этих расходов препятствий нет, кроме следующего соображения: можно опасаться, что в первый же год расходы на самое Общество (печатание объявлений, биле-

тов и подоб.) далеко превысят сумму, собранную от членов Общества, детей; так, люди несерьезные, не вникающие в трудности начала дела, могут с насмешкой отзываться (несколько подобаясь в этом Иуде Предателю): «...отчего бы прямо сих денег, израсходованных на самое Общество, не послать в Миссию, вместо того, чтоб тратить их на собрание суммы, гораздо меньшей...» Не поймут эти люди важности дела, которая, главным образом, состоит в воспитательном значении его, как выше было сказано, и своим злословием и насмешками могут смущать некоторых и вредить делу, чего вначале, когда оно, как новорожденное дитя, будет еще слабо и нежно, всячески нужно избегать. Добрые же люди между Вашими знакомыми и родными, которые согласились бы с христианским бескорыстием и скромностью жертвовать в год две-три сотни на лучшее из христианских дел, ужели не найдутся?. Не может быть... Вы знаете С. А. Рачинского и его школу; ну вот тут нужно хоть малую долю того, что он жертвует, и в приблизительно таком же духе, в каком он жертвует. (Для начала, позвольте предложить Вам **(39 об. – 40)** от меня 25 руб[лей] в год; весьма жалею, что сотнями жертвовать не могу; но, право же, и тысячу весьма охотно отдал бы на это золотое дело!)

Пожизненных членов этого Общества не может быть; но почетных – следовало бы допустить, — это именно юношей и девиц, отличившихся или особенно крупными, или в других отношениях особенно замечательными пожертвованиями; достигнув совершеннолетия, они будут оставлять Общество и, вероятно, переходить в большое. Но, для примера и поощрения других, их хорошо бы избирать в почетные члены, с дарованием им дипломов на то, и с удержанием их фотографий в Обществе.

Управлять всем вышенамеченным механизмом дел, хотя и не очень сложным и трудным, нужны люди. Это и будет Совет Общества. Председателем Совета едва ли найдет время и возможность быть Высокопреосв[ященный] Митрополит.

Нужно попросить одного из викариев. Но и он, вероятно, будет больше номинальным, чем действительным главой Общества, ибо тоже едва ли найдет возможность посвящать много времени и внимания ему. Душою же и главной двигательницей Общества должны быть Вы, как основательница его. Вашими помощницами изберите двух-трех (**40–40 об.**) лиц, вполне единодушных с Вами. На первое время особенно большого Совета не нужно, — во-первых, чтобы большая голова не перевешивала еще очень маленького тела, во-вторых, — при многих членах неизбежны несогласия в мнениях, и оттого — непоследовательность или нерешительность в распоряжениях и задержка в делах, тогда как на первое время именно самое важное — стройность, правильность и безостановочность движения. Выборов или баллотировок в председательницы, советницы и т. под. не нужно; это было бы, по крайней мере, на первое время, пустой и вредной формальностью и даже, при неудачном выборе, расстройством и смертью дела. Если у Вас дело будет идти успешно, то все добрые люди, поверьте, будут благодарны Вам, и с охотой будут принимать Ваши добрые распоряжения и следовать им, — тем более, что все же будут видеть, что Вы жертвуете для дела, кроме личного труда и материальными жертвами, а употребление собираемого — до копейки — представляете Совету большого Миссионерского общества. Если, по мере течения дела, другие матери захотят участвовать в Ваших советах, то Вам нужно будет только радоваться и с любовью принимать их участие. Когда, (**40 об.—41**) года в три-четыре, дело примет определенное течение и прорежет себе русло, тогда уже и от умножения членов Совета нечего будет опасаться остановки или извращения; но тем не менее и тогда Вам нужно будет крепко держать в своих руках нить дела, — иначе тотчас же и пойдут неаккуратности, запоздания, забвения и проч., что в совокупности не замедлит засорить русло и замутишь течение.

При существе дела хорошо бы избежать громких названий, вроде «председательницы» и т. под. Первое место за столом, при совещаниях, бесспорно, и без слова будет принадлежать Вам — основательнице Общества; а затем, порядок мест, наприм., — по времени присоединения к Совету; общее же название — «Совет матерей», или еще как найдется более подходящим.

Секретаря Общества непременно нужно, — и человека дельного, аккуратного в ведении дела и не занятого бы другой службой. На жалованье ему следует не пожалеть достаточно обеспечивающей его суммы, — лишь бы это был честный и преданный делу человек. Он должен принимать непосредственно от Вас все распоряжения и заботиться о приведении их в исполнение, за чем Вам самой нужно будет неленостно следить.

Вот на первый раз что пришло в голову. Если из вышеозначенного (41–41 об.) что усвоите, то уже никак не считайте потом заимствованием, ибо что пройдет чрез лабораторию Вашего ума и сердца и будет ассимилировано с Вашим собственным образом мыслей и чувств, тут уже будет Ваше собственное, родное; окажется это потом хорошим — Ваша похвала и пред Богом и пред людьми; окажется дурным, неудачным, — тоже ответственность будет лежать на Вас; не скажите потом: «это тот-то или та посоветовали», — никто не примет это объяснение, а всякий припишет неудачу Вашей малозаботливости.

Письмо мое, однако, до того растянулось, что я, оглядываясь назад, с отчаянием помышляю, дойдете ли Вы до конца его. Итак, нужно кончить. Желалось бы, однако, продолжать переписку об этом предмете, и желалось бы еще больше, чтоб переписка не была бесплодной.

Вашему милому и дорогому супругу, князю Павлу Павловичу ⁶, усерднейше прошу передать мой нижайший поклон и все лучшие благопожелания, со включением покорнейшей

просьбы принять участие в предмете сего письма и помочь Вам в деле основания и ведения Общества.

Вашему истинно доброму отцу, высокопочтенному (41 об.–42) князю Николаю Петровичу ⁷ прошу засвидетельствовать мое искренне глубочайшее уважение.

Княгине Марии Александровне, Вашей бесценной матери, положительно лучшей из матерей, каких только я знаю, также прошу передать мое глубочайшее почтение и усерднейшую просьбу помочь Вам основать Д[етское] М[иссионерское] общество и руководить Вас своею обширною опытностью и испытанною материнскою мудростью.

Вашим милым братьям и сестрам также будьте любезны передать мой сердечный привет, поклон и искреннейшие благопожелания.

Усерднейше молю Господа, да хранит Он всех вас в Своей любви и ополчением Ангелов Своих да ограждает вас!

Примите уверения в глубочайшем моем почтении и истинно-сердечной преданности.

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга и всегдашний богомолец
Начальник Российской Духовной Миссии в Японии
Николай, Епископ Ревельский.

Приметания

- (1) *Голицына Александра Николаевна*, урожденная княгиня Мещерская (1867–?).
- (2) В 1887 г. княжна Александра Николаевна вышла замуж за корнета кавалергардского полка князя Павла Павловича Голицына.
- (3) В этом месте на полях письма имеется собственноручная приписка княжны следующего содержания: «Это пожертвование совсем не через меня шло».
- (4) *Мещерский Владимир Петрович*, князь (1839–1914), камер-

юнкер, родной дядя Александры Николаевны, известный публицист, редактор и издатель политического и литературного еженедельника «Гражданин» (1872–1914), автор трех томов «Воспоминаний».

- (5) *Мещерская Мария Александровна*, урожденная графиня Панина († 1903), дочь графа А. Н. Панина, чиновника особых поручений при попечителе Московского учебного округа († 1850).
- (6) *Голицын Павел Павлович*, князь (1856–19?), муж княгини А. Н. Голицыной.
- (7) *Мещерский Николай Петрович*, князь (1824–1901). О нем мы можем узнать из воспоминаний его родственника, Н. П. Мещерского: «...чувствуя свое одиночество в Петербурге, среди этого шумного света, я искал душевного успокоения и родного приюта у дяди своего, князя Петра Ивановича Мещерского, женатого на старшей дочери Карамзина, единственного родственника моего в Петербурге. Я по этому поводу могу сказать, что я был избалован судьбой, найдя в моем дяде друга и советника в то время, когда я всего более в них нуждался.

Никто не был радушнее, приветливее и любезнее к своим родственникам, как он и тетушка моя Екатерина Николаевна. Их семейная жизнь была образцовая, а забота их о своих детях трогательна. Замечательная кротость родителей отразилась и на детях, которые впоследствии отличались ровными и добрыми характерами.

Старший их сын Николай, любимец матери, превосходно учился и отличался выдающимися способностями, причем был замечательно скромным и застенчивым. Он сделал довольно быструю карьеру, женился на графине Марье Александровне Паниной и состоял впоследствии попечителем учебного округа в Москве.

Будучи в то время в очень хороших отношениях с графом Толстым, министром народного просвещения, я за

честь себе считаю, что несколько содействовал этому назначению, которое оказалось весьма удачным.

Когда обстоятельства в 60-х годах свели меня с моим двоюродным братом князем Николаем Петровичем, то я имел случай оценить все его качества вполне и всем сердцем к нему привязаться; да его и нельзя было не полюбить! За свою высокую честность, беспристрастие, необыкновенную деликатность и знание дела он был всеми любим и уважаем, в особенности во время своей деятельности как попечитель Московского учебного округа.

Единственный упрек, которому подвергалась его деятельность как попечителя, был, по моему мнению, в высшей степени несправедливый: его критиковали за то, что он сосредоточивал все свое внимание на гимназиях своего округа и слишком мало проявлял влияния и своей личной инициативы в делах Московского университета.

Дело в том, что мой двоюродный брат не сочувствовал новому университетскому уставу, созданному под влиянием либеральных веяний (недоброй памяти шестидесятых годов), который появился в начале вступления его в должность попечителя. Этот устав в том виде, в котором он тогда был составлен, в сущности, представлял собою всецело не что иное, как бесконтрольное университетское самоуправление, в котором не было места попечителю учебного округа и, как все наши опыты самоуправления, [оно] неминуемо должно было окончиться невероятным хаосом.

Я помню, что покойный мой тесть, Сергей Григорьевич Строганов, сохранивший, по старой памяти, долгое время косвенное влияние в министерстве народного просвещения, рассказывал мне, что мой двоюродный брат обращался к нему по этому поводу и что в долгой беседе в графском доме он высказал ему все свои опасения. Но покойный граф, как видно, совершенно не разделял его взглядов и не придавал им значения, утверждая, что будто бы новый устав не может

служить препятствием подобающему первенствующему влиянию попечителя учебного округа на дела университетские. Последствия, кажется, достаточно доказали, кто в этом случае был прав и кто виноват.

Недаром о лицах, облеченных властью и поэтому по службе ответственных, но в действительности власти не имущих, давно сложилась поговорка, столь часто повторяемая, что «это положение хуже губернаторского»! То же самое можно было в то время сказать о положении попечителя учебного округа. Очевидно, что попечителю вмешиваться в дела университета невозможно, когда его авторитет не поддерживается законным правом и когда его мнения могут постоянно подвергаться полному невниманию профессоров.

Легко было говорить графу Сергею Григорьевичу, что попечители должны были действовать силою своего нравственного авторитета. В его время эта сила основывалась на законе, и не приходилось стрелять в пустое пространство.

С другой стороны, молодежь несомненно нуждается в руководителе, и, чем выше он поставлен, тем действительнее его авторитет в глазах молодежи.

Во время наших университетских смут, которые периодически повторялись во всех наших университетах, со времени введения нового университетского устава раздавались часто голоса, упрекающие во всем господ офицеров, которые, по их мнению, должны были бы быть настоящими наставниками и руководителями нашей несовершеннолетней университетской молодежи, предоставленной у нас на произвол судьбы и на волю Божию.

Не отрицая пагубного влияния некоторых лиц, занимающих у нас кафедры, зависящего от тенденциозного их направления, нельзя, однако, согласиться с требованием тех, которые возлагали на профессоров всю ответственность за университетские беспорядки и хотели требовать от них,

чтобы они были не только хорошими профессорами, но единственными наставниками и руководителями университетской молодежи. Справедливо ли в самом деле подобное требование? Профессор, этот жрец науки, поглощенный всецело своею специальностью, не знающий и не имеющий возможности знать ничего о том, что делают и о чем думают студенты после его лекций, — может ли он быть действительным их наставником, советником и руководителем вне стен университетской аудитории?

Едва ли кто-нибудь из профессоров возьмет на себя такую ответственность, тем более, что закон его к этому не обязывает; да и времени у него для этого нет. Каждый профессор, по прочтении своей лекции сходит со своей кафедры, убежденный, что он совершенно добросовестно исполнил единственный возложенный на него долг и что он более никакой обязанности на себя не брал. Были, правда, редкие исключения таких профессоров, которые силились отрезвить и образумить университетскую молодежь во время их увлечений разными утопиями, но и эти попытки, как известно, обыкновенно кончались неблагоприятно; так было, например, с моим приятелем, профессором, покойным Феодором Михайловичем Дмитриевым.

Я все это говорю совершенно объективно, как человек посторонний, бывавший часто свидетелем университетских беспорядков, но отнюдь не как уполномоченный высказывать какие бы то ни было чужие мнения, хотя бы даже и близкого мне родственника, князя Николая Петровича, бывшего попечителем Московского учебного округа (*Мещерский Н. П.* Из моей старины (Воспоминания) / Русский архив. 1901. Кн. 1)

*В среднем ряду, слева направо:
епископ Сергей (Тихомиров), святитель Николай (Касаткин),
протоиерей Петр (Булгаков), Иван Акимович Сенума*

Письмо И. А. Сенума

СПб.ДА. А. I. 318.

Российская Духовная
Миссия в Японии
Тоокео
17/29 ноября 1894 г.

В имение С. А. Рачинского ¹
с. Татево
одному из яп[онце]в-академистов.

Любезнейший Иван Акимович ²,
Божие благословение да осеняет
всегда Вас!

Меня очень радует, что Вы усердно занимаетесь, и, конечно, соответственно тому успеваете. Помогите Бог Вам вынести из России прекрасно развитую в христианском смысле душу и совершенно здоровое тело!

Теперь пришло время сказать Вам, какую надежду я возлагаю на Вас и вместе со мной вся Миссия и Японская церковь.

Семинария и катехизаторское училище у нас существуют, но нужно признаться, что они ведутся не весьма удовлетворительно. Это потому, что у нас нет настоящего педагога. Я и сам не педагог; из всех, кто здесь ныне учит, я не вижу ни одного, кто бы одарен драгоценными качествами педагога. Вы знаете всех здешних; переберите их в уме, и Вы согласитесь со мною.

Больше всех я надеялся на Д[митрия] Павл[овича] Кониси, и ждал его, чтобы поручить ему воспитательство; но (45–45 об.) и он оказался нерожденным для этой части. Это не злословие; я не виню никого; виноват ли человек, если у него нет от природы таких или других качеств! У Вас, мне кажется, у единственного, нужно искать этих столь важных и необходимых здесь качеств педагога; и дай-то Бог, чтобы они нашлись! Как я буду счастлив!

Слушайте; несколько лет я ношу в душе план семинарии — не такой, какая ныне у нас, по правде сказать, мизерной, а настоящей, большой, благоустроенной семинарии. Нынешняя принимает в себя только христианских детей, которых отцы предназначают на службу Церкви, — оттого семинария малолюдна и состав ее беден по способностям. Откроем семинарию и для язычников. Оповестим по всей Японии, что на Суругадае учебное заведение, ни в чем не уступающее по программе гимназиям (Коо-тоо-циу гакко), но с прибавлением предметов духовных, наук религиозных, и с воспитанием учеников в нравственно-религиозном духе. Будьте уверены, многие — и хорошие — языческие родители поручат нам детей — для того, чтобы при воспитании сохранить их добронравственными и религиозными. Окиньте взором нынешнюю сеть японских учебных заведений: густая и прекрасная сеть; но с одним недостатком: религиозного (45 об.–46) научения в ней нет; нравственное кое-как старается ютиться — на естественном законе (что такое он без Бога), на обрывках конфуционизма, индубуддизма; все это представляет весьма печальную картину — отсутствие прочных основ нравственного воспитания для японского народа в глазах всякого здравомыслящего человека. Я последние два года путешествовал по Японии, посещая церкви; много сталкивался и с язычниками, и умными, уважаемыми язычниками; сколько раз я слышал негодующие речи, что нынешнее воспитание, действуя только на ум, оставляет без должного внимания другие стороны

души; оттого и выходит, наприм., что мальчуганы, возвращаясь из класса, насмеются над своими отцами и дедами, что они «невежи, не знают того и сего», «стало быть, в классе не внушают им, что отцов и дедов нужно уважать, хотя бы они не знают того, что вчера стало только известно», — говорят старики, и сетуют, что дальше «сии птенцы пойдут и против другого чего — святого и доброго, найдут-де, в чем укорить его», и т. д. Все подобные речи, рассуждения, сцены — все, что я вынес из обозрения всей страны, и больше того — все, что знаю на основании долголетнего моего опыта в Японии, дает мне твердую уверенность в том, что наша Дух[овная] (46–46 об.) семинария, открытая и для язычников, не будет иметь недостатка в учениках, и учениках хороших, от родителей наиболее серьезных и основательных в Японии. Наши христиане также будут присылать к нам детей, которые будут иметь специальное назначение — по окончании курса служить Церкви; стало быть, теперешняя — и самая основная идея Семинарии: давать служителей Церкви — нисколько не будет затеряна; напротив, из язычников, вероятно, найдутся желающие сделаться христианами и служить Церкви. Итак цель семинарии — польза Церкви — нисколько не будет нарушена; польза же государству — Японии — будет возвышена³.

И построены уже были бы здания для этой большой Семинарии; с архитектором много раз говорено; план от него вчерне готов. Но как строить? Здания могут остаться без жильцов. Вы, вероятно, слышали, что два года тому назад, когда я путешествовал по церквам, а семинарией здесь управлял о. Сергей Глебов⁴, семинаристы взбунтовались, и разом 30 ч[еловек] вышли из семинарии; может быть, Д[митрий] Павл[ович] или кто другой писал Вам, что и недавно, в правление его — Д. Павлыча — училищами здесь катехизаторская школа возмутилась против него — до непримиримой ненависти, так что я должен был отставить его от управления. Ныне семинарией правит Кл[имент] Ф[еодорович] Намеда; но ведь Вы, ко-

нечно, понимаете, что это больше номинальное, чем действительное управление; он человек добрый, мягкий; в училищах ныне нет своенравных, и идет все так себе; случись что затруднительное, и опять — или бегство из семинарии, или неустойство на несколько недель.

Итак, Вы видите, что я и к постройке семинарии не могу приступить — именно по неимению для семинарии настоящего Коогёо. Вы предназначаетесь сим Коогёо; Вы должны быть хозяином семинарии, отцом учеников, другом, любимцем их и любящим их, отдавшим душу им; Вам предстоит завидная доля — давать добрых слугителей Церкви и многих, многих добрых слуг отечеству, таких слуг, которые были бы краеугольным камнем благосостояния отечества, Вашего дорогого отечества!

Согласны ли Вы на все это? Найдется ли в Вашей душе отзвук на мои слова? Ах, как бы мне желалось этого! Как бы я счастлив и благодарен был, если бы — постепенно (не с первого момента, конечно) — увидел семинарию в надежных руках — в Ваших руках!

Или не Вы? Если не Вы, то кто же? Предмет этот слишком важен. Он занимает мою душу много лет; и я передумал и перемыслил все тысячи раз. Переберите всех, служащих и имеющих служить (47–47 об.) (в ближайшем будущем) здесь Церкви. Кто же? — Или скажите: «мимо меня есть — я-де не могу — где мне?» и т. д. Конечно, — эдак — очень легко, — трудное дело отстранить от себя — под предлогом своей слабости и немощности. Но будет ли у Вас совесть покойна? Со знаете ли Вы себя искренним христианином, если отстраните от себя дело — наиболее нужное для Церкви, и истинным японцем, если не захотите делать то, что для отечества Вашего весьма необходимо (прочное нравственное религиозное воспитание). Имейте в виду, что на Вас и не надеялись бы, и не имели бы Вас в виду для сей службы, если бы Вы не проявляли себя достойным, чтобы на Вас возлагаема была надежда; стало

быть, Бог Вас так создал: Он Вам дал способности, многообещающие и возбуждающие надежды. Нет тут семени для гордости, а есть для смирения; сказать: «Да будет воля Божия, и да поможет мне Бог!» И употребить потом все силы и все старание на дело, предназначенное Богом.

Ошибки в определениях могут быть. Так я ошибся в Д[анииле] П[етровиче] Кониси⁵; все думал, что он-то и есть ожидаемый и столь желаемый мною Коогёо. Но он скоро обнаружился не им; он во всех отношениях отличный человек, и я его от души люблю; но он — не коочёо; это я говорил ему, говорю [и] Вам. — (47 об.—48) Бан-ицы, — т. е. именно — на 10 000 одна вероятность, что я ошибаюсь и в Вас; в таком случае, Вы несколько не потеряли в моей любви к Вам, п[отому] ч[то], вероятно, все-таки будете отличным учителем и отличным христианином; но истинно же я буду тогда несчастлив, и потеряю надежду найти хорошего педагога для моей семинарии, и брошу всякую мысль возводить новые здания для семинарии и т. д., — словом, семинария будет идти, как [и] ныне, весьма неудовлетворительно и бедно, по-моему.

Примите же со смирением и молитвою к Богу о помощи то, что предназначается здесь Вам: быть здесь ректором, инспектором, помощником инспектора, губернатором, — всем сим для семинарии и для катехизаторского училища также (пока оно существует: развитие семинарии, вероятно, со временем устранил нужду в нем, — хотя и не совсем скоро это может случиться). Конечно, помощников в воспитат[ельском] деле Вы можете найти себе, но и их Вы д[олжны] будете приготовить сами себе. Разом их здесь нет; и если бы Вы их спросили у меня, я дал бы Вам разве старика Китагава или кого в этом роде, т. е. менее, чем нуль.

Принявши же серьезно означенное, постарайтесь серьезно и приготовиться к будущему Вашему служению здесь. Нетрудно это приготовление. Самое важное заключается в общем развитии и образовании, которым достаточно (48—

48 об.) снабдила Вас Академия. Ныне только — без ущерба Вашим текущим занятиям — обратите внимание на воспитательную часть. Соберите педагогические сочинения и перечитайте их. Я написал о Федору ⁶, чтобы он помог Вам в приобретении их, если понадобится. Прочитанное постарайтесь проверить на деле; т. е. побудьте во всех учебных заведениях, где только можете быть, и везде вникните, как ведется дело воспитания (и преподавания). Если нужно будет, познакомьтесь с людьми, особенно сведущими и знаменитыми по педагогической части, и соберите их советы; я уверен, что никто не откажет Вам в знакомстве и руководственном разговоре, если Вы заявите, с какою целью ищете знакомства.

Не думаю, чтобы Вам нужно было остаться в России на несколько времени более, чем то потребуют сборы ваши в России и Японии по окончании курса, — собственно для изучения педагогики; но если бы потребовалось и это, то я согласен на то — лишь бы это не длилось долго и не было предлогом просто продлить пребывание без определенных обязанностей, а было бы действительно необходимо для пользы будущего Вашего служения здесь.

В общем, не смотрите на предлагаемое Вам дело слишком напряженно, а смотрите просто и ясно. Вникните в себя, испытайте себя, поставьте себя пред Богом; просите указания Вам воли Божией. Воли же Божией (**48 об.—49**) узнать легко по следующему признаку: если после молитвы, после серьезных размышлений Вы не чувствуете тяготы, печали, отвращения к делу, а чувствуете себя легко, с улыбкой, с легким сердцем помышляете о предлагаемом Вам деле, то — явный признак, что оно не против воли Божией, что Господь непременно поможет Вам, если Вы приложите старания к делу. Пусть будет это, не раз и не два, а всегда, или, по крайней мере, — много раз, когда Вы молитесь и думаете о деле. Иногда и искушение диавола может отвлекать от пути, который явно —

благ, — но по прилежном молении искушение диавола как дым рассеется, и — истина от Ваших очей не скроется.

Войдете Вы сюда к нам (в Миссию и семинарию), конечно, не со властью и авторитетом особенным, а как и все прочие приезжающие из России; будете сначала преподавателем, взяв себе какую-нибудь науку, и присмотритесь ко всему, что ныне здесь есть; не трудно будет это, — ибо Вы и сам — воспитанник той же семинарии, — и в ней едва ли найдете много перемен. Потом через несколько месяцев скромно возьмете на себя звание и обязанности *коогёо* (а как раз будет Климент! Он против его воли сделан коочёо, а — и опять грудь у него начинает болеть). Возьмете Вы бразды — едва заметно, но чрез месяц не более д[олжны] почувствовать все, что бразды перешли в крепкие в то же время добрые руки (49–49 об.). И какое это будет благо! Как ныне плохо исполняются правила семинарии! Больших нарушений, конечно нет, — нарушивший мною был бы уволен из семинарии, — но мелких — сплошь и рядом; а ведь из мелких, едва заметных черт образуется характер, именно в учебное время и формирующийся. Как ум образуется науками, так воля — неуклонным исполнением предписанных правил в период воспитания. Нельзя смотреть сквозь пальцы на то, как сегодня ученик не встанет в должное время, завтра опоздает в класс, послезавтра уйдет со службы в церкви, там самовольно отлучится в город, беспорядочно ведет себя в столовой и т. д. Позволяйте ученику все это, — и из него выйдет неисполнительный, ненадежный человек, или своенравный, капризный, неспособный перебороть никакую трудность в жизни. А таковы у нас и выходят большею частью из семинарии. Оттого и на службе церкви ныне много ли из семинарии? Где лучшие наши по способностям ученики — Григ[орий] Такахаси⁷, Кир[илл] Хино, Илья Косуги, Кон[стантин] Ивасава и другие? Никого нет на службе Церкви. Отчего? Да именно оттого, что из них вышли слабовольные,

капризные, неблагочестивые люди. Первое какое-нибудь искушение в жизни, — человек пал, или вернулся вспять; с воспитанным навыком исполнять что должно — человек перешагнул бы это бревно на дороге, и пошел бы вперед; но кто же у наших учеников воспитывает этот навык? (49 об.—50) Никто. Начальник школы, и именно ближайший, у которого ученики всегда на глазах, должен был бы стараться ничего не позволять ученикам оставить неисполненным из того, что он должен исполнить; сегодня, завтра, послезавтра, месяц, год ученик считал бы непременно своею обязанностью быть исполнительным во всем по своей части; это и был бы человек, на которого впоследствии можно смело положиться; это и был бы тот дорогой в жизни и на всяком месте человек, о котором говорят: «поручите такому-то, — дело будет сделано!» — «А, такой-то заведует там, ну значит, все будет хорошо!» и т. д. И все уважают этого человека, все дают ему дорогу, — и он идет от дела к делу, и скоро же в его руках обретается многое; он становится высшим, начальствующим — на своем поприще и в своем месте. Ведь все можно воспитать: и слабую волю укрепить, и дурную направить; счастливы те, которые рождаются с преобладающими наклонностями к добру; но несчастны и те, у которых злые наклонности более сильны, — эти наклонности в годы воспитания можно перенаклонить, иначе что же? Фатализм? Но против этого и самая злая натура громко кричит, признавая себя свободной. Вот тут-то и важно дело воспитания, и я не знаю, что еще в жизни важнее его; и в этом деле важнее всего именно воспитание у детей воли, развитие и укрепление добрых (50—50 об.) наклонностей. Что пользы, что те же Гр[игорий] Такахаси, Хино и др. умны, коли они остались слабовольными или своевольными! А какими бы они вышли полезными деятелями, если бы во все время их воспитания не дать им ни одного дня своевольничать, капризничать, а заставлять исполнять неуклонно свои ученические обязанности! Но кто же смотрел за ними? Кто направляет

их? Не сквозь пальцы ли смотрели на них воспитатели? И не то же ли самое делается у нас теперь? — Вот сию самую минуту (пишется 30 ноября, день месячных расчетов) приносили мне счет от доктора; за лекарства в этом месяце 38 иен; семинаристы чуть ли не поголовно все пили лекарства, — а серьезно больных нет ни одного. Вы знаете, что множество раз от меня твердилось и твердится *Коочёо*, чтобы не позволяя ученикам не больным таскаться к доктору и просить лекарства (доктор тоже мною просится об этом, — но какой же доктор это исполняет!), но вот Вам и образчик, как Коочёо исполняет это; я уверен, что половина пивших лекарство — ленчузи(ж?)-ли (*неразб.*); судите, какой нравственный вред оттого: ученики обманывают, притворяются слабыми, — чем и воспитывают у себя слабость, приучаются уклоняться от исполнения своих обязанностей и [так] д[алее].

О воспитании *сердца* также непременно надо заботиться, а не оставлять его на произвол разным дрянным (50 об.—51) инстинктам или влечениям извне. У нас же, в школе, об этом еще меньше заботятся, чем о развитии воли. Нужно при каждом благоприятном случае (хоть неназойливо — что было бы вредно) [внушать] воспитанникам, чтобы они сознательно, а не механически молились Богу у себя и в церкви, — так воспитается у них *благочестие*, — которое тоже мало-помалу укрепляется и развивается, а не с ветру прямо налетает. Нынешнее религиозное неустройство Японии и бессознательная жажда ее истинной веры для умелого и усердного педагога — какое благоприятное обстоятельство к внушению и развитию у учеников чувства благочестия и религиозной ревности и одушевленной готовности посвятить себя на водворение истинного христианства в родной стране! — Коочёо должен наблюдать, чтобы воспитанники всегда жили друг с другом мирно — случающиеся маленькие ссоры тотчас же прекращали; чтобы помогали друг другу в занятиях и т. д. — это разовьет и водворит в них любовь к ближнему. Что у нас в школе и за этим не сле-

дится, как должно, доказательство — вышеупомянутый выход из школы 30 учеников. Началось дело с ссоры между учениками; ссора мало-помалу возросла во взаимную вражду; вражда, утвердившись, произвела гонение одной многочисленной партии на другую; первая потребовала исключения второй из школы, и когда, по произведенному суду, не оказалось достаточных причин к (51–51 об.) исключению, то первая сама ушла из школы. Во всем были виноваты несколько интриганов; язва росла и назревала месяцами; но ни коочёо, ни помощники его не знали о том, как будто не их дело — стараться, чтобы будущие проповедники любви жили между собой в мире. —

Должен заботиться коочёо и о том, чтобы разговоры учеников в свободное время не были грязны, безнравственны; дознано, что один развращенный сорванец может, как вонючий козел, заразить своею нравственной нечистью и вонью целое стадо невинных мальчуганов, приехавших из домов родителей чистыми. Душевная и телесная *целомудренная гистота*, быть может, труднее всего сохраняема в лета юности; но вот тут-то и должен воспитатель истощить свою любовь к руководимым им: он должен приобрести такое влияние и такую цену между воспитанниками, чтоб они сами открывали ему свои нравственные язвы, если у кого окажутся, а никак не скрывали их, что ныне только и делается, — воспитанники скрывают все от коочёо, коочёо — от меня; и воспитанники накапливают у себя нравственной нечисти и немощи, пока, по выходе из школы, оказываются совершенно негодными для церковной службы; думаю, что развратному поведению хоть того же Гр[игория] Т[акахаси], наприм., положено основание развратными (51 об.–52) разговорами, а может, и действиями, во время его учения в семинарии.

Самый наружный вид воспитанников должен быть также под постоянным надзором воспитателя; небрежность в платье, в причёске, нечистота рук, ног и под[обное] — все не

должно быть оставляемо без внимания и дозволяемо, и это также со временем принесет пользу: накопившись, отольется в самособранность, аккуратность и подобные добрые качества. Как это у нас ныне соблюдается, укажу на ближайший пример, отчасти комичный. В церковь прилично одеваться ученикам я и при Вас наказывал и теперь часто наказываю; видя, что плохо это исполняется (с облачального места в соборе мне волею-неволею видится, как они одеты), я недавно сам пошел в семинарию, пред самым звоном, посмотреть, как они приготовились идти в церковь, сам поправлял платье им и читал наставления; как бы коочёо не присмотреть за исполнением этого столь простого правила! И посмотрите, как это делается. На днях была в соборе торжественная панихида (в день погребения русского государя); в собор прибыли решительно все высшие лица японской империи, какие только были в Токио (ныне государь в Хиросиме, по случаю войны с Китаем, чтобы ближе направлять оттуда военные действия, и потому большая часть генералитета отсутствует); (52–52 об.) представителями яп[онского] государя и государыни были принц Камацу и принцесса Арисугава. Обо всем этом было известно заранее, и потому хору и всем учащимся было сказано одеться в церковь приличнее. И что же я вижу во время каждения с амвона? На левой женской стороне собора стоит хор, женская школа и случившиеся в церкви женщины; правая вся занята японской знатью с принцем и принцессой у клироса и дипломатическим корпусом; все стоят приличнейшим образом со свечами в руках; сбоку же у самой стены поместились учащиеся мужских школ, вытянувшись в две или три линии — тоже почти до солей; и во главе их — о ужас! — стоит чучело не чучело, а что-то совсем невероятное, и стоит даже впереди самого коочёо — Климента Феодоровича⁸, выглядывающего из-за плеча этого чучела; представляете фигуру: дылда лет 16, вытянувшийся — наверное, выше Вас ростом, — одетый в старый, полинялый пиджак и брюки серой серпянки, справлен-

ные ему, должно быть, когда ему было десять лет; Вы, встретившись на улице, наверное, прямо бы потянулись в карман достать подачку этому с виду отъявленному пролетарию; и стоит он еще — как? Руки, голые почти по локоть, запущены в карманы брюк, и вся фигура обращена к публике — на рассмотрение и себяпоказание; кстати еще, этот воспитанник (Тит Косияма, сирота катехизатора Косияма, отчасти содержимый (52 об.—53) Миссиею с самого младенчества и вполне приличное японское платье имеющий) от какой-то природной болезни — лыс до неимения ни единого волоса на голове; словом, фигура редкостная, — только не для представительства семинарии, уже никак не для этого, и это на глазах коо-чёо, который обязан смотреть за приличием учеников! Я невольно покраснел за семинарию, п[отому] ч[то] видно было, что этот отвратительно-неприличный пролетарий не случайная примесь к ученикам, а один из них; все входившие в церковь и выходившие не могли иначе подумать. И это тогда, когда женская школа — и в хоре и вне хора — всегда вполне прилична. Но там есть кому присмотреть; есть люди, не считающие школу чуждою себе, душевно относящиеся к ней; а в семинарии таких людей до сих пор еще не было; тут все идет спустя рукава; нет разницы между приличным и неприличным, должным и недолжным; никто душою не может войти в воспитательское дело. Спросить бы у того же Климента: «Посмотри, приличен ли в таком виде Косияма?» Конечно, ответит: «Неприличен»; «Так отчего же ты позволил ему так идти в церковь, или отчего, по крайности, не спрятал его, а дал выдвинуться даже впереди тебя?» — «Ах, да»... — тогда он душою несколько приникнет; а прежде душа его где была? Да не было ее совсем у воспитательного дела; и воспитательное (53—53 об.) дело, как в сем случае, так и во всем другом — мертво, нисколько не одушевляемо тем, кто приставлен одушевлять его. Не печально ли? Не грустно ли? — И не должно ли искать выхода из этого несчастного положения? Вот я и

ищу, много лет ищу, — и нет, не дает мне Бог руководителя школьного дела до сих пор. И учителя уже образовались — в них недостатка ныне нет, — а воспитателя все нет и нет. Из русских я перестал ждать; да и куда иностранцу руководить самой сутью воспитания! Безнадежное это дело! Из японцев у меня единственная надежда на Вас. Изменит и эта надежда, тогда что же? В отчаяние, правда, не впаду⁹ — дело будет как и доселе тащиться и хромать, — но на хромом коне далеко ли уедешь? И не будет ли, наконец, стыдно всем вам — японцам, воспитанным церковью, что из вас ни единого не находится годного на дело первой важности для церкви, да и для государства вашего? Или в самом деле справедливо мнение большинства знающих Японию, что «японцы — народ безрелигиозный, и что принимающие христианство делают то из-за куска хлеба, или для другой выгоды?» Но нет, нет! Я и не был бы в Японии, не отдал бы жизнь свою Японии, если бы подумал это; я немедленно бросил бы свое дело здесь, если бы эта мысль укрепилась в моей голове. Видел и знал я сам людей очень религиозных в Японии; (53 об.—54) есть такие — и немало — в православной Японской церкви. Только религиозного воспитателя мне до сих пор не удалось найти между японцами; но твердо верую я, что Господь поможет и в сем, как помогает в другом. В Вас, говорю я, зрится мне сей воспитатель, — и да даст мне Бог не ошибиться на сей раз! Ах, отдайте Вашу душу этому делу! Восприимите его в себя, полюбите его! Господь поможет Вам в том! И сколько пользы будет церкви! Сколько утешения и радости и Вам в жизни! Радуется земледелец, когда у него хороший урожай; сколько же радости будет Вам, когда из-под Ваших попечений будут выходить прекрасные служители Церкви, славу Божию водворяющие в Японии!

Не подумайте, что с Вас слишком много требуется, не представьте дело слишком уж трудноисполнимым. Вовсе нет! *Любовь к делу* — вот самое первое и важное, что требуется; но

⁹ Зак. 134

без любви какое же и другое дело будет приятно и успешно! Любовь сама собой разовьет пред Вами, из глубины Вашей души, целую систему действий, не тягостную для Вас и явно полезную для воспитанников, что прежде и больше всего будет мирить и сближать их с Вами. Затем, самое важное, о соблюдении чего д[олжны] неуклонно стараться, — *справедливость*. Обидеть бедного мальчика не велико; но нет такой обиды, которая бы отзывалась большим вредом (54—54 об.) для обидевшего, чем обида ребенка: большой может простить, забыть обиду; ребенок еще не в состоянии того сделать, и потому обида у него складывается в душе, — и душа затворяется для обидчика (если он тотчас же не загладит своего поступка), как улитка в своей раковине; повторенная несправедливость и обида уже вооружают ребенка против обидчика; а еще повторенная — делает его врагом обидчика; в обществе детей чувства, возникшие в одном, легко передаются другим, — так и выходит, что в школе ученики смотрят на своих воспитателей — по большей части — как на своих личных врагов; говори эти воспитатели самые сладкие речи, самые веские истины и полезные наставления — все как к стене горох, — ученики лишь потом пересмеивают и передразнивают. Но действительная справедливость, явная для всех, никогда не произведет никакого неблагоприятного действия на учеников, будь она самая строгая — лишь бы не была сопряжена с жестокостью и бездушием, а сопровождалась теплым участием к ученикам.

Еще важное и необходимейшее свойство в педагогике — *твердость*. Нет хуже и вреднее в деле воспитания — слабости, пристекающей или из мнимой гуманности, или из лести к ученикам и желания приобрести их любовь, или из безучастности к ученикам и желания соблюдать лишь собственное спокойствие. Вот в нашей школе (54 об.—55) слабость-то именно больше всего и в ходу и, сколько я заметил, — второго и третьего; больше же всего — из лести к ученикам и желания

между ними популярности. И странное ослепление! За слабость никто не уважает — а все пренебрегают и в грош не ставят!

Слабость в воспитателе! Да что же может быть вреднее и даже глупее ее! Представьте доктора, который у человека, о котором обязан заботиться, увидел бы зачаток гангрены, или чесотки или другой какой болезни, и рассуждал бы: «Зачем я буду говорить ему! Это его может опечалить, мучить и т. д.», — и дал бы так спокойно развиться болезни и свести человека безвременно в могилу... Воспитатель слабый поступает вреднее и глупее сего доктора. От этой черты наших воспитателей и умерли у нас для службы Церкви сколько-сколько молодых людей!

Страшное ослепление воспитателей, до сих пор не искоренное, — как я ни стараюсь о том, заключается еще в том, что от меня обыкновенно скрывают все, что делается в школе. Скажите, ну кому же школа ближе к сердцу, чем мне? И кто же может принять большее и, быть может, лучшее участие во всем, что там делается, хорошим и худом; первое — чтобы ободрить, второе — исправить? И при всем том, все, особенно дурное, стараются скрыть от меня, как будто бы я был враг, каратель и т. под. И потому, предлагая Вам заведовать школой, я не могу не поставить заранее, между необходимыми (55–55 об.) условиями и то, чтобы Вы всегда касательно школы были вполне *откровенны* со мной, — это может принести только пользу делу воспитания, и никогда ни на одну иоту не принести вреда.

Если Вы как должно вникните в это письмо, примете к сердцу содержание его и решитесь посвятить себя делу воспитания здесь, то нужно подумать и о помощниках Вам. Первый из них — не будет ли Ваш однокашник Марк Иванович Сайкайси?¹⁰ Начальственной роли я ему не предложу, п[о-тому] ч[то], мне кажется, характер у него — не обещающий твердости и стойкости в сем деле (это не похвала и не порицание ему, — таким его Бог уродил), но помощником он был бы отличным, как человек доброго сердца, искренний и чест-

ный. Можете говорить с ним о сем, или нет, — Вам предоставляется то.

Если будете педагогом, то, как выше значится, придется нам с Вами здесь строить семинарию. В сих видах, не забудьте снабдиться из России полезными сведениями и по этой части. Рассмотрите везде, как устраиваются классные комнаты, столовые, спальные, умывальные и пр. и пр. На все привезите рисунки и чертежи, сколько можете собрать и добыть; классная мебель, устройство гимнастики, все не упустите заметить. Конечно, не всему здесь придется последовать, но обо всем нужно иметь сведения, чтобы самым лучшим воспользоваться (**55 об. — 56**).

Прочитавши это письмо, как я выше сказал, помолитесь, подумайте; хорошенько, неторопливо все обдумайте, решитесь и отпишите мне. Не насильственно навязываю я Вам то, о чем пишу, — нет, избави Бог! Но видит Бог, как мне желалось бы, чтобы на этот раз я не ошибся! Видит Бог, как это необходимо для Японской Православной церкви! Да будет, однако, воля Божия! Быть может, Бог иное лучшее что предзрит! И потому, будьте свободны в Вашем решении, — и да поможет Вам Бог избрать именно то, что Ему угодно устроить ко спасению Вашему и к истинной пользе Святой Его Церкви здесь!

Война блистательно для Японии идет. И замечательно: первый воин, вступивший из Кореи на китайскую землю и геройски поплатившийся жизнью за то, был православный христианин: в виду всей армии и неприятеля он искал перехода через реку, и нашел его, но возвращаясь к своим, на берег, сражен был неприятельской пулей; генерал его написал ему великолепную эпитафию.

Священник о. Симеон Мии¹¹ живет ныне в Хиросиме — преимущественно для наших православных воинов; немало их, — все желают исповедаться и приобщиться, отправляясь на поле битвы и чести — и для иных — перехода в вечное Божие Царство.

Для проповеди ныне не особенно благоприятное время;

(56–56 об.) все заняты войной, до ослабления внимания ко всему другому; но даст Бог, будущее вознаградит эту потерю.

Церкви Божии, впрочем, везде по Японии стоят прочно: отступления нигде нет, хотя поступление вперед не так быстро и успешно, как желалось бы, — как это происходит, на прим., с японскими победоносными ныне в китайской земле.

Церковь в Хацивоодзи наиболее процветает. Катехизатор там все тот же Стеф[ан] Тадзима, кажется, и при Вас бывший. Ученицы оттуда в нашей японской школе всегда есть. Пение там в церкви особенно хорошо, — сам слышал. Ваши все — здоровы и благополучны; по крайней мере, неблагополучного оттуда не слышится.

Мы с Павлом Накаем очень заняты переводом богослужения; ныне печатается «Служебник»; когда будет готов, pošлю и Вам экземпляр.

Академисты все здоровы и благоденствуют; кроме Намеда и Сёодзи¹², все ныне семейные люди. Учительствуют изрядно; проповедь в городе не очень удалась, — слушателей мало, или совсем нет. О. Симеон Мии — ревностно священствует. Местожительство его с семьей собственно Кёото; но оттуда, под благочинническим руководством о. И. Оно, он заведует церквями от Кёото до Хиросимы. О. Павел Морита священник — для церкви Сикоку, тоже под руководством о. Оно. — Душевный привет и благословение (56 об.—57) от меня М[арку] И[вановичу] Сайкайси.

Да благословит и вразумит Вас Господь сотворить Его волю! —

Искренно любящий Вас, Епископ Николай.

Примечания

- (1) *Сергей Александрович Рагинский* (1833–1902), известный российский православный педагог и энтузиаст церковноприходского образования. О нем см. в разделе: «Имена и реалии в письмах свт. Николая».

- (2) *Сенума* Какутаро, или Какусобуро, в крещении Иван Акимович (1868–1936?), выпускник СПб. Духовной академии, кандидат богословия, будущий начальник православной Токийской семинарии. О нем см. раздел: «Имена и реалии...»
- (3) О методах воспитания японцами своих детей свт. Николай, при обозрении церквей в областях Дзёсю и Токоху, сделал в 1881 г. следующую запись: «В доме Овата, среди беднейшей обстановки, где самим, кажется, едва есть чем перебиваться, нашел уже питаемого подростка: „невеста И. Овата“. Девчонка лет 12. Странный народ — японские родители; большей частью дают своим детям слишком много свободы; нередко приходится слышать о каком-нибудь сопляке лет 12: „да он не хочет“, напр[имер], поступить в ту-то школу, или заняться этим-то делом: там, где именно родители должны бы рассудить за ребенка, и направить его, они вполне распускают вожжи, — отчего и пропадает столько японской молодежи, т. е. ходя по улицам — собак бьют, ничего не делая, или развратничают, коли есть средства; а тут, в деле брака, где именно должен быть свободный выбор, родители распоряжаются судьбой детей, и не думая спрашивать их» (Дневники святого Николая Японского. Издательство Хоккайдоского университета, 1994. С. 94; далее: Дневники...).
- (4) Член Миссии, настоятель посольской церкви в Токио, преподаватель семинарии с 1888 по 1904 гг.
- (5) *Кониси Масутаро*, в крещении Даниил Петрович (1862–1940), кандидат богословия, толстовец. О нем см. раздел: «Имена и реалии...»
- (6) *Феодор Николаевич Быстров*, священник, сотрудник Японской Миссии, проживав в СПб. Его в своих дневниках свт. Николай характеризует следующим образом: «В России лучшие из лучших минут — это, конечно, часы, проводимые мною у Феодора Николаевича Быстрова. <...> И в Японии я буду отдыхать душою, переносясь мысленно в этот маленький рай земной — на третьем этаже Михайловского замка!» (Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям [1870–1880 гг.]. СПб., 1996. С. 34–35).

- (7) Григорий *Такахаси* в начале XX в. служил переводчиком в Иокотаме у морского агента А. И. Русина. Накануне русско-японской войны был уличен в шпионаже в пользу России и осужден на 8 лет лишения свободы (Дневники... С. 384, 385).
- (8) К. Ф. Намеда.
- (9) Чтобы яснее понять глубокий смысл этого как бы невзначай оброненного замечания, прочтем характерную выдержку из дневников свт. Николая за 1881 г.: «Что за мерзость — душевное состояние. Сошел с ума сослуживец (о. Димитрий Смирнов) <...> Что за отвратительное дело! Мало всегдашней возни с дураками или подлецами, нужно еще явиться на дороге и сумасшедшему, — „и с ними-де поянчись”. Э-эх, горькая судьба! А в Хакодате затем остаться некому; церковь и вещественная, и невещественная может пойти на ветер. Но что лучше, возвышенной, благородней, по-видимому, служения миссионерского! И оно-то вот так тянется и само себя ослабляет и укорачивает. В 20 лет, кого сотрудников приобрел Японской Миссии! Совсем потерял бодрость. Посмотрим еще, потянем ляжку. Хотя как же мерзко, бездушно она тянется. В 20 лет можно ослабеть и состариться, какими бы идеалами ни был заражен. Вот — к месту моей молодой жизни приближаюсь; если бы все хорошо было, как бы радостно было окунуться в воспоминания, а тут, кроме мерзкого, отчаяннейшего состояния духа, ничего не вызовешь! Да и как вызвать: первое, с чем столкнуться придется, отвратительная рожа сумасшедшего, которого нужно будет ласкать, чтобы окончательно не взбесился и не наделал больших бед! Эх, головушка моя бедная, доля моя несчастная! Хоть бы сжалился Бог и немножко бы дал бодрости!» (Дневники... С. 192).
- (10) Марк Иванович *Сайкайси*, выпускник СПб. Духовной академии, кандидат богословия. О нем см. раздел: «Имена и реалии...»
- (11) В феврале 1894 г. о. Симеона рукоположили в иерея, и он в то время служил в Токио.
- (12) Сергей *Сеодзи*, приемный сын С. А. Рачинского.

Храм в Хаккодаге

Письма митрополиту Макарию

ГПБ. Ф. 573. СПб.ДА. А. I. 318.

[№1]

пол[учено] 4 ноября 1905.

отв[ечено] 4 ноября 1905.

Митрополиту Макарию¹

подлинное.

Российская Духовная

Миссия в Японии.

Токио.

29 Сент. / 12 окт. 1905 г.

Преосвященный Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Весьма виноват пред Вами за долгое неотвечание на Ваши дорогие письма, но не судите строго меня: такого «некогда» во всю жизнь мою не было, как в последние месяцы. Каждый день приходит масса писем от военнопленных, и почти на все надо отвечать. Как оставить без ответа, напри[м]ер, письма солдатиков или матросов, присылающих пожертвования на храм, или на Миссию, кто 1 р[убль], кто 2, иной даже 10 рублей! От них, бедных людей, при теперешней их крайно-

сти, такие жертвы! Ведь это до слез трогательно. Если бы не боялся становиться между ними и Богом, просто отказывался бы принимать. Вот и приходится каждому отписать, благодарить, послать иконку, книжку, или что кто желает. А письма офицеров, многие с нравственными нуждами того или иного рода; а прием и рассылка книг, причем в каждое из 26 мест, где расселены 70 тысяч военнопленных, нужно составить список посылаемых книг (1–1 об.) и списать копию для себя, что куда послано, и распределение книг, то и дело приходящие, производить равномерно. Имейте в виду, что я здесь совершенно один русский, все писать нужно самому. Так и проходит все время. Корреспонденция в Россию остановилась, на миссийские дела уделяется очень мало внимания, перевод богослужения совсем остановился. Примите это за извиняющую мою неаккуратность обстоятельства.

Теперь отвечу на Ваши письма. 75 рублей, присланные Вашим Преосвященством на военнопленных в письме от 8 апреля текущего года, достигшем меня 4/17 июня, я получил. В этом письме Вы изволили писать, что Вами послано было в текущем году, чрез хозяйственное управление Св. Синода, для военнопленных 100 рублей, и спрашивали, «дошли ли они до меня?» Из хозяйственного управления в нынешнем году я получил три раза суммы для военнопленных, и в трех отношениях, где перечисляются пожертвования, с указанием от кого, 100 р[ублей] от Вашего Преосвященства я не встретил. Но в одной из двух в нынешнем году присылок на Миссию я встретил следующее: «пожертвовано в пользу Миссии Харьковскою, Томскою и Омскою консисториями 808 р[ублей] 43 к[опейки]». Не вошли ли, по ошибке, 100 р[ублей] на пленных в сию сумму? Или же эти 100 р[ублей] войдут в следующую присылку (1 об.–2) на военнопленных, если она еще будет.

При следующем письме Вашего Преосвященства, полученном мною 2/15 июля, приложено было 100 рублей для

г. Турчанинова. Деньги по получении тотчас же отосланы были ему, с наказом известить меня о получении и написать письмо матери. Он и известил, но без означения полученной суммы. Я попросил его прислать более ясную расписку, имея в виду переслать ее Вашему Преосвященству, для передачи матери. Между тем получено было еще 5 р[ублей] для него, которые тоже немедленно препровождены были к нему. И вот расписка его в получении обеих сумм. Думаю, что добрая мать его давно уже успокоена его собственными письмами.

В этом же, втором, письме Вы изволите упоминать: «Недавно мною послано еще 40 рублей, составившиеся из мелких пожертвований разных лиц, посещающих наши внебогослужебные чтения при домово́й церкви». К сожалению, должен сказать, что этой суммы до сих пор я также не получил.

В первом письме Вы изволите спрашивать мой адрес. Предо мною все три пакета, в которых пришли 75 р[ублей], 100 р[ублей] и 5 р[ублей], — на всех адрес правильный, иного и быть не может; и все пакеты своевременно достигли меня. Не могу понять, отчего пакет с 40 р[ублями] не приходит, если на нем был тот же адрес (2–2 об.).

Приимите, Милостивый Владыко, глубочайшую благодарность за Ваше всегдашнее истинно отеческое участие к здешней Миссии, а ныне и к военнопленным.

Усердно прошу Вашими святыми молитвами призывать благословение Божие на всю здешнюю, русскую и японскую паству Христову.

С чувствами глубочайшей признательности, истинного почтения и сыновней преданности и любви имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорнейшим послушником и богомольцем,
Начальник Российской Духовной Миссии в Японии,
Николай, Епископ Ревельский.

[№ 2]

От 6 июня 906 г. (так в подлиннике. — Р. Ц.) поручено секретарю послать: письма о[тца] Макария [Глухарева], (под ред[акцией] Харламовича и 3 вып[уска] моих проповедей А[рхиепископ] М[акарий].

Российская Духовная

Миссия в Японии.

Токио.

1906 г. апреля 14 г.

Преосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Почтительнейше препровождаю к Вашему Преосвященству, вместе с сим:

I

1. Приходско-расходный отчет о пожертвованиях, поступивших к начальнику Русской Духовной Миссии в Японии, в 1905 году, на нужды русских военнопленных в Японии.

2. Отчет Русской Духовной миссии в Японии о пожертвованиях чрез нее из России для русских военнопленных в Японии книг, крестиков, образков, церковных свечей и других вещей, в 1904 и 1905 годах.

II

Упомянутые в приходско-расходном отчете, напечатанные для военнопленных:

1. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, на русском языке.

2. Краткий Молитвослов.

3. Пасхальное приветствие Японской Православной церкви русским братьям.

4. Российскую Азбуку, содержащую в себе молитвы, заповеди, нравоучительные басни и таблицу умножения.

5. Чин поминовения о православных воинех, и о всех за веру и отечество на брани убиенных.

6. На добрую память (прощальную книжку военнопленным).

III

Два крестика таких, какие здесь были сделаны и розданы всем военнопленным, нижним чинам и офицерам.

Беру смелость принести Вашему Преосвященству от лица военнопленных глубочайшую за Ваше благотворительное участие к ним.

Ваше дорогое письмо от 4 ноября прошедшего года я получил 30 декабря. Благодарю Вас за известия, как ни грустны они. Ряд поражений во внешней войне, непрестанные волнения и кровопролитие внутри, — видимо, оставил Бог Россию, или лучше, не устает рука Божия карать (3 об.—4) наше бедное Отечество! Но, конечно, мы твердо веруем, что это — бичующая десница любвеобильного Отца, исправляющего Свое в беззакониях погрязшее чадо. Эта вера — единственное утешение наше в настоящие темные дни, когда над Россией еще висит туча, по-видимому, чреватая многими молниями и громами. «Теперь мы можем завидовать вам», — изволите писать. Да, здесь революции нет, спокойно; но душевного беспокойства здесь едва ли не больше, чем у Вас; думы тем мучительнее, что их и разделить, разговорить не с кем.

По Церкви здесь, слава Богу, все благополучно. Проповедь идет гораздо оживленнее, чем во время войны, так как священники, служившие у военнопленных, возвратились к своим паствам. Притом же с военным пороховым дымом улетели на воздух и предубеждения против Православия, идущего из России, будто оно есть только замысел завоевать Японию и под[обное]. Несколько молодых катехизаторов взято

было на войну; по возвращении они тотчас же попросились опять на церковную службу и ревностно продолжают ее. Слушатели вероучения везде есть, и от священников частые известия-известия о совершенных крещениях. Собор у нас в (4–4 об.) нынешнем году будет особенно большой и, даст Бог, еще ныне оживит церковь. Словом, здесь все ободряет. Вот только помощника у меня нет. Стар уже я стал, — одной ногой стою в могиле, — 70 лет, а один-одинешенек, — не на кого будет оставить церковь; это моя обычная печаль. И тут одно утешение: церковное дело — не наше собственное дело, а общее; мы — слуги; как хозяину угодно будет распорядиться, так и пусть будет!

Прося Архипастырского благословения и святых молитв Ваших для сей и здешней Миссии Церкви, с истинною душевною преданностью и с глубокою благодарностью за Ваше доброе благо[твор?]ное отношение к здешней Миссии и церкви имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорнейшим послушником и богомольцем,
Начальник Российской Духовной Миссии в Японии,
Николай, Епископ Ревельский.

**[(№ 3)] пол[узено]. 12 окт.
отв[езено] 19 окт., 1906**

Российская Духовная
Миссия в Японии.
Токио.

18 сентября 1906 г. Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Давно уже я получил Ваше дорогое письмо и Ваш дорогой подарок — две книги. За то и другое приношу Вашему Высокопреосвященству глубочайшую благодарность. Книги прочитаны, переплетены и введены в каталог миссийской биб-

лиотеки, на всегдашнюю память о жертвователе и на благо читающим. На письмо отвечаю прежде всего сердечною благодарностью за Ваш братский привет с долгим служением и с архиепископским саном, совершенно незаслуженным мною. В преемники себе жду Архимандрита Андроника², уже служившего здесь, но захворавшего неврастением и уехавшего. Ныне он ректор Уфимской семинарии и от болезни совсем, по-видимому, оправился. Святейший Синод, кажется, пришлет его сюда в сане викария, чему я буду весьма рад, так как Архим[андрит] Андроник в достаточной мере обладает душевными качествами, потребными для доброго миссионера. Всегда рад я, что Вы полюбили японцев и делаете (5—5 об.) такой добрый отзыв о них; а как я ободрен и польщен Вашими добрыми словами, что Вы «пошли бы служить миссионером в Японию!»... Мне этого слова достаточно, чтобы не считать свою жизнь совсем потерянною.

Вторая половина Вашего письма нерадостна, тем более что с тех пор, как она писана, нет просвета, а все более и более густеет мрак над нашим бедным Отечеством. Газета всегда валится из рук, когда дойдешь до хроники убийств, ограблений, забастовок, бездельничества учащейся молодежи, диких поступков семинаристов и проч. и проч. Собор, вероятно, отложен будет до некоторого всеобщего успокоения; иначе ведь и самые благие решения будут перетолкованы, и предпринятые улучшения будут воспыщены или искажены.

Здесь по Миссии и церкви, слава Богу, все благополучно и идет своим порядком. Я занят, преимущественно, переводом богослужения. Ныне идет 4-й глас Октоиха; переводится целиком все что есть в славянском тексте. И вот тут-то видишь, как необходим перевод богослужения на русский, или, по крайней мере, — приведение славянского текста в удобопонятный вид. Иногда над одним стихом прстоишь полчаса и более, чтоб только уразуметь смысл его (5 об.—6), а случается, сколько ни бейся, совсем не поймешь, и заменишь непонятное

своим измышлением, какое Бог пошлет на ту пору. Одним из неотложных дел Собора должно быть назначение Комиссии для исправления богослужебного текста, да только не затяжной Комиссии, которая бы тянула дело на сотню лет.

Не желая остаться в долгу пред Вами за книги, в ответ на Ваши две посылаю Вашему Высокопреосвященству отсюда две: иллюстрированное описание нашего Собора, изданное в назидание здешним церквам, и «Псалтирь» на японском языке. Простите, чем богаты, тем и рады.

Прося Вашего Архипастырского благословения и святых молитв для себя и всей здешней церкви, с истинным почтением и искреннейшею сердечною преданностью и братскою любовью имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорнейшим послушником и богомольцем,
Начальник Российской Духовной Миссии в Японии,
Николай, Епископ Ревельский.

[№ 4]

Российская Духовная
Миссия в Японии.

Токио.

30 ноября 1906 г. Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Несказанно Вам благодарен за Ваше доброе приветливое письмо. Отвечу на некоторые места из него.

Изволите писать: «...по газетам слышно было, что японское правительство посылало депутацию, подобно св. князю Владимиру, испытать на местах веру, какая лучше». Слух — неверный, кем-то сочиненный; в Японии и толков об этом не было и никогда не будет. Поверьте, японское правительство отлично знает все веры; само индифферентно, а народу предоставляет свободно принимать, кто какую хочет. На вопрос:

«Отчего вы не введете христианство?» — правительственные лица так и отвечают, что они предоставляют это народу.

Весьма благодарен Вашему Высокопреосвященству за указание на «Учебный Октоих»; а я и не знаю, что он существует; сейчас же написал сотруднику Миссии, чтобы выслали; вероятно, окажет значительную пользу. Академический же словарь церковно-славянского языка и у меня всегда под рукою. На то, что русский перевод Священного Писания сделан с (7–7 об.) еврейского, а не с греческого, и я весьма сетую. Выгода одна: мы в Священном Писании согласны с западными, — а здесь, да и везде по свету, их перевод безмерно распространен. Но весьма большое неудобство, что прокимны и многое другое не согласны с славянским текстом. Мы — нечего делать — следуем русско-еврейскому, но случается, по необходимости, перевести и из славяно-греческого. Я в этом отношении позволяю себе свободу, хотя и с большою осмотрительностью. Я делаю перевод не для ученого исследования, а для церковного употребления и назидания верующих. Главная цель у нас — при возможной точности перевода — хрустальная ясность мысли. Мы вот теперь «Октоих» переводим, — и каждый стишок у нас должен везде и во всякое время служить текстом для проповеди; конечно, он должен быть сам по себе вполне-вполне содержателен и ясен, и мы не оставляем его отшлифовать и выправлять до тех пор, пока он не сделается таким; очевидно, что при этом совершенно непонятное в славянском тексте приспособляется по догадке, а иногда и совсем несколько слов опускается. Пусть потом ученый-исследователь укоряет нас, что перевод неверен, — мы об этом мало заботимся, и зато христиане не укоряют, что богослужение непонятно.

Ваше Высокопреосвященство «порадовались, что я возвратился в Японию». Но я никогда и не думал отлучаться из нее, и как далек от этой мысли, скажу откровенно, что я бес-

притворно (7 об.-8) огорчился, когда узнал, что меня сделали архиепископом, именно огорчила меня мысль, что придется на время оставить Миссию, чтобы отправиться на Собор, тогда как викарию не предлежала эта обязанность. Теперь-то, правда, я успокоен тем, что будет на кого оставить Миссию; викарий едет сюда, и я с истинным удовольствием побываю в отечестве, после 26 лет разлуки с ним. А что касается до «покоя», то я, читая Ваши строки об этом, сгорел со стыда только от одной мысли, что Ваше Высокопреосвященство могло подумать обо мне это. «На покой» миссионеру, когда у него хоть крошка силы еще есть служить своему делу! Это для меня представляется до того несообразным, что я и в мечтах никогда не пытался примеривать себе «покойный» халат. Ваше Высокопреосвященство изволите писать: «...хотелось бы умереть на той борозде, на какой Промыслом Божиим я поставлен и пахать и сеять». — Вот Ваши собственные мысли о «покое», — мои совершенно совпадают с Вашими. И да даст нам Господь по мыслям нашим!

Прося Ваших святых молитв о себе и всей здешней Миссии и церкви, с истинно глубоким почтением и братскую любовь имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейшим послушником и богомольцем,
Начальник Русской Духовной миссии в Японии,
Николай, Архиепископ Японский.

[(№ 5)]

Российская Духовная
Миссия в Японии.

Токио.

8 февраля 1907 г. Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Давно я получил Ваше дивное письмо о сне, много раз

читал его, утешался Вашею любовью [к] Японской церкви, теперь снова перечитал его и вновь чувствую себя растроганным Вашею любовью и лаской. Картина, виденная Вами, великолепна, и в общих чертах она как будто снята с действительности: я утомлен, — это правда, что японские христиане молятся, между прочим, и обо мне, в этом не сомневаюсь. Что благодатью Божиею просветленная и окрыляемая Ваша душа зрит в такой дали сущее и совершающееся, пред этим преклоняюсь. Частностей картины истолковать не берусь; но считаю долгом прибавить в пояснение следующее. Утомлен я не службою моею, а, напротив, опасением, что службу придется стеснить и сократить. Дело просто. Ассигновка на содержание Миссии определена была 27 лет тому назад; теперь ее далеко (9–9 об.) не хватает, так как число служащих Церкви здесь с тех пор утроилось, цены на все жизненные предметы также удвоились и утроились, а местные средства, даваемые самими христианами, еще незначительны; результатом чего — постепенный дефицит Миссии, возросший в прошедшем году до 23 226 руб[лей] 67 коп[еек]. К счастью, имелся у Миссии построечный капитал, — он и пошел на покрытие дефицита. А дальше что? Одно из двух: или у Святейшего Синода и Совета Миссионерского общества выпросить помощь, или сократить число служащих церкви. Прошу в обоих местах по 10 тысяч рублей прибавки к ассигновке, — об этом вот пишу и пишу до того, что истинно утомился и этим трудом, и думами, будет ли успех? Не будет, придется разом 30–40 или и больше катехизаторов уволить от службы, и значит, столько же церквей обречь на запустение и на расхищение христиан инославными миссионерами, потому что, при разбросанности наших церквей на большие пространства, где же священникам усмотреть за теми церквями, которые будут лишены их теперешних постоянных хранителей и распространителей, и уберечь новых христиан от совращения! Знает и вся наша церковь эту опасность, и конечно, многие усердно молятся об

(9 об.–10) отвращении ее. Вот в общих чертах значение Вашего чудного сна.

Усерднейше прошу Ваше Высокопреосвященство присоединить Вашу богоугодную молитву к молениям нашей церкви, чтобы пронеслась мимо нависшая над нами туча, и чтоб в милостивом внимании Святейшего Синода и Совета Миссионерского общества к моей просьбе воссиял над японской церковью свет милости Божией!

С истинно сердечною любовью и глубочайшим почтением имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейшим послушником и богомольцем,
Николай, Архиепископ Японский.
(10–10 об.)

[(№ 6)] от 18 ноября (далее неразборливо)

Российская Духовная
Миссия в Японии.
Токио.

7 октября 1909 г. Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Горячо благодарю Вас за книгу «Апостолы Алтая». Прочитал ее не отрываясь, и не стыжусь сказать, что во многих местах слезы застилали глаза и мешали читать. Что за трогательные сцены! Какие красивые, поэтические описания роскошной природы Алтая! И как мне живо напомнила книга главных личностей Алтайской миссии! А ведь я знаю их издавна. И Японская миссия имеет немало точек соприкосновения с Алтайской, и даже немало обязана ей! Незабвенного основателя миссии, о[тца] Архимандрита Макария³, я с юных лет привык уважать и любить; он мой земляк по Смо-

ленской губернии. С Преосвященным Владимиром⁴ я в первый раз виделся в 1861 году, когда на пути в Японию проезжал Тюмень, где он в то время был инспектором семинарии. Потом в 1869 году в Александро-Невской лавре, в Петербурге, долго прожил в соседней с ним комнате, и много вечеров мы провели с ним вместе, когда он описывал мне Алтайскую миссию, деятельность ее и беды с нею. Он тогда был в Петербурге именно по поводу (11–11 об.) этих бед, которые причинял Миссии пройдоха купец Мальков, успевший очаровать тогдашнее Миссионерское общество, существовавшее в Петербурге. Это общество потребовало от начальника Миссии и от о[тца] Стефана Ландышева⁵ денежные отчеты по Миссии за 26 лет, — все время существования ее, с самого зарождения! Помню, как это возмущало о[тца] Владимира, и как он волновался. За то и какое впечатление произвело это на меня! Благодаря этому, Японская миссия с самого основания своего до сих пор (и даст Бог, вперед будет) ограждена от подобной беды. Во время тех сетований о[тца] Владимира я зарубил себе на носу, что отчеты по Миссии должно аккуратно представлять за каждый год, и неопустительно всегда исполняю это; и каждый раз, когда принимаюсь за составление отчета, введением к сему служит живое представление комнаты о[тца] Владимира в Александро-Невской лавре и бесед в ней. Да благодаря тем невзгодам Алтайской миссии, — как Вы, конечно, лучше меня знаете, — и Миссионерское Общество твердо стало на свои ноги. Государыне императрице Марии Александровне, бывшей покровительницею Общества, надоели дразги и разногласия ее членов именно по поводу дел Алтайской миссии, и она попросила Высокопреосвященного Митрополита Московского Иннокентия⁶ взять Миссионерское общество в свое управление, что он и сделал, и с чего началось правильное и благотворное существования сего Общества. Я был и при открытии его в Моск-

ве. Кажется, о[тец] Владимир также был при этом. Во всяком случае, когда, скоро после этого, я отправлялся вновь (11 об.–12) в Японию, в 1870 году, и проезжал в Москву, о[тец] Владимир был в то время в Москве, и жил у о[тца] протоиерея Николая Дмитриевича Лаврова⁷. Здесь я и простился с ним; а он, во время прощания, взял из груди облачений, собранных для Алтайской миссии, пояс, сделал на изнанке его, и благословил им меня; каковой пояс и доселе хранится мною в ризнице Миссии, как дорогое благословение незабвенного для меня о[тца] Владимира. Но это не все; именно по примеру Алтайской миссии и благотворного служения ей, в качестве сотрудника, о[тца] протоиерея Н[иколая] Д[митриевича] Лаврова, — что я отлично узнал из бесед с о[тцом] Владимиром, — Японская миссия также обзавелась сотрудниками в Петербурге и Москве. И какое это благодетельное учреждение! Без них просто Миссии трудно было бы существовать; каждый год многократно приходится обращаться к их помощи, и каждый раз в душе благодарить Алтайскую миссию, что она своим примером научила иметь сотрудников.

Миссионерская деятельность Вашего Высокопреосвященства у меня также всегда была пред глазами, насколько можно было следить за нею из такой дали, и служила мне примером для подражания, за что я душевно любил и почитал Вас. А ныне Ваша личность, так ярко очерченная в нескольких статьях прочтенной мною книги, стала предо мною как живая, в разных периодах Вашей жизни. Примите же от меня земной поклон благодарности за все то добро, которое имеет Японская миссия от Алтайской! И живите еще много лет для блага Вашей (12–12 об.) и здешней Миссии! Господь Спаситель, Его Пречистая Матерь и Святый Ваш Ангел да сохранят Вас в здравии и полноте сил!

Усердно прося и вперед Вашего милостивого расположе-

ния к здешней Миссии и Ваших святых молитв и Архипастырского благословения для нее, с истинной любовью и высоким почтением к Вам имею честь быть

Вашего Преосвященства
смиранный послушник и богомолец,
Николай, Архиепископ Японский.

[(№ 7)]

Российская Духовная
Миссия в Японии.
Токио.

16 января 1910 г. Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

5 ч[исла] сего января я получил из Иркутска, от управляющего канцелярией генерал-губернатора, уведомление, что «г[осподином] министром финансов, вследствие ходатайства г[осподина] Иркутского генерал-губернатора, сделано распоряжение по Иркутской таможне о беспошлинном пропуске четырех ящиков с книгами Священного Писания, адресованных Архиепископу Тюменскому и Алтайскому Макарию».

То же сказано и о ящиках, адресованных Высокопреосв[ященному] Тихону⁸ Иркутскому, и от него я уже имею уведомление, что он получил посылку.

Ваше Высокопреосвященство получили ли? Если да, то этим и дело кончено, и увещать меня об этом нет надобности. Если нет, то потребуйте, чтобы ящики препроводили к Вам. И если для получения сей посылки в чем-либо понадобится мое участие, то, пожалуйста, известите, — я сделаю все, что нужно.

За доброе и ласковое письмо Ваше от 18 ноября приношу Вам душевную благодарность.

До боли сердечной прискорбно знать, что русские право-

славные чиновники мешают миссионерскому делу так же, как неверующие иудеи (13–13 об.) мешали Св. Апостолу Павлу. Что за аномалия! В России могут твориться такие безобразия. Вот о чем на миссионерских съездах надо громко кричать! Авось, до царя дойдет, и какие-нибудь меры примут. Да, в этом отношении язычники стоят выше наших православных чиновников; здесь, в языческой стране, мы миссионеры, от языческих чиновников не только помех не встречаем, а напротив поощрение видим.

Вопреки и этой чудовищной помехе, да даст Господь Вашему Высокопреосвященству и всем вашим о[тцам] миссионерам вожделенный успех проповеди между оставшимися еще в Сибири язычниками, да поможет Вам в переводах и да хранит Вас в здравии на многое еще делание!

Испрашиваю Архипастырских молитв и благословение Ваше для здешней Миссии и всей Японской церкви, с братскою любовью и высоким почтением имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейшим слугою и богомольцем
Николай, Архиепископ Японский.

[(№8)] полуг[ено]
13 марта 1910

Российская Духовная
Миссия в Японии.
Токио.

16 января 1910 г. Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

За Ваше весьма доброе, и истинно-братское письмо от полноты души приношу Вашему Высокопреосвященству сердечную благодарность. Редко приходится получать такие

письма, и они истинно оживляют и ободряют, — в чем так часто нуждается миссионер, проходящий трудный путь служения, каков путь всех миссионеров.

Вы порадовали меня известием о добром губернаторе Н. Л. Гондатти. Но один человек не составляет системы. Систему нельзя ли установить такую, чтобы чиновники не мешали миссионерам? Наприм[ер], попросить бы Думу создать закон, чтобы православные чиновники, назначаемые на места, где есть православные Миссии, предварительно обращаемы были в лютеранство, или делались язычниками, как здесь в Японии? Во всяком случае, для устранения этого главного препятствия успехам Миссии что-нибудь предпринять настоятельно необходимо, и об этом, конечно, обзаботится миссионерский съезд в Иркутске, в котором Ваше Высокопреосвященство изволите (15–15 об.) принять участие. Отсюда, для участия в нем, отправится Преосвященный Сергей⁹, о чем я уже известил в Иркутске. Я был бы совершенно бесполезен, по совершенному незнанию местных обстоятельств; беспочвенным же разглагольствованием, на которое разве я только и был бы способен, пользы делу не принесешь, а скорее помешаешь. Преосвященный Сергей все же лучше меня знает современное положение русских миссий.

Преосвященный Сергей все более и более являет себя превосходным миссионером. По-японски говорит уже так свободно, что произносит проповеди большим собраниям язычников, и его отлично понимают и награждают аплодисментами, по японскому обычаю. Христиане же везде ждут его, и жаждут его назиданий, и он почти постоянно в путешествии по церквам. Ныне обозревает и наставляет церкви средней части острова Ниппона. Нисколько он не устал от жизни в Японии; напротив, все больше и больше нравится ему миссионерское служение, и он располагает всю жизнь свою отдать этому служению. Укрепи его Бог в этом его добром настроении!

Моля Бога о Вашем здравии, и прося Ваших святых мо-

литв о помощи Божией здешней Миссии и покровении здешней Церкви, с братскою любовью, истинным почтением и глубокою душевною преданностью

имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства

смирненным послушником и богомольцем

Николай, Архиепископ Японский.

[№ 9]

Российская Духовная

Миссия в Японии.

Токио.

3 мая 1910 г.

Воистину Воскресе!

Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Отвечаю я на Ваш праздничный привет, и молю воскресшего Спасителя, да сияет [Он] всегда в Вас Своими благодатными дарами, доступными и потребными духовно-телесному составу нашему: и духовным восхищением, и душевным миром, и телесной бодростью! Приношу Вашему Высокопреосвященству от всего моего сердца глубочайшую благодарность за исполнение моей просьбы. Вы так благостно приняли и исполнили ее, что пристыдили меня за некоторое сомнение в возможности осуществления того, о чем просил, и я истинно не нахожу достойных слов выразить Вам мою признательность. В этом примере почерпну для себя урок, как надо исполнять просьбы ближних, если есть хотя некоторая возможность к тому (17–17 об.).

Прося Ваших святых молитв о себе и всей здешней церк-

ви, с истинной братской любовью и высоким почтением и душевною преданностью имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейшим послушником и богомольцем
Николай, Архиепископ Японский.

[(№ 10)]

Российская Духовная

Миссия в Японии.

Токио.

3 мая 1911 г.

Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

С душевным движением до слез я читал письмо Вашего Высокопреосвященства от 21 ч[исла] марта; и когда снова читаю его, умиление с новой силой посещает душу. Глубоко верю вместе с Вами, что не простой то сон был Вам, а благодатное Божие указание. Своим благодатным явлением и троекратным зовом Господь указал Вам путь следования за Собою, но не с принуждением, не властно и повелительно (иначе кто мог противиться Ему), а тихо, едва ощутимо, как бы сливая глас Свой с возникшим в душе Вашей собственными ее хотениями, и только по мере возрастания желания Вашего следовать за Ним, Вам явственней послышался в тайниках Вашей души зовущий глас Божий. А враг спасения шумом суеты мирской щитится смутить Вашу душу, и потопить в нем глас Божий; еще более: из ущелий адских он дышал ветром на тлеющую в молодой душе Вашей искру страстей и старался раздуть ее в пламень, который бы попалил все благолепие души. Но указал Господь Вам (19-19 об.) на эту страшную опасность, символическими действиями и ясными словами научил и тому, как

уберечься от дьявольских сетей; это — идти тесным путем всяких ограничений себя и, чтобы не ослабевать в крепости и терпении, иметь беспрестанно пред взором страдания Спасителя, паче же всего стараться о воспитании в себе смирения, которым человек предает всего себя Богу и за Ним, как за щитом, укрывается от всяких наветов вражиих. Благословен Бог, благоволивый тако вначале наставить Вас и тако проведший Вас жизненным путем! Так всеблагой Господь заботится о том, кто искренно желает предать себя Его воле и Его благому попечению. Желательно, чтобы этот случай промышления Божия не укрыт был от верующих, — многие найдут в нем поучение и ободрение для себя.

С великим удовольствием читал в текущей прессе везде сочувственные отзвуки торжества Вашего юбилея, и единодушно со всеми воссылал теплую молитву к Богу, да продлит Ваше многоплодное служение Церкви еще на многие годы!

Приношу Вашему Высокопреосвященству душевную благодарность и за последнее письмо Ваше, с Пасхальным приветствием, на которое отвечаю хотя и запоздалым: воистину Христос воскрес!

Ваш подарок, две книги: «Полное собрание проповеднических трудов», в редкостно изящном переплете, с портретом Вашего Высокопреосвященства, и «На служении Алтаю», так богато и изящно иллюстрированную, обе с собственноручными Вашими надписями (19 об.—20), получил в совершенной целости, с интересом и назиданием для себя прочитал и, как драгоценным приобретением, обогатил ими миссийскую библиотеку, а Вашему Высокопреосвященству от всего сердца приношу великую благодарность за этот дар.

Преосвященному Сергию передал надписанную ему книгу, и равно Ваш ласковый привет. То и другое он принял с глубокою признательностью, и просил меня при ответе засвидетельствовать пред Вашим Высокопреосвященством его благодарность и просить для него Ваших святых молитв об успехе

его служения. Служит же он весьма усердно. Уехавши с нового года для посещения наших южных церквей, он только в Великую Пятницу сыскался в Токио, а во вторник Фоминой недели отправился в церкви на север от Токио. Везде, конечно, его посещения многополезны, оживляют церкви, одушевляют иереев и катехизаторов и способствуют успехам проповеди. Но недостаточно его одного на все многочисленные наши церкви, рассеянные по всей стране. Еще бы двух, таких же ревностных миссионеров нужно. Молим Бога и обращаем в Россию взоры и слово о сем.

Усерднейше прошу и Вашего Высокопреосвященства доступных Господу святых молитв о нашей скудной Миссии, и Архипастырского благословения ей и всей здешней церкви, а также и мне грешному, и, принося Вам чувства высокого почтения и истинной братской любви и душевной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейшим послушником и богомольцем
Николай, Архиепископ Японский.

[№ 11] ответ дан 19 окт[ября] 1911 послать 2 экз[эмпляра] кн[иги] «Близ грядущий антихрист» Нилуса.

Российская Духовная
Миссия в Японии.
Токио.

30 сентября 1911 года

Высокопреосвященный Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Не имея ничего лучшего, чем бы отблагодарить Вас за великолепный том «Полного собрания проповеднических трудов» Ваших и изящную книгу «На служении Алтаю», беру смелость представить Вашему Высокопреосвященству прила-

гаемый альбомчик 50-летия моего в Японии, изданный христианами. Считаю нужным сказать, что все празднование было делом христиан; я только соглашался и не противоречил им, находя все это бесполезным в нравственном отношении; лично же участвовал настолько, насколько было неизбежно, и насколько простирались требования христиан:

- Сделайте вот то-то, напишите вот это...
- Да разве нужно?
- Непременно нужно.

И я делал, писал, говорил. Так у нас вышло нечто даже совсем новое. Христиане попросили участвующего со мной в переводе богослужебных книг, всеми уважаемого (21–21 об.) ученого и поэта и вместе благочестивого христианина Павла Накаи, сложить гимн Богу на этот случай. Он, заимствовав образы и даже выражения из Псалтири и Евангелия, которые мы с ним же переводили, сложил краткий гимн, регент-японец положил его на ноты, полный хор наш, состоящий из всех учеников семинарии и учениц женского училища, разучил его, — и ко мне пришли просить благословения пропеть его в соборе, после чтения приветствия христиан и моего ответа на него. Я посоветовался с Преосвящ[енным] Сергием:

- Можно ли разрешить?
- Какие же могут быть препятствия к разрешению пропеть Богу гимн в Божием храме? — Решили мы оба и разрешили. Ваше Высокопреосвященство изволите видеть это пение на двух листах фотографии, снятой нашим фотографом, которому принадлежит альбом. Питаю полную надежду, что и Ваше Высокопреосвященство не поставите этого в вину нам.

Празднование 50-летия продолжалось 3 и 4 ч[исла] июля, а с 5-го ч[исла] начался наш обычный Собор, на этот раз состоявшийся из всех служащих церкви, и продолжался три дня. На нем уяснено было, что христиан у нас теперь 32 700 человек, священников 36 (с вновь поставленными после Собора),

проповедников 112. Миссионеров же, и руководить этою церковью и заботиться о расширении ее, только и есть, (21 об.–22) что Преосвященный Сергей и я грешный, совсем ужо устарелый. Горячо мы молимся Господину жатвы, да изведет делателей на жатву Свою. Просим усерднейше и Ваших святых, доступных Богу, молитв о сем!

С истинным глубочайшим почтением, сердечною преданностию и братскою любовью имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорным послушником и богомольцем
Николай, Архиепископ Японский.

(22–22 об. [пустой лист])

(22 об.–23)

[№ 12 (Копия)]

Российская Духовная

Миссия в Японии.

Токио.

20 октября 1909 г.

№ 169

Его Превосходительству

Г[осподину] Иркутскому Генерал-Губернатору,

Генералу от Инфантерии

Андрею Николаевичу Селиванову.

Ваше Высокопревосходительство,

Андрей Николаевич!

Беру смелость обратиться к Вам с следующим ходатайством.

Когда жили в Японии, во время минувшей войны, рус-

ские военнопленные, тогда Миссиею напечатаны были для них: 68 000 Четвероевангелий, обошедшихся по 15 коп[еек] экземпляры с переплетом, и 69 000 кратких Молитвословов, обошедшихся по 1 коп[ейке] за экземпляр.

По выезде военнопленных в Россию, в Миссии осталось некоторое количество Четвероевангелий и Молитвословов, частью потому, что иноверные не взяли предназначенных для них книг, частью потому, что при возвращении некоторые отдавали свои книги обратно в Миссию.

Так как Миссия не имеет нужды в большом количестве накопившихся у нее Четвероевангелий и Молитвословов, то я счел за лучшее отослать их к знакомым мне Преосвященным в Сибири, для раздачи даром по их усмотрению, и 14 марта сего года послал чрез Владивосток: 6 ящиков с 1500 экз[емпляров] Четвероевангелия и 1000 экз[емпляров] Молитвословов Архиепископу Тихону в Иркутск, 4 ящика с 1020 экз[емпляров] Четвероевангелий Архиепископу Макарию в Тюмень (23–23 об.).

Но Преосвященный Макарий от 13 ч[исла] минувшего сентября пишет мне следующее:

«Глубоко был обрадован я, когда получил известие о том, что посланы на мое имя книги „Евангелия, перепечатанные с русского Синодального издания фотографическим способом” для благотворительной цели. Но радость моя, как оказалось потом, была преждевременна. Вскоре я получил извещение от Управления Сибирской жел. дор. за № 2700, от 1 августа с[его] 1909 г., что, „по сообщению Иркутского таможенного агентства гоуз по накладной Владивосток–Томск № 2164 на мое имя досмотрен в иркутской таможне и подлежит оплате пошлиной в сумме 350 руб. 74 коп., до уплаты груз задержан”. Уплатить такую сумму на благотворительное дело для нас непосильно. И потому мы признали за лучшее не предъявлять никаких претензий к иркутской таможне: пусть таможня распорядится книгами по своему усмотрению».

От Архиепископа Тихона я не имею никаких известий. Должно быть, и ему не выдают моей посылки, наложив на нее такую пошлину, которую уплатить для его непосильно.

202 книг Четвероевангелия стоят 153 рубля. И на них наложили пошлину в 350 р. 74 к. Это что-то совершенно непонятное. Если уж необходимо наложить пошлину и на такое благотворение, как даровая раздача Евангелий, то пусть бы наложили пошлину законную.

Обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с всепокорнейшею просьбою: употребить Ваше содействие, чтобы Четвероевангелия и (23 об.–24) Молитвословы, посланные мною, достигли Преосвященных, которым адресованы.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорным слугою и богомольцем
Николай, Архиепископ Японский.

Примечания

- (1) Свт. Макарий (Невский) (1835–1926), митрополит Московский, начальник Алтайской православной миссии с 1884 по 1912 гг. Рукоположен в епископа 12.02.1884 г. Будучи викарием, именовался сначала Томским и Бийским, позже, с 18.02.1891 г. — Томским и Барнаульским, с 6.05.1906 г. — архиепископ Томский и Семипалатинский. С 17.10.1908 г. носил титул архиепископа Томского и Алтайского. С 25.11.1912 г. — митрополит Московский и Коломенский.
- (2) Андроник (Никольский), рукоположен в епископа 5.11.1906 г., уволен от должности (по болезни?) 5.07.1907 г., с 14.03.1908 г. он — еп. Тихвинский, викарий Новгородской епархии.
- (3) Архимандрит Макарий (Глухарев) (1792–1847), миссионер, основатель Алтайской православной миссии, канонизирован в 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви.

- (4) Владимир (Петров) (1828–1897), миссионер и просветитель малых народов Алтая, Ставропольского края и Казани. Руководил Алтайской православной миссией с 1866 г. по 1884 г. В 1880 г., к 50-летию юбилею Миссии, он был рукоположен в епископа — викария Томской епархии; с 6.08.1883 г. он епископ Томский, с 8.03.1886 г. — Ставропольский и Екатеринодарский, с 25.11.1889 г. — Нижегородский и Арзамасский, с 7.05.1892 г. — архиепископ Казанский и Свяжский.
- (5) Ландышев Стефан Васильевич, протоиерей († 1883), миссионер, начальник Алтайской православной Миссии с 1844 г. по 1866 гг.
- (6) Свт. Иннокентий (Вениаминов), (1797–1879), митрополит Московский, выдающийся русский православный миссионер.
- (7) Старейший сотрудник Алтайской православной миссии (больше 40 лет), член Совета Православного Миссионерского Общества, настоятель Спиридоновской церкви в Москве.
- (8) Тихон (Троицкий-Донебин), рукоположен 18.07.1882 г., с 28.03.1892 г. — архиепископ Иркутский и Нерчинский, († 29.06.1911).
- (9) Сергей (Тихомиров), рукоположен 6.11.1905 г. в епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии; с 21.03.1908 г. — викарий Киотоский, помощник начальника Духовной Миссии в Японии; с 29.05.1912 — епископ Японский, начальник Духовной Миссии, с 1921 г. — архиепископ, с 1931 г. — митрополит; с 4.09.1940 г. — на покое († 11.08.1945).

Из собрания Д. М. и А. М Позднеевых

Ф. 590, № 117: письма за 1906–1913 гг.

(переплет).

1. Копия письма свт. Николая к губернатору
Приморского края генерал-лейтенанту П. Ф. Унтербергеру
(лл. 165, 166, 167):

Токио

Российская Духовная Миссия в Японии,
8 ноября 1908 г. № 163.

Милостивый Государь,
Павел Федорович.

В ответ на письмо Вашего Высокопревосходительства от 1 сентября 1908 года, за № 216/7961, имею честь препроводить при сем два отзыва об учебниках японского языка, издаваемых Д. М. Позднеевым, сделанные по моему вызову, людьми самыми компетентными в этом вопросе, корпорацией преподавателей здешней Миссийской семинарии. О[тец] протоиерей Булгаков¹ с особенною полнотою и ясностью изложил характеристику учебников г. Позднеева, и я нахожу ее вполне правильной. Вообще, мое мнение о несомненной полезности сих учебников совершенно то же, что в прилагаемых двух документах.

К сему я беру смелость присоединить несколько слов вообще об учебных трудах г. Позднеева. Бывший профессор Петербургского университета и потом директор высшего учебного заведения Восточного института во Владивостоке, г. Позднеев, по прибытии в Токио, в конце 1905 года, не стесняясь, сел за ученическую парту регулярной школы, открытой японцем для преподавания японского языка иностранцам; дома же был неразлучен с японскими учебниками и с японским учителем. Зато года не прошло, как он не только правильно заговорил по-японски, но и составил и издал «Японскую историческую хрестоматию», с весьма полезной японской хронологией, составленной с европейским летосчислением, а еще через пять месяцев издал первую часть своего «Токухона», столь полезного для начинающих изучать японский язык. Прошел затем только год, и г. Позднеев изумил нас всех здесь изданием своего капитального труда — «Японо-русский иероглифический словарь» (СХХVII + 1194); в то же время он напечатал книгу: «Материалы по вопросу о постановке начального изучения японского языка», и вполне приготовил к изданию вторую часть «Токухона», который, без сомнения, будет еще более полезен и безукоризнен, чем первая часть, как произведение уже зрелого, вполне компетентного знатока японского языка. Неутомимая энергия и вместе с тем добросовестность в трудах г. Позднеева поистине достойны удивления. Конечно, весьма желательно, чтобы он нашел пособие и поощрение к изданию как своего последнего труда, так и дальнейших, потому что нужно не только желать, но и настаивать, чтобы он продолжал труды в принятом направлении, т. е. чтобы работал применительно к потребностям русских учащихся дальнейшие 3 книги «Токухона» (старшего отделения начальной школы); а затем обработал и издал «Грамматику» японского языка для русских; наконец, чтобы составил два алфавитных словаря, русско-японский и японо-русский. Судя по необыкновенной работоспособности г. Позднеева, это составит для

него труд 4–5 лет и этим его лингвистические работы здесь будут окончены вполне, вполне достаточные учебники для изучения русскими японского языка будут составлены и изданы.

Но этим служение г. Позднеева России не должно ограничиться. У всех больших европейских народов уже нашлись (л. 166–167) ученые, которые написали для своего отечества многие тома об Японии и во всех отношениях познакомили свое отечество с нею. Не говоря уже о научном интересе их трудов, польза от них великая. (Например, не поставила бы Англия Японию о плечо с собою, если бы глубоко не узнала, что она достойна этого; не было бы нашей войны с Японией, если бы мы поглубже знали Японию.) Пусть же будет таким ученым г. Позднеев. Он обладает и достаточным писательским талантом и достаточным аппаратом солидной эрудиции, чтобы смело взять для себя это в высшей степени важное дело — всестороннее ознакомление России с Японией — и успешно исполнить его. Нужно считать счастливым обстоятельством то, что он поселился в Японии. Пусть же он проживет здесь многие годы, и результатом этого пусть будет много прекрасных книг об Японии, знакомящих Россию с ее многовековой историей и с ее настоящим бытом во всех отношениях. В высшей степени желательно, чтобы Ваше Высокопревосходительство явили сочувствие сему, и Вашим веским словом и авторитетным влиянием содействовали осуществлению сего.

Призывая благословение Божие на Вас, с истинным почитанием и совершенной преданностью имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства

покорным слугой и богомолец

[подп.] Николай, Архиепископ Японский

2. Отзыв преподавателей Токиоской Православной Духовной семинарии об учебниках Позднеева (л. 171):

На заданный нам Высокопреосвященным Николаем, ар-

хи епископом Японским, вопрос о пригодности составляемых Д. М. Позднеевым учебников по японскому языку, я, на основании суждений, высказанных по этому поводу преподавателями, пользующимися первой частью учебника «Токухон» г. Позднеева при преподавании японского языка русским ученикам, обучающимся ныне в семинарии, и моего личного опыта, могу дать следующий отзыв.

Учебники Д. М. Позднеева, хотя и имеют некоторые существенные недостатки, — много облегчают труд преподавателей при уроках японского языка и доставляют русским ученикам немалую пользу. Вообще они должны быть признаны полезными руководствами для русских, желающих изучать японский язык.

Ректор Православной Духовной Семинарии в Токио.

подписал: Иван Сенума.

Токио

4 ноября (28 октября)

1908 г.

3. Копия письма министра народного образования от 29 октября 1908 г., № 28479 (л. 237):

В том положении, которое заняла ныне на Дальнем Востоке Япония, для нас, как непосредственных соседей ее, приобретает крайне серьезное значение возможно широкое распространение знания японского языка среди местного русского населения. Меры для подготовки кадра лиц, знакомых с японским языком, принимаются и теперь разными ведомствами, но все они имеют разрозненный, отчасти случайный характер. Между тем представлялось бы необходимым действовать по общей, строго определенной системе, установив преподавание японского языка в некоторых наших учебных заведениях, низших и средних. Ввиду сложности и серьезности занятия этого вопроса, правительство уже определило образовать особую межведомственную комиссию для всесторонней его разработки.

С[о] своей стороны озабочиваясь правильным выполнением указанной, всецело назревшей потребности и видя в лице Вашего Высокопреосвященства первейшего в России знатока японского языка, в течение почти полувекового проживания в Японии [и] учредившего немало народных школ и обогатившего их переводами как богослужебных, так и научных изданий, я позволяю себе обратиться к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшею просьбою указать мне, какие из имеющихся пособий могли бы быть с наибольшею пользою применены у нас к начальному изучению японского языка, а равно и кому именно из русских специалистов-японистов могли бы быть поручены как составление таких учебников, если бы оно потребовалось, так и выработка программ преподавания японского языка в средних и низших школах и, наконец, вверено на будущее время руководство делом изучения в России Японии и ее языка, соответственно пользам дела и развития европейских знаний по сему предмету.

Испрашивая Вашего Архип[астырского] Благословения, пок[орнейше] пр[ошу] принять уверения в искреннем почт[ении] и соверш[енной] преданности, с коими им[ею] ч[есть] б[ыть] В[ашего] Высокопреосв[ященства] А. И. Шварц.

4. Копия письма свт. Николая (Касаткина) к министру народного просвещения Александру Николаевичу Шварцу (лл. 178–181):

Российская Духовная

Миссия в Японии

Токио.

1 Декабря 1908 года

[№ 170]

Милостивый Государь,

Александр Николаевич.

На письмо Вашего Высокопреосвященства от 29 октября 1908 года, за № 28479, имею честь ответить следующее.

Живя безотлучно в Японии, я не имею возможности знать кого-либо в пределах России, на кого мог бы указать как на отвечающего запросам, изложенным в Вашем письме. Но из русских, проживающих ныне в Японии, я могу указать одно лицо, отвечающее, мне кажется, сим запросам. Это, по высшему образованию ориенталист, бывший профессор С.-Петербургского университета, потом директор Восточного института в Владивостоке Д. М. Позднеев.

Г[осподин] Позднеев, прибыв в Токио в декабре 1905 года специально для изучения японского языка, не стесняясь своим ученым званием, сел за ученическую скамью регулярной школы, открытой японцем для иностранцев, желающих изучать японский язык, а дома окружил себя японскими учебниками и учителями и результатом сего было то, что чрез год он правильно заговорил по-японски, и в продолжении того года разработал по японским источникам и издал: «Географически-статистические очерки Японии» и «Японскую историческую хрестоматию» с двумя книжками приложений к ней подлинного японского текста; а через пять месяцев напечатал составленный им из японских первоначальных японских учебных книжек как учебник для русских, начинающих изучать японский язык, «Токухон, или Книга для чтения и практических упражнений в японском языке», часть I-я. Затем он занялся составлением «Японо-русского иероглифического словаря, по ключевой системе», и в половине текущего года этот капитальный труд его уже был напечатан (л. 178–179). Кроме того, в настоящем году составлены им книжки: «Материалы по вопросу о постановке начального научения японского языка» и напечатана 2-я часть «Токухона», составляющая продолжение вошедших в первую часть японских первоначальных учебников. Все поименованные книги, написанные г. Позднеевым, при другом постоянном деле — изучении японского языка, менее, чем за три года, я имею честь одновременно с сим препроводить к Вашему Высокопревосхо-

дительству. (Только что вышедшая из печати 2-я часть «Токухона» будет отправлена вслед за сим, по получении ее из переплетной.) Один взгляд на них, еще не развернутых, дает понятие о незаурядной работоспособности г[осподина] Позднеева; беглый же просмотр их не замедлит убедить в его замечательной лингвистической способности и писательской даровитости; а более глубокое внимание к его писаниям убедит в его ученой добросовестности.

Ваше Высокопревосходительство изволите спрашивать:

1) «Какие из имеющихся учебных пособий могли бы быть с наибольшей пользой применены у нас к начальному изучению японского языка». Смело можно ответить: г[осподина] Позднеева: 1 и 2 часть «Токухона», «Японская историческая хрестоматия» с книжками японского текста и «Японо-русский иероглифический словарь». Польза сих учебников испытана здесь в Миссийской семинарии, при преподавании японского языка русским воспитанникам, присланным сюда от военных начальств из Харбина и Хабаровска. Чтобы дать более ясное и полное понятие о качествах «Токухона», прилагаю здесь подробный отзыв о сем учебнике протоиерея Петра Булгакова, одного из корпорации преподавателей здешней семинарии.

2) «Кому из русских специалистов-японоведов могли бы быть поручены как составление таких учебников, если бы оно потребовалось, так и выработка программ преподавания японского языка в средних и высших школах». Очевидно, вышеозначенных учебников японского языка весьма недостаточно, и требуется составление дальнейших. Изданные ныне 2 части «Токухона» составляют (лл. 179–180) только восемь книг младшего отделения начальной японской школы. Должно последовать продолжение этого учебника, т. е. обработка и издание дальнейших восьми книг «Токухона» старшего отделения начальной японской школы. Это г[осподином] Позднеевым почти уже и исполнено. Он пишет мне (из Иокохамы,

где живет): «...если бы мне сейчас дали средства на издание „Токухона“ (8-ми книг старшего отделения), то я чрез месяц сдал бы его в типографию...». Затем следует желать и настаивать, чтобы он разработал и составил грамматику японского языка для русских; далее: он составил обстоятельную «Хрестоматию японского языка», которая бы в кратких и характерных статьях, переводных и оригинальных, обнимала по возможности весь быт Японии; наконец составил алфавитные словари с русского на японский и с японского на русский. При несомненной уже ныне компетенции г[осподина] Позднеева в теоретическом и практическом знании японского языка и при достаточно доказанной им любви к занятиям в сем направлении, можно с уверенностью сказать, что он успешно исполнит все вышеозначенное и что в продолжение 4–5 лет образуется полная серия японских учебников для русских, если автору даны будут средства на отпечатания их. — От него же, мне кажется, могут быть ожидаемы и наиболее компетентные программы преподавания японского языка; он уже немало думал о сем предмете, как показывают некоторые его сочинения.

3) «Кому из русских специалистов-японоведов могло бы быть вверено на будущее время руководство делом изучения в России Японии и ее языка, соответственно пользам дела и развития европейских знаний по сему предмету». Г[осподин] Позднеев до того увлечен нынешним своим делом — составлением японских учебников для русских и изучением Японии вообще, что заявляет твердую решимость не оставлять Японии еще несколько лет. Но если изучение японского языка, по крайней мере, на первое время, будет введено в средние и высшие школы только там, где прежде всего и действительно составляет предмет необходимости, т. е. к граничащих с Японией наших Приморской и Приамурской областях, то, при нынешних крайне легких и скорых способах

(лл. 180–181) путевых сообщений между Японией и российскими областями, для г[осподина] Позднеева было бы несовместимо продолжение его нынешних занятий в Японии и руководство делом изучения японского языка в русских школах.

Вот все, что я имею почтительнейше ответить на письмо Вашего Высокопревосходительства. К сему беру смелость присоединить мое скромное мнение, что если бы предположено было поручить г[осподину] Позднееву руководство преподаванием японского языка в русских школах и если бы это его служение оказалось несовместимым с продолжением нынешних его занятий в Японии, то предпочтительнее оставить его при излюбленных им занятиях в Японии, чем употребить на дело в России. Служение его в России здесь не должно ограничиться составлением учебников японского языка, а должно иметь дальнейшую, еще более важную цель.

У всех больших европейских народов давно уже нашлись ученые, которые написали для своего отечества многие томы об Японии и во всех отношениях познакомили свое отечество с нею. Не говоря уже о научном интересе сих трудов, польза от них великая. (Наприм[ер], не поставила бы Англия Японию о плечо с собою, если бы глубоко не узнала, что она достойна того; не было бы нашей несчастной войны, если бы мы поглубже знали Японию.) Пусть же будет таким ученым для России г[осподин] Позднеев. Он обладает и достаточным авторским талантом и достаточным аппаратом солидной эрудиции, чтобы смело взять на себя это в высшей степени важное дело — всестороннее ознакомление России с Япониею — и успешно исполнить его. Нужно считать счастливым обстоятельством то, что он поселился в Японии. Пусть же он проживет здесь многие годы и результатом того, кроме японских учебников, пусть будет много прекрасных книг об Японии, знакомящих Россию с ее многовековою историею и с ее настоящим

бытом во всех отношениях. В высшей степени желательно, чтобы Ваше Высокопревосходительство явили сочувствие сему и Вашим авторитетным влиянием содействовали осуществлению сего.

Призывая благословение Божие на Вас, с истинным почетом и совершенною преданностью имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства покорным слугой
и богомольцем.

[подписал] Николай Архиепископ Японский.

4. Копия письма Д. М. Позднеева к свт. Николаю (Касаткину) (лл. 172–173):
Екохама 12 декабря 1908 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владыка,

Не знаю, как и благодарить Вас за ту доброту, которую Вы мне показываете. На вопросы Ваши отвечу по порядку:

1. «Коотоо сео-гаку токухон», все 16 книг мною были прочитаны еще в школе Мацуда. Тогда же были записаны к ним и слова, а равно и написана транскрипция. Записывал я перевод не всегда, но во всяком случае его записана добрая половина. Словом дело обстоит так, что если бы мне сейчас отпустили на его издание деньги, то я через месяц сдал бы его в печать в типографию.

2. Я безусловно заявляю твердую решимость не оставлять Японии еще несколько лет... но при условии, что мне дана будет возможность безбедного здесь существования. Я ликвидировал свои дела с агентством; теперь должен буду искать себе заработка. Сделаю все, что возможно, чтобы мне остаться здесь и продолжать работы в начатом направлении, но моих личных средств на это надолго не хватит. Семейка-то ведь теперь не маленька.

3. Из второй части «Токухона» ненапечатанною остается теперь только одна таблица опечаток. Я ее составляю и по от-

печатании сдам в набор. Думаю, что книга выйдет из переплетной через две недели. Тогда немедленно же представлю ее Вам.

Я усерднейше просил Вас, Владыко, написать, если только Вам позволяет Ваше здоровье, ответ министру поподробнее. Я говорю не о себе и не о своем деле, нет, а смотрю на дело с той точки зрения, что ведь за 50 лет Вашей работы здесь министерство народного просвещения, я думаю, впервые обратилось к Вам с подобным запросом о том, как нужно изучать Японию. Дайте же (лл. 172–173) им программу такую, которой мы могли бы отдать свои силы и по которой могли бы идти систематично и надолго. Скажите им, что следует вести дело широко, всесторонне, не думая только о сегодняшнем и завтрашнем дне. Они ведь в своем невежестве не дают себе отчета в том, что только учить-то японский язык нужно десять лет, да из ста душ начинающих один может его выучить. По этой пропорции и нужно начинать рассадку сада, если они хотят со временем собрать хотя бы мерку яблок в области японологии. Конечно, запугивать их тоже опасно, тогда совсем руками махнут. Но ведь Ваша программа изучения Японии так широка, продуктивна, так последовательна и практична, что ей, казалось бы, нельзя не следовать. Прежде всего — учебники, а потом научное изучение всех сторон жизни, лучше ничего и желать нельзя. Только бы Господь услышал Ваши молитвы, да вразумил тех, кто сидит в своем невежестве в Петербурге, как во тьме и сени смертной.

Я просил бы Вас еще разрешить мне снять копию Вашего письма Шварцу. Если они там не послушают его, то хотя [бы] я сам, по мере своих слабых сил, буду стремиться к выполнению того, что Вы напишите.

Все мои шлют Вам привет и пожелания доброго здоровья, испрашивая Ваших молитв и благословения.

Поручая себя молитвам Вашим, прошу и я принять мое искреннейшее выражение любви, уважения и всех добрых чувств

Ваш покорнейший слуга

Д[митрий] Позднеев.

5. Копия письма Д. М. Позднеева к свт. Николаю (Касаткину) (л. 277):

Иекогама, Ямасита № 84.

21 июля 1909 г.

Дорогой Отец,

С чувством глубокой признательности к Вам и личного самоудовлетворения посылаю Вашему Высокопреосвященству вырезку из английской газеты, где рецензент излагает новый шаг нашего поступательного движения в области изучения японского языка. Все это происходит по Вашему примеру и под Вашим руководящим влиянием, а потому никто, вероятно, больше Вас не радуется подобного рода явлениям. Мне почему-то кажется, что Вы не получаете этой газеты, в чем и находится объяснение моей посылки. Слава Богу, что мы станем на твердую более или менее почву по данному предмету. Я думаю, что книга о. Петра (Булгакова. — Р. Ц.) произведет немалое впечатление не только на специалистов, но что и наше министерство нар[одного] просвещения научится немало, если вчитается в эту книгу. Мальчики Ваши тоже, конечно, выучат (*неразборчиво*), и это, несомненно, поведет к облагорожению их духа и тела.

У меня в доме опять болезнь: захворала тяжело дочка Вера, и мы опять в карантине. Остальных отправил на дачу в Нэгиси, а сам с женою дома. Анна меня утешила. Представьте себе: после года учения в немецкой школе она перешла в следующий класс первую ученицею из всех немецких детей.

Поручаю себя молитвам Вашим, и свидетельствуя низкий поклон Преосвященному Сергию (Тихомирову. — Р. Ц.), остаюсь искренно любящий и всегда преданный

Д. Позднеев.

6. Копия статьи «Japanese language at St. Peterburg» (л. 259):

Россия, очевидно, начинает обращать внимание на изу-

чение японского языка. В одном из номеров полученной нами газеты «Россия» помещена заметка о происходившем в Петербурге в гимназии императора Александра I экзамене по японскому языку. Экзаменаторами были бывший консул в Нагасаки Костылев, преподаватель японского языка Завадский-Краснопольский и Попов, открывающий курс японского языка в 8-м классе женской гимназии Ефросинии Суздальской. Всего подверглось испытанию по японскому языку 5 человек. Экзамены дали вполне удовлетворительные результаты: все экзаменовавшиеся по японскому языку получили по высшей оценке (5). Гимназия императора Александра I в отношении преподавания японского языка является единственною не только в России, но и во всей Европе. Преподавание ведется по учебникам проживающего в Иокогаме профессора Д. М. Позднеева, носящих название «Токухон». Ученики окончили уже первую часть учебника четырех книг «Jinjō Shogaku Tokuhon» и проходят ныне вторую часть. Нельзя не приветствовать поэтому доброго отношения японского министерства народного просвещения, давшего профессору Позднееву разрешение включить японские тексты в издаваемые им японские хрестоматии «Токухона». Мы рады также видеть, что неоднократно отмечавшиеся нами заслуги этого ученого в его работе по сближению между Японией и Россией находят себе добрую оценку в петербургском обществе, интересующемся изучением Японии, и что его учебники, так горячо нами приветствовавшиеся, нашли себе применение в русской школе. Как известно, уже ранее Петербурга ими пользуются русские мальчики, изучающие японский язык под руководством архиепископа Николая на Суругадае. Пример Д. М. Позднеева, приспособляющего учебники начальных классов Японии для русских училищ, в которых преподается японский язык, нашел уже себе последователей. Вышеназванный преподаватель Завадский-Краснопольский перевел на русский язык начальный учебник японской географии, а про-

тоиерей русского посольства в Токио П. Булгаков занят ныне, как нам известно, изданием начального учебника морали, преподаваемой в низших школах Японии.

7. Копия письма Д. М. Позднеева к свт. Николаю (Касаткину) от 31 января 1910 г. (лл. **386–388**):

Многоуважаемый Владыка,

Завтра я уезжаю и на прощанье хочу еще пожелать Вам всего-всего лучшего и выразить мое бесконечную благодарность за ту бодрость, которую Вы всегда вливаете в мою избалованную душу. Помолитесь за меня, чтобы мне удалось добиться возможности продолжать здесь свое дело на благо святой родины.

Едва я опубликовал свою книгу, как уже начались тернии. Я сознаю ее громадную важность, и это сознание дало мне силы так работать над нею, как я работал, и как Вы, Вы, один из 150 миллионов русских, в состоянии оценить. Мне сообщают уже, что про книгу говорят, что она представляет собою только необработанные «материалы», не имеющие никакого значения. При нашей малоосведомленности и незнании, если такие взгляды распространяются, то работа может быть дискредитирована совершенно, по крайней мере, на время, т. е. именно тогда, когда мне придется на нее опираться и говорить о необходимости изучать Японию. Зная Ваш взгляд на мою работу, я позволяю себе обратиться к Вам с слезной просьбой, которую излагаю не ради своих личных выгод, а исключительно ради пользы дела и блага родины. Вы — признанный авторитет Японии, пред голосом которого замолкнут все злоречашие. Напишите мне, пожалуйста, письмо, с оценкой моей работы и изложением Вашего на нее взгляда. Это письмо мне может сослужить огромнейшую службу, так как я могу его в Петербурге показать каждому и из него все поймут, в чем здесь дело. Я получил сейчас письмо от А. Я. Ивасава²,

который знает мою работу и называет ее «капитальнейшим (лл. 386–387) трудом», за который потомки скажут мне «спасибо». Иностранцы, уже ознакомившиеся с работою, изумляются ее громадности и новизне, придают ей огромное значение. Одни только соотечественники уже готовы бросать в нее грязью. Я должен им что-либо противопоставить, и в этом отношении ничего не будет сильнее Вашего беспристрастного, авторитетного отзыва. Усерднейше Вас о том прошу.

Так как я уезжаю, то, если сочтете возможным удовлетворить мою просьбу, пришлите письмо на имя жены, а она уже без замедления перешлет мне его в Петербург. Момент мне представляется имеющим для меня огромную важность, как и для дела, так как все мои недруги *должны*, неминуемо *должны* собрать все свои резервы, чтобы повредить доброму имени этой моей книги, а вместе с нею дискредитировать и меня. Я смотрю на дело совершенно хладнокровно и взвешиваю свои шансы совершенно как идущий в бой полководец. Я ожидаю генерального боя, из которого уверен выйти победителем, но далеко не без борьбы, к которой я готов.

Приношу Вам, Владыка, мои искреннейшую благодарность за все, что Вы найдете возможным сделать по поводу моей просьбы. Я был бы очень счастлив, если бы Вы разрешили мне в случае необходимости опубликовать Ваше письмо, хотя, может быть, в этом и не представится надобности по действиям моих антагонистов. Я, однако, на это не надеюсь. Еп[ископ] Сергей (Тихомиров. — Р. Ц.) сказал мне, что он не нашел в книге при путешествии по Хоккайдоо ни одной ошибки. Но заявления на словах мне будет мало. Мне нужны будут письменные доказательства взглядов и оценки компетентными лицами моей работы. Прошу Вас, досточтимый Владыка: просто, без ссылки на это письмо и мою просьбу, изложите хотя вкратце свой взгляд на книгу. Я сознаю, что отрываю Вас от прямого и святого дела, но ведь и мое (лл. 387–388) дело тесно связано с Вашим, и успех мой будет иметь

значение как для дела миссии, так и для мальчиков, учащихся у Вас и для дальнейшей русской работы в Японии.

Простите, что беспокою просьбою.

Поручаю себя молитвам Вашим, остаюсь искреннейше уважающим Вас и всею душою любящим сыном

Д. Позднеев.

Друзья говорят мне, что изданием книги я одержал большую победу, но, по пословице, ведь именно после победы-то и нужно подтягивать шлем.

Примечания

- (1) *Петр И. Булгаков* (?), протоиерей, кандидат богословия, вначале был законоучителем и настоятелем церкви при Восточном институте во Владивостоке. Позже переведен в храм при посольстве в Токио. Входил в корпорацию преподавателей семинарии.
- (2) Наставник токийской семинарии.

Япония*

Докладная записка иеромонаха Николая директору Азиатского Департамента П. Н. Стремоухову

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Отправившись в Японию в звании настоятеля консульской церкви, но с миссионерской целью, я старался, в продолжение моего восьмилетнего пребывания там, изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны Евангельскою проповедью. Конечно, в миссионерских видах я никак не рассчитывал на одни собственные силы; но мне казалось святотатством просить себе сотрудников прежде, чем я уверюсь, что их силы, отвлеченные от непосредственного служения России, не будут потеряны для людей вообще. Чем больше я знакомился с страной, тем больше убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия там громко раздастся и быстро понесется из конца в конец империи. Беру смелость изложить пред вашим превосходительством те наблюдения, которые привели меня к этому убеждению.

* Докладная записка свт. Николая Японского публикуется по изданию: Русский архив. 1907. Кн. 1. С. 570–615. Нами сохранена и система примечаний текста. — Р. Ц.

¹ Ныне архиепископа. П. Б. («П. Б.» — П. Бартенев, редактор Русского архива. — Р. Ц.).

В этой 35-миллионной империи крайнего Востока все как-то чудно, все не по-нашему, но вместе и не по-восточному. Как мы понимаем Восток? Абсолютный деспотизм сверху и безответное раболепство снизу, невежество, отупение и, вместе с тем, невозмутимое самодовольство и гордость, а вследствие этого неподвижность: вот понятия, которые у каждого из нас неразрывно связаны с понятием о восточных государствах. Тем более, по-видимому, означенные качества должны бы принадлежать Японии, как стране очень древней и во все время своего существования имевшей сношения почти исключительно с одним Китаем, отсталость и неподвижность которого вошли в поговорку. И что же мы видим на самом деле в Японии? Императорская династия здесь, правда, имеет, как почти везде на Востоке, божественное происхождение, но деспотами, в том смысле, который мы привыкли соединять с этим словом, императоры никогда не были. Я встретил в истории лишь одного императора (и в период наиболее цветущего состояния Японии), который взглянул было на свою власть как на принцип полнейшего самовольства и вследствие того стал охотиться на людей с луком и стрелами, бросать людей в реку, бить их острогою, как рыбу, и делать тому подобные дурачества; но и его постигла внезапная смерть, и история очень недвусмысленно говорит о причине этой внезапности. Другой, наследник престола, показывал склонность сделаться подобным императором, но за эту склонность Государственный Совет прямо лишил его права на престол. Вообще об императорской династии в Японии (она одна с самого основания империи, т. е. с 667 г. до Р. Хр.) можно не обинуясь сказать, что она блистательно исполнила свой долг: рядом героев и мудрых администраторов она завоевала страну для своего народа, дала ей очень хорошее гражданское устройство (лучшее чем то, которое существует теперь не по вине императоров), доставила народу военную славу завоеванием корейских государств, ввела его в сношение с Китаем и чрез то даровала стра-

не хоть то образование, которое выработал до нее Китай, и, наконец, жертвуя собой, своим божественным авторитетом, внесла в империю буддизм, более обширную и высшую форму религиозного сознания, чем древнейшая религия японцев — синту (обожание духов предков). Кончив свою миссию и как будто истощенная ею, императорская династия впадала в бездельность, в апатию, и Япония, не задумываясь долго, создала себе новую форму правления. Это вышло нечто очень оригинальное: император, по-видимому, продолжал быть тем же императором; титулы и почести на словах и в книгах остались за ним, но власть перешла к более живым и сильным деятелям — сёогунам («сёогун» в буквальном переводе «генерал»). С этими, на свежей памяти и самопроизвольно поставленными своими властелинами, Япония уже не много церемонилась: сёогунских династий, менее чем в продолжении 700 лет (с 186 г. по Р. Хр.), у нее перебивало шесть, причем только те из сёогунов держались крепко и прочно, кто удовлетворял национальным потребностям.

Это ли деспотизм? И где же безответность и раболепство? Начните говорить с людьми разных сословий, спуститесь до крестьянина самого глухого околотка, и вы удивитесь здравому и вместе независимому образу мыслей народа о своем правительстве. Самый строгий образ правления был установлен последнею, низверженною в прошлом году сёогунскою династией: Япония была опутана сетью шпионов; самые суровые меры были приняты для устранения сношений с иностранцами; но первое относилось почти исключительно к обузданию удельных князей, второе (по понятию сёогунов, очень основательному 300 лет тому назад) предупреждало страну от завоевания ее иностранцами. Что же касается до народа, то он имел условий к сознанию своей гражданской свободы гораздо более, чем народы многих государств в Европе. И при всем том, как народ был недоволен существовавшим порядком вещей! Интересно было послушать, как купец него-

довал на такие и такие пошлости (правду сказать, вовсе не обременительные), как крестьянин роптал за взимание повинностей, по его мнению, очень тяжелых, как все презрительно отзывались о чиновниках («которые почти все даже взятки берут — такие они негодные!»), как весь вообще народ корил правительство за бедность страны, между тем как нищих почти не видно, а каждую ночь в любом городе улицы увеселительных домов стонут от музыки и пляски. Это ли восточное, безгласное раболепство пред властелинами?

Из сказанного уже отчасти видно, что японцы вовсе и не оступелый и не невежественный народ. Об образовании японцев, сравнительно с европейцами, можно сказать то же, что обыкновенно говорят относительно Америки, сравнивая ее с Германией. Здесь образование невысоко и неглубоко, зато оно разлито почти равномерно по всем слоям народа. Конфуций здесь «альфа и омега» ученой мудрости; зато он, будучи задолблен до последней буквы ученым японцем, небезызвестен и последнему простолюдину, который по нем, большею частью, учится читать и писать. Про другие страны мира до последнего десятилетия и самые ученые японцы почти ничего не знали; зато и в отдаленной деревушке вы не найдете такого невежду, который бы не знал, кто такой Иеритомо, Иосицуне, Кусуноки, Масасинге и прочие исторические деятели, или не сумел сказать, на Север или на Запад от него лежат Едо, Мияко и другие важные местности. Весной вы идете по улице и видите толпы ребятишек, пускающих змея; вас заинтересовала чудовищная рожа, намалеванная на змее; спросите у ребятишек, кто нарисован: они наперерыв друг перед другом спешат рассказать, что это Киёмори, или Такаудзи, или кто другой, и, будьте уверены, они расскажут историю удовлетворительно: мать или старший брат, готовя им змея, позаботилась в то же время ознакомить их с этими историческими лицами; а часто короткая повесть о них напечатана тут же, на обороте листа. Вот остановились на улице две девушки и рас-

сматривают картинки в книжке; одна из них хвастает своей подруге покупкой, которую только что сделала: это какой-нибудь исторический роман. Покупать книг здесь, впрочем, нет особенной надобности: здесь такое множество общественных библиотек и так баснословно дешево берут за чтение книг, причем даже не нужно трудиться ходить в библиотеки, потому что книги разносятся ежедневно по всем улицам и закоулкам. Полюбопытствуйте заглянуть в эти библиотеки, и вы увидите почти исключительно военно-исторические романы: таков вкус народа, воспитанный вековыми междуусобными смутами, и книги вы не найдете в девственной чистоте; напротив, они истрепаны так, что в ином месте и невозможно прочитать написанное: несомненный признак, что японский народ читает. Да, число грамотных и читающих в Японии не уступит количеству таковых в любом из западных государств Европы (о России я и не говорю!); и это несмотря на то, что самые простые японские книги писаны наполовину китайскими знаками. Ведь чтобы только овладеть процессом чтения их, нужно убить три-четыре года! И при всем том японцы прилежно учатся читать. Этот ли народ можно назвать отупелым?

Что же касается до гордости, самодовольства и неподвижности, то события последнего пятнадцатилетия служат наглядным доказательством того, что японцам чужды и эти качества в тех размерах, в каких мы приписываем их восточным народам. Правда, у японцев много национальной гордости, и они не могут не иметь ее: в продолжение 25 веков существования их империи, они ни разу не согнули своей шеи под чужое ярмо, ни разу даже переменчивый жребий войны не дал им случая усумниться в своем превосходстве пред другими нациями; напротив, всякий раз, когда они сталкивались с айнами, с Кореєю и даже с Китаем, они лишь торжествовали успехи своего оружия, и первые окончательно покорились им или ушли от них на Курильские острова, вторая целые века несла

им дань; самый Китай по временам заискивал и пресмыкался пред ними — словом, их история внешних сношений до последнего времени всегда неизменно оставалась лишь историей побед и торжества. Прибавьте к этому учение их национальной религии, остающейся и до сих пор и заверяющей их, что они произошли от богов, что Япония — вечная любимица богов, что прочие страны — что-то вроде пустырей, созданных богами как бы случайно и потом заброшенных без всякого внимания. Удивительно ли, что японцы до последнего времени смотрели на иноземцев как на варваров, не очень высоко ценили их силы и даже строили планы подчинения себе всего света? Но, увы! Даже в те времена самодовольства и гордости, в параллель к партии, слишком высоко мечтавшей об Японии, находилась партия, совершенно противоположная ей. Напуганным католическими пропагандистами в XVII столетии японцам глубоко запала в душу мысль, что европейцы непременно имеют намерение завоевать их страну, и в каждом китобое, случайно появлявшемся у их берегов, им беспрестанно мерещился шпион, подглядывающий, что делается у них. А сколько тревоги наделали когда-то наши Хвостов и Давыдов? Как Япония зашевелилась и стала вооружаться! Какую громкую славу приобрели себе здесь эти два немного взбалмошные лейтенанта и какой ужас навели на всех, начиная от Кунашира до Киусиу! И как они подняли кредит России в глазах японцев! И Англия очутилась одною из русских губерний, и весь свет предпринял завоевать царь наш заодно с турецким султаном! Наконец, чему я не хотел верить, пока сам не прочитал в очень серьезной японской книге, были японцы, до того боявшиеся иностранцев, что предлагали проект: провести по всем побережьям Японии каналы, чтоб избежать плаванья по морю, где ходят иностранные суда; и правительство уже приступало к исполнению этого проекта, по крайней мере, посылало инженеров осматривать места, удобные для проведения каналов. Это ли гордость и самонадеянность?

А что говорят события последнего времени? Едва прошло 15 лет с открытия Японии, и посмотрите, как изменился дух и правительства, и народа. Не говоря уже о правительстве, почти каждый удельный князь выбивается из сил, чтобы завести у себя пароход, достать европейское военное оружие, обучить солдат европейской военной тактике, приобрести молодых людей, сведущих в европейских языках и науках. Как встрепенулся народ, как все ясно увидели свою отсталость и как искренно и энергично стараются поправить дело! Как все хотят видеть, знать, изучить европейское! Живущие в Японии знают, с каким самоотвержением молодые люди добиваются случая попасть за границу. Без преувеличения можно сказать, что если бы была материальная возможность, пол-Японии уехало бы за границу учиться. Похоже ли все это на Китай, который целые столетия знаком с европейцами и при всем том до сих пор воображает, что не ему следует учиться от европейцев, а напротив, европейцы приезжают позаимствоваться от него светом мудрости? Когда-то Япония со всею готовностью и охотою приняла китайскую цивилизацию; 16 веков она неизменно была под ферулою этой цивилизации и проникнулась ею, по-видимому, до мозга костей: везде, начиная от постройки дома до религиозных убеждений, везде и во всем копировка Китая; своего собственного японцы не изобрели ровно ничего, кроме разве сёгунского звания, и то оправдываемого ими на основании подходящих примеров из китайской истории; даже под сомнением — их синту не есть ли тоже заимствование древнейшей китайской религии.

Все это, если хотите, доказывает мелкость японского народного гения (а быть может, и то, что гений народа вообще не может развиваться без взаимодействия других народов); но, вместе с тем, дает случай убедиться, что японцы одарены удивительною упругостью духа. Весь наплыв китайской цивилизации был как будто чем-то, допущенным по уговору на время: теперь она не нужна, и японцы легко и свободно бросают

ее, как сбрасывают устарелое платье, и смелою, можно сказать, дерзкою рукою хватаются за все европейское. Взгляните, что делается в настоящую минуту: они не более и не менее, как трудятся пересадить на свою почву английскую конституцию, с ее выборными, с ее парламентом, с ее, лишь для мебели, королевскою властью; да говорят, и того еще мало: «Хотели-де ввести американский образ правления, да не могли справиться с ним, немного раненко для страны». Конечно, еще сомнительно, вовремя ли им и английская конституция; их возня с нею что-то очень напоминает мартышку и очки: в одно полугодие прошлого года они уж успели два раза редактировать свою конституцию, не считая разных подскребок и подчисток, встречающихся в официальных газетах. Но я хочу указать лишь на то, как японцы живы и свежи духом и как быстро они откликнулись на призыв европейской цивилизации.

Какая же у этого народа религия и как он относится к ней? Японский народ, наравне с китайским, справедливо укоряют в атеизме или в индифферентности к делам веры. Но что за причина этих качеств, по-видимому, совершенно несвойственных народам полуобразованным? Тот ли это атеизм, что по временам охватывает и европейское общество, приводя в смущение благочестивые души и возбуждая горячую деятельность апологетов веры? Нет, совершенно другой. В Европе атеизм всегда служит характеристическим указателем успеха в науках, поднятия умов на высшую ступень развития. Первые, поставившие ногу на эту ступень, в порывах безотчетной радости, венчающей успех, провозглашают на все лады торжество ума человеческого, его всемогущество, его высшую авторитетность, не хотят оглянуться ни на что другое, хладнокровно взвесить свою находку и указать ей приличное место в кругу знаний человеческих. Толпа сбегается на зов этих глашатаев и вторит им, часто не понимая, в чем дело. Но вот на ту же ступень взошли и люди более хладнокровные, ступили туда, наконец, хранители и истолкователи богооткровенной

истины, рассмотрели, в чем дело, сличили новое открытие с учением веры, и (к удивлению массы) это открытие оказалось не только не противоречащим вере, но подтверждающим ее истинность: принимают народы плод науки в круг своих знаний, еще крепче привязываются душою к своей неизменной спасительной истине и продолжают свой путь, и целые века будут идти они. Много раз слабодушные будут иметь случай преткаться на этом пути, но не исчерпают народы безбрежного океана божественной мудрости, не возвысится, не покичится человеческое знание над истинами религии и не истощит человеческая нравственность ее идеалов святости.

Не то в языческих странах вообще, не то и в Японии. Здесь атеизм высших обществ и индифферентизм низших происходят прямо и положительно от недостаточности религиозных учений, оттого, что народ исчерпал их до дна, и они больше не удовлетворяют его. Вот синту. Что это за религия? Поклонение духам предков, начиная с самых первых богов в мире. Что же это за боги? Видны в них могущество, мудрость, величие и т. под. качества? Ни одного; это просто слабые смертные, даже без тех чувственно-привлекательных качеств, которыми боги Греции когда-то вдохновляли поэтов и художников к созданию неподражаемых образцов классического искусства. Если японские боги иногда творят, то этот акт совершенно не вяжется с другими их действиями, обличающими в них образцовое тупоумие.

Самый первый бог явился в мире случайно, уже после того, как хаос разделился и образовал небо и землю; о действиях этого бога и следовавших за ним пяти поколений неизвестно ровно ничего. Уже боги седьмого поколения начали творить. «Внизу, должно быть, есть земля», — сказал Изанаги, стоя вместе с богиней Изанами на небесном мосту, и он погрузил небесный жезл вниз. С поднятого жезла канула капля и образовала остров. Изанаги и Изанами сошли на него и стали обходить кругом; он — в одну сторону, она — в другую. Когда

сошлись, она первая сказала приветствие; Изанаги рассердился за непочтительность, так как ему должно было принадлежать первое слово, и боги обошли остров снова. На этот раз Изанами придержала язык. После первых объяснений оказалось, что они могут быть мужем и женою; но как? К счастью, откуда-то взялась очень живая птичка, известная в России под именем синицы, села перед ними и своими движениями научила их супружеству. Тогда они стали рождать японские острова. Первороденным они были недовольны, так как он оказался весьма небольшим (Авадзи); они родили побольше и так далее; наконец, родили горы, леса, моря и животных. Из всех их детей Аматерасу оказалась самой красивой, и они послали ее управлять небом: это богиня солнца. Но их сын Сосано, к неудовольствию родителей, оказался совершенным грубияном и забиякой; бить, сокрушать, приводить в слезы было его любимым занятием; родители за это послали его в ад. Пред отходом туда Сосано попросился сходить на небо, повидаться с своей старшей сестрой. Сестра испугалась его прихода, думая, что он замыслил отнять у нее владения, и встретила его, вооруженная с ног до головы. Но Сосано успел уверить ее в невинности своих намерений и оставлен был погостить. Ему, однако, не терпелось без проказ: то он вытопчет рисовые поля сестры, загнавши на них лошадей; то, подкравшись к окну, у которого она сидит за ткацким станком, нечаянно испугает ее до того, что она до крови уколает себе руку челноком. Наконец, он решительно вывел ее из терпения, когда сделал одно крупное неприличие в ее парадной комнате, в которой она приготовилась праздновать осенний урожай; без малейшей опаски она вошла и села, но — о ужас! — запах пренесносный, и новое платье все испачкано! Огорченная до глубины души, богиня солнца ушла в пещеру и затворилась навсегда. Можно себе представить, что случилось с несчастным миром: все погрузилось в мрак, ни дня, ни ночи, все бродят ошупью. Боги думали было, что Аматерасу посердится и выйдет; не тут-то

было! Она не на шутку рассердилась. Боги были неглупы, знали, чем выманить свою любимицу: они собрались у входа пещеры, насадили зеленые деревья и увешали их разными прелестями, заманчивыми для женского глаза, как то: зеркалом, ожерельями; тут же посадили петуха, заставили его петь, а сами ударили плясовую. Не вытерпела богиня, отодвинула камень, чтоб взглянуть в отверстие; но в ту же минуту ее рука очутилась в сильных дланях бога силы, который заранее поставлен был на страже у входа. Как ни упиралась богиня, но была вытащена; тут ее окружили соломенной веревкой и пристали с просьбой: «Не уходи, не уходи опять», — и тут же обещались примерно наказать негодяя Сосано. Аматерасу не заставила себя долго упрашивать, и вот мир до сих пор наслаждается солнечным светом. А Сосано пришлось плохо: ему скрутили руки назад, выщипали его длинную бороду и сбросили с неба. Он, впрочем, не потерялся и на земле. Он упал в теперешнюю провинцию Идзумо, здесь набрел на плачущих старика и старуху; при вопросе, о чем плачут, они объяснили, что семиголовый змей переел всех их детей, теперь очередь за последней дочерью. Сосано обещался убить змея, если они потом отдадут за него дочь; старики с радостью согласились. Тогда Сосано велел построить семь шалашей и в каждый поставить по бочке вина, а сам спрятался и стал ждать. Змей пришел, ощутил запах вина, вложил в каждый шалаш по голове и натянулся допьяна, так что заснул. Тогда Сосано изрубил его в куски; когда рубил хвост, его сабля вызубрилась; он осмотрел хвост внимательно и нашел в нем меч, который и препроводил в подарок сестре Аматерасу. Затем женился, построил домишко и стал жить-поживать, даже сложил песенку про свое веселое житье, известную и доныне. В Идзумо он пользуется особенно усердным почитанием. А Аматерасу продолжала жить по-своему. Воспитав сына Сосано и усыновив его, она хотела было отправить его на землю, но этот отказался, предоставив свои права сыну Ниниги. Аматерасу и послала

Ниниги в Японию, отдав ему эту страну в потомственное владение. С ним она отправила большую свиту, наказав ей хранить господина и верно служить ему; вручила также внуку при прощанье зеркало, меч и осьмигранный драгоценный камень как знаки его достоинства.

Ниниги сошел на землю, заблудился было здесь, но, по счастью, встретившийся без путей Сарудахико проводил его в Хиунга (на острове Киусиу), где он и поселился. Его дети Хоносусо и Хохадеми разделили между собою занятия: первый удил рыбу, второй охотился за зверями, и каждый из них был очень счастлив в своей ловле. Однажды они для пробы поменялись орудиями охоты; но Хоносусо ничего не достал в горах и возвратил лук и стрелы брату; а Хоходеми не только не поймал на рыбной ловле, но и уду потерял. В вознаграждение он сделал брату новую уду, но тот ничего не хотел вместо своей прежней и настойчиво требовал ее. Хоходеми, в горести бродя по берегу моря, встретился с одним стариком, который, узнав причину его печали, сделал короб и в нем спустил Хоходеми на дно морское. Здесь Хоходеми нашел великолепный дворец морского бога, который хорошо принял его и женил на своей дочери. Чтоб найти удочку, собраны были рыбы; у одной замечен был рот пораненным, и удочка оказалась у нее. Три года прожил здесь Хоходеми и когда наконец захотел отправиться на землю, морской бог снабдил его на всякий случай двумя шариками, имевшими свойство, когда бросить тот или другой в море, возвышать или уменьшать прилив. Возвратясь на землю, Хоходеми, при помощи этих шариков, одолел старшего брата, закрепил за собою власть и стал мирно царствовать. При рождении сына он лишился своей жены. Тоётоми, почувствовав приближение родов, сказала мужу: «Я беременна; выбрав бурный день, построй мне на берегу родильный шалаш и ожидай». Входя в приготовленный шалаш, Тоётоми запретила мужу идти за нею; но Хоходеми, пострекаемый любопытством, пробрался к шалашу и стал подсматри-

вать. Он увидел лежащего свернутым дракона, обхватившего ребенка. Заметив, что за ним подсмотрели, дракон быстро ушел в море. Так как шалаш еще не успели покрыть, когда Тоётоми пришло время родить, то новорожденный назван был Фуки-аваседзу (непокрытый). От Аматерасу до него включительно пять поколений: это и есть так называемые поколения земных богов. Вот нить главных событий синтуисской космогонии.

Но генеалогия богов этим далеко не оканчивается, а, скорее, только здесь начинается. К семи поколениям небесных богов японцы почти не обращаются; земных богов, за исключением высокочтимой Аматерасу, тоже редко утруждают молитвами: эти области очень высоки и неподходящи для обыденного богопочитания. При всем том Япония полна богами¹. Откуда же они? Очевидно откуда. С сыном Фуки-аваседзу, Дзинму (первым в ряду микадо), начинается достоверная история Японии. Дзинму перешел с Киусиу на Ниппон, которым тогда владели айны, дрался с этими последними, был на первый раз оттеснен ими, потом успел отнять у них значительную часть территории и утвердился на Ниппоне. Всё это действия очень обычные для простых смертных завоевателей; но в то же время Дзинму был сын бога, потомок Аматерасу и чрез нее небесных богов; очевидно, что он и сам бог. За ним в той же степени боги — все его преемники, до нынешнего микадо, о котором, если японцы выражаются, что «только пожелай он, небесный огонь сейчас же падет и поглотит всех иностранцев», то имеют полное право так выражаться. И вот, следовательно, ряд богов, уже более доступных для каждого, потому что эти боги более знакомы с земными делами. Из ряда императоров-микадо ознаменовавшие себя чем-либо особен-

¹ В числе японских богов был и наш доблестный Иван Семенович Уньковский. Перед его портретом ставились чашечки с рисом, производились возлияния и пр. — П. Б.

но полезным для отечества, чтутся с особенным усердием. Например, Хациман.

Кто же такой Хациман, которому такое множество храмов в Японии и в честь которого делаются такие великолепные военные процессии? Это бывший микадо Воодзин. Вы разворачиваете историю, прочитываете про Воодзина и, правду говоря, не находите ничего особенного: был из очень обыкновенных микадо. Но вы забыли главное; загляните в историю предшествовавшего микадо: это была мать Воодзина, Дзингу, завоевавшая Корею; а завоевала-то собственно не она, а Воодзин, которым она была беременна в ту пору. Всякому известно, как это было. Императрице совсем уж приходило время родить, когда она собиралась в Корею, но она взяла на берегу простой камешек, заткнула его за пояс и сказала: «Да не родится дитя, пока я с победою не вернусь в отечество», — и дитя не родилось, оно только переместилось на более удобную, по его мнению, квартиру. Дзингу во время похода была вооружена; между прочим, один из рукавов ее платья замечали постоянно наполненным чем-то; все думали, что там у нее нужные в походе вещи (ремешки, веревочки и под.), но все ошибались: там и был Воодзин, только не в рукаве, а в руке. Итак, не великая ли услуга отечеству и вместе не дивная ли сила божественная — завоевать государство, будучи еще в теле матернем? Понятно после этого, отчего Хацимана так усердно чтут военные, считающие его, по преимуществу, своим богом. Предки микадо — боги и самого микадо, и всего народа вообще.

Но с неба, вместе с Ниниги, пришло много великих мужей; их потомки живут и доселе и чтут их как своих фамильных богов; деяния тех мужей принесли пользу всему отечеству, поэтому и весь народ, за исключением самого микадо, обязан чтить их и чтить. Наконец, весь японский народ, если разобрать его родословную, — божественного происхождения: все в конце концов происходит от Изанаги и Изанами,

поэтому все — боги, и каждый человек обязан чтить своих предков как богов, молить их о покровительстве, приносить им жертвы; степень богопочтения к предкам обуславливается для каждого домашнее счастье или несчастье. Входя в японский дом и любопытствуя взглянуть на божницу, вы всегда найдете бумажку с именами и жертвы перед нею; на вопрос о значении бумажки, вы узнаете, что на ней имена домашних пенатов. Иногда тут же стоит безобразный, закопченный идол: то непременно предок, чем-нибудь особенно хорошим ознаменовавший себя для рода. Часто этот предок заинтересует вас своим карикатурным, уморительным видом; вам хотелось бы приобрести его для коллекции редкостей: не стесняйтесь, предложите цену подороже, чем за обыкновенную куклу, вам продадут его. Чем ниже общественное положение человека, тем больше у него богов, потому что, кроме своих пенатов, он чтит знаменитых предков людей высших сословий; наоборот же не бывает. Для императора было бы постыдно воздавать поклонение предкам какой-нибудь другой фамилии, какими бы заслугами они ни были ознаменованы; некоторые императоры, правда, унижали себя до этого, но это всегда считалось скандалом и возбуждало народное осуждение. Для членов знатной фамилии, напим., Фудзивара, Минамото, Такра, было бы постыдно чтить богов какого-нибудь купца. Но есть боги и из низких сословий, чтимые всем народом: это люди, ознаменовавшие себя особенно великими заслугами, напим., Хидеёси. Есть также множество местных богов, возникших из невысокого звания; напим., такой-то открыл в горе золотую руду и потрудился для разработки ее; натурально, что и по смерти он покровительствует этой горе и работающим за ней; местные рудокопы строят ему храм и приносят жертвы; от рудокопов мало-помалу почитание переходит в народ, и вся местность незаметно приобретает нового бога-протектора. Это делается особенно легко и скоро, если бог заявит себя каким-нибудь чудом; а мало ли средств чудодейства? Присниться

кому во сне и сказать нравственную максиму или пропеть стишок, блеснуть под вечер синим огоньком в окрестности, окликнуть кого нечаянно в уединенном месте, прошуметь странным звуком между деревьями, когда нет ветру: бог может быть уверен, что все это примется в должном смысле, быстрою молвою пройдет в народе, и слава его упрочится.

Наконец, чествуются и боги зловердные, для того чтобы умолить их не делать зла. Наприм., в эпоху, предшествовавшую возникновению сёгоунов, когда придворные сановники завели прекрасный обычай играть особыми микадо, как пешками, употребляя для удобства в игре микадо-малолетков, или и взрослых, но слишком явно тупоумных, был один микадо по имени Сютоку: пока он был ребенком, он царствовал, но лишь только достиг совершеннолетия, его убрали с престола. Сютоку был строптив: он поднял бунт, привел в смятение столицу и окрестности; но он не был настолько талантлив, чтобы одолеть врагов: его разбили, взяли в плен и заточили. Спокаялся бедный в своем неповиновении, в знак раскаяния переписал один молитвенник вместо туши собственной кровью и послал его в столицу; но ему с презрением отослали этот дар обратно. Тогда он, исполненный отчаяния и неописанной злобы, изрек: «Молю богов, чтоб мне переродиться дьяволом, на мучение Японии»; со скрежетом зубов, с насупленными бровями, из-под которых сверкали самые зловещие молнии, с отросшими волосами, в лохмотьях; он бродил с этого времени одинокий по дебрям и, наконец, умер в таком состоянии духа. Смерть его не замедлила обнаружиться для Японии самыми бедственными ударами: бунты, голод, наводнения — все свидетельствовало, что Сютоку начал свой страшный расчет с отечеством. Очевидно, что ему немедленно должны были построить храм, учредить богослужение, и едва только этим успели унять его свирепость.

Между самими богами существует субординация, так что есть боги начальствующие, есть боги служащие у других на

посылках и побегушках. У некоторых богов служат исполнителями их воли те или другие животные, так что если бог сердит на кого-нибудь, то насылает на него своих посланцев, обезьян, оленей и т. д., которые у наказуемого разрушают дом, портят сад, опустошают поле.

Вот сущность синту. Очевидно, что эта религия может принадлежать лишь очень грубому и невежественному народу, народу, стоящему на той степени умственного развития, когда он, побуждаемый присущим человеку религиозным чувством, ищет предмета поклонения, но не в состоянии возвыситься своим умом над окружающим миром и готов воздать божеские почести всему, что его поразит и возбудит его удивление; в нем умственного сознания пробудилось лишь настолько, что он не кланяется первой попавшейся на глаза старой ели или причудливой формы камню; он безотчетно понял существование другого мира, духовного, и превосходство этого мира над материальным; но дух поразил его лишь в частных, близких к нему явлениях, и он падает и преклоняется пред ними, а себя самого и всю природу ставит в зависимость от них.

Неудивительно, поэтому, что синту не оказал почти никакого сопротивления буддизму, при переходе сего последнего в Японию. Японцы в то время завоевали Корею (в 200 г. по Р. Хр.) и познакомились с Китаем; чрез эти столкновения умственный горизонт их невольно расширился, и синту оказался неудовлетворяющим более религиозным потребностям народа. И каким высоким учением здесь должен был показаться на первый раз буддизм, эта лучшая из языческих религий, геркулесовы столпы человеческих усилий составить себе религию, руководствуясь теми темными остатками богооткровенных истин, которые сохранились у народов после рассеяния Вавилонского! Синту почти без ропота и сопротивления уступил свое место новой религии, и, не будь особого обстоятельства, его и следов до сих пор не было бы в Японии. Это обстоятель-

ство заключается в гибкости буддизма и способности его при-
норавливаться к обычаям страны, куда он является; а все это вы-
текает из его основного догмата — перерождения. «Клянусь,
что буду рождаться в разных невежественных странах, для
привлечения их к спасению», — клялись Будды и Бодисатвы.
Итак, Аматарасу была тот же Будда, Хациман — тот же Будда,
все японские боги — Будды и Бодисатвы, рождавшиеся, при-
менительно к умственному и нравственному состоянию япон-
ского народа, совершенно в других видах, чем в Индии, рож-
давшиеся для того, чтобы «завязать связь с народом» и чрез
то приготовить его к восприятию истинного учения Будды.
«Связь» (ин-ень) тоже есть основное учение буддизма; не за-
вязавши связи, Будда не спасает никого, а чтобы завязать ее,
он может рождаться во всевозможных видах. Таким образом
буддизм нарек японским богам свои имена, под этими имена-
ми принял их даже в свои храмы и зажил роскошно в Японии.
Но синту от этой снисходительности и покровительства при-
ходилось нелегко. Он конфузился пред своим щеголеватым
соседом, пред его высокоумием, пред пышностью его храмов,
пред обилием его молитвенников; и вот он начал из кожи
лезть, чтоб поправиться: построил себе храмы наподобие буд-
дийских, сочинил великолепные церемонии, живописные ко-
стюмы; но самое главное — принялся толковать свое учение
на всевозможные лады. Если в буддизме поражают вас иногда
толстые молитвенники, наполненные не чем иным, как похва-
лами заглавию этих же самых молитвенников, то у синтуис-
ских экзегетов вы найдете целые томы толкований на отрыв-
ки из древней японской истории, толкований, где каждый
слог, каждая буква исторического текста дали случай к сплете-
нию самых хитрых и невероятных аллегорий. Но увы! — по
этому скользкому пути с своей легкой ношей синтуисские эк-
зегеты не замедлили спуститься до полнейшего отрицания
всего. Самое отъявленное безверие было результатом их пыт-
ливости. «Был довременный хаос; в нем случайно зародились

искра огня и капля воды; от взаимодействия этих двух элементов хаос сгустился и принял шаровидные формы; от припёка огнеобильного шара (солнца) на водообильный (землю) в последнем, когда он был еще в состоянии грязи, зародились разные живые существа; человек, как самое высшее существо, образовался в лучшем из болот, т. е. более мягком и обильном грязью». Вот сущность учения японских материалистов, смею уверить, ни в логике, ни в силе аргументов ничем не уступающих европейским. Синту, по-видимому, должно бы было не поздоровиться от этих дружески-медвежьих услуг, но — ничуть не бывало. Дело в том, что, во-первых, нельзя встретить ни одного экзегета, который бы, при решительном отрицании всего содержания синту, тем не менее не направлялся к поддержанию его и к сплетению ему самых выпренных похвал. Факт, с первого взгляда, странный, но, в сущности, весьма простой и естественный: синту из религии обратился у экзегетов в национальное, чисто гражданское учреждение; всем мельчайшим подробностям его приписано самое высокое значение для поддержания народного духа, для развития гражданских добродетелей и утверждения могущества Японии на веки вечные. В этих видах превозносятся похвалами предки, выдумавшие такое мудрое учреждение и, в конце концов, синту рекомендуется для вечного хранения и последования. Во-вторых, те же самые приверженцы синту рассмотрели хорошо и буддизм и нашли в нем Ахиллесову пяту, и не одну; с тою же разрушающей критикой они обратились и к нему, но уже не для поддержания, а для разрушения и поругания его, как иноземного учреждения, зловредного для Японии. Все буддийские чудовищные чудеса, все его безобразные легенды, его скучнейший рай и ни с чем не сообразный ад, все это подвергнуто насмешке и отрицанию, и, таким образом, для буддизма сделалось наконец и невозможным, хотя бы он желал того, окончательно подавить и уничтожить своего противника. В таком виде синту существует и теперь, т. е. по наружности — как буд-

то религия, облеченная во все внешние атрибуты религии; но, в сущности, для рационалистов, — как народная школа добродетелей. Эти рационалисты в то же время хотят, чтобы народ верил в синту, как в религию, но народ настолько же верит, насколько они сами; а вдобавок, не возвысившись до заносчивых тенденций рационалистов, не видит в нем и школы, и вышеприведенное выражение: «Пожелай микадо, и небесный огонь поглотит всех иностранцев», — в устах японца имеет самый иронический смысл.

Буддизм, возникший на почве Индии как противодействие браминской кастальности и угнетению низших классов высшими, был в этом отношении проповедью духовного равенства и любви в языческом мире. С другой стороны, как проповедь человека, из наследника престола сделавшегося нищим, он натурально явился проповедью суетности всего земного, нестяжательности и нищенства. Эти две характеристические черты, с которыми буддизм явился в устах первого своего проповедника, обеспечили для него будущие успехи: первая влекла к нему сочувствие народных масс, вторая доставила ему множество способных приверженцев и деятелей. В дальнейшем развитии эти черты приняли другой вид и доведены до крайности и нелепостей. Существовавшее в темном предании между индийцами понятие о имеющем явиться на земле любвеобильном Искупителе рода человеческого малопомалу отнесено было к самому Шакьямуни: в его лице буддисты нашли своего богочеловека, сшедшего с неба и воплотившегося для научения людей. Но так как буддизм явился на почве браминского пантеизма и сам оказался бессильным от решиться от него, то и в Будде индийская фантазия не могла выработать единоличного владыку мира. Он, правда, является с чертами, свойственными Богу, но, вместе с тем, таких, как Будда, бесконечное множество, и каждый из них дошел до этого блаженного состояния своими заслугами; каждому человеку, в его очередь, также предстоит, рядом множества града-

ций, выродиться в Будду. Эта лестница, идущая от человека вверх, ведет к состоянию Будды. Но почему же не продолжать ее и вниз? И вот, при склонности к пантеистическому воззрению на мир, при непонимании природы и ее отношений к человеку и при бессознательном, свойственном человеку страдании к низшим существам, окончательно определяется идея метампсихозы. Весь животный мир, по существу, отождествляется с Буддой; мало того, лестница простирается еще ниже: изобретаются разных степеней ады, населяются живыми существами и тоже ставятся в связь с Буддой. Дурной человек, в наказание за свои грехи, рождается животным или посылается в ад; спустя известное время, положенное для очищения грехов первого рождения, он снова рождается человеком и, если живет на этот раз добродетельно, то, по смерти, может опять родиться на земле уже царем или другим великим лицом; если опять ведет себя хорошо, то идет в рай, откуда вновь может прийти *на землю Боддисатвой* или Буддой. Таким образом небесный, земной и преисподний мир делается огромной лабораторией, в которой бесчисленные роды существ кишат, рождаются, перерождаются и, в конце концов, все делается Буддами. Так далеко зашли последователи Шакьямуни, развивая его простую первоначальную идею любви и равенства.

В развитии другой, столь же простой и естественной идеи нестяжательности, они тоже не замедлили прийти к самым крайним и неожиданным выводам. Труд и везде — наказание Божие за прародительский грех; особенно же труд тяжел на Востоке: там склонность к стяжанию не мучит человека; было бы чем утолить голод и жажду, а затем нет больше наслаждения, как лежать или сидеть под тенистым деревом, предоставив течение мыслей воле фантазии. Но мысли тоже могут иногда или причинять огорчение, или волновать; поэтому еще лучше, если они как бы останавливаются и замирают в своем течении, или, одним словом, человек погружается

в бесчувствие, в бессознательность; тогда он погружается в ничто, но в этом ничто, вместе с тем, — целостное существование человека. Такое бессознательно-спокойное состояние называется созерцанием; ему приписываются высокие качества непосредственного ведения всего и сила управлять всем, так как в этом состоянии, будто бы, человек, отрешась от себя, сливается в одном со всем, а тогда он может и владеть тем, с чем слит. Это состояние поставляется целью всех и всего; Будды потому и Будды, что достигли возможности во всякое данное время погрузиться в это состояние, и оно считается их высочайшим блаженством. Мимоходом, на пути развития этих главных своих начал, буддизм сочинил для своих последователей правила нравственности, поражающие иногда своею чистотою и строгостию, иногда своею чудовищностию; сочинил также чудовищные и самые невероятные легенды и чудеса. Все это, взятое вместе, облеклось в огромную литературу и в правильное религиозное общество, с своим богослужением, с своими храмами, монастырями, наконец, с своими искусствами, живописью, скульптурою и архитектурою. Все это, в период гонения на буддизм в Индии, хлынуло на Север и затопило Китай и корейские государства, откуда не замедлило перейти в Японию.

Мы уже видели, что синту без сопротивления отступил на первый раз перед новою верою, и японцы с радостью приняли ее. Да и могло ли быть иначе? Вместо слабых, сомнительного авторитета богов, буддизм представлял для поклонения высочайшее существо, сошедшее на землю для спасения людей; грубым, почти неоформленным понятиям нравственности буддизм противопоставил свою тончайшую казуистику; пред такими же грубыми формами наружного богопочитания буддизм щегольнул великолепием своей богослужебной обстановки; устным преданиям синту противопоставил буддизм свою широкую литературу, тогда уже переведенную на китайский язык. Последнее обстоятельство имело двойную выгоду

для буддизма в Японии: с одной стороны, оно убеждало японцев к принятию буддизма примером Китая, пред цивилизацией которой тогда преклонялись японцы; с другой, оно пресекало для японцев всякую возможность скептического исследования обстоятельств происхождения самого буддизма, так как китайские буддисты переводили на свой язык, натурально, лишь то, что служило буддизму, а не против него. Буддизм, однако, не вполне пришелся по духу японцев. Это обнаружилось скоро же по введении его, когда японцы начали развивать его по-своему, выдумывая одна за другою секты, что, очевидно, обнаружило стремление выработать учение, согласное с коренными свойствами народа. В этой работе японцы не останавливались ни пред какими затруднениями и дошли, наконец, до совершенных противоречий друг другу. Многие секты и в Японии уже забыты. Я укажу из существующих на более важные.

Вот *зенсиу*. Как секта, перешедшая из Китая, она любит хвалиться своим православием, своею неиспорченностью. Очень странная претензия; все, чем *зенсиу* может похвалиться, это разве древность. Секта эта, очевидно, есть порождение переходной эпохи в буддизме, когда простота первоначального учения Шакьямуни была уже утрачена, но окончательно буддизм еще не определился, еще не выяснилась личность Будды, как не только учителя, но и деятельного помощника людей в созидании спасения. *Зенсиу* составляет проповедь самоумерщвления, в видах достижения способности созерцать; но этот акт приурочен к тому состоянию Будды, когда он сам еще не был Буддой, а только упражнялся в подвиге самоумерщвления; таким образом, здесь человек берет на себя своими силами, по примеру лишь Будды, а не при содействии его, достигнуть верховного блаженства. В практическом применении суть этой секты — *зазен*, сидение, по примеру Будды, в известном положении, для упражнения в самозабвении и приобретения способности созерцать; чтобы содержать себя во все-

гдашней готовности к этому подвигу, сектанты ограждены самыми строгими предписаниями касательно пищи и внешнего поведения; дисциплинарная сторона здесь развита до мельчайших тонкостей. По теории все недурно. Но как на деле? Может ли народ предаваться зазёну? Это немыслимо. Займись Япония зазёном неделю, в другую она умрет с голоду. Соблюдается ли зазён хоть в монастырях? Говорят, будто есть такие монастыри, где назначается в году несколько недель или дней для зазёна; в это время монахи, ежедневно по несколько часов, сидят, собравшись в одной комнате, и предаются созерцанию, причем, так как под тяжестью блаженных ощущений головы монахов, особенно молодых, начинают клониться, то игумен с одним орудиём, очень чувствительным для бритой головы и плеч, беспрестанно ходит между ними и вызывает созерцателей к действительности. И на эту ничтожную формальность сведено все учение зенсиу. При всем том это одна из самых распространенных сект в Японии!

Монтосиу, другая весьма распространенная секта, обязана своим происхождением Японии и составляет совершенное противоречие зенсиу. Монтосиу отбросила весь буддийский аскетизм и ухватилась лишь за идею любви Будды к миру. Здесь о самоумерщвлении и помину нет: сами бонзы женятся, едят мясо и все что угодно. Все подвиги человека представляются ничтожными; для спасения требуется лишь вера в Будду; будь человек неслыханнейшим злодеем, но скажи только раз: «Наму-Амида-Буцу» (поклоняюсь Будде Амиде), — и он спасен. Учение о любвеобилии Будды, о готовности его спасти человека по первому призыву, о недостаточности собственных сил человека для спасения и о благодати (тарики) невольно изумляет; слушая в храме иную проповедь, можно забыть и подумать, что слышишь христианского проповедника. Уж не от христиан ли заимствовано это учение; при исследовании же оказывается, что оно решительно самобытное в Японии и составляет лишь развитие идеи об искупительной миссии

Будды. Но, при этом возвышенном учении о любви Будды к миру, сам Будда нисколько не изменяется: он остается тем же мифически безобразным и невероятным лицом. Оттого-то монтосиу, с своим высоким учением о благодати, принесла Японии гораздо больше зла, чем все другие секты. Допустив семейное состояние бонз, эта секта тем самым разрешила им все материальные заботы и поставила их наравне с мирскими людьми. Это, по-видимому, неважно; при возникновении секты всем даже представлялась лучшая сторона ее именно в этом, так как здесь устранялась зазорность поведения бонз всех других сект; но никто не предложил вопроса: что будет, если бонзы монтосиу выступят на поле деятельности во имя освященных сектою и народным сознанием материальных интересов, но с неверием в душе ни во что? Никто не подумал, как страшна в устах бонз может быть фраза: «Сколько ни греша, скажи только: „Наму-Амида-Буцу“, и все прощено». Действительно, в период долгой неурядицы, бывшей пред династией Токугава, бонзы монтосиу двигали целыми армиями и притом под собственным флагом; «шаг вперед — в рай, шаг назад — в ад», — кричали они своим войскам и производили страшные битвы, страшные грабительства и опустошения; сами не веруя ни во что, но двигая невежественными массами увлеченных фанатиков, они грозились ниспровергнуть все государство. Только Нобунага мог унять их, и то какими средствами! Раз две шлюпки были наполнены отрезанными ушами и носами у побежденной их армии и отправлены в их главную квартиру, а когда взята была и она, то 200 тысяч бонз и их защитников сожжено разом!

Вот еще секта, *хоккесиу*, тоже получившая начало в Японии. Эта составляет дань хвалы и удивления японцев одному молитвеннику, по имени мёохоренгекё, тому самому молитвеннику, в котором Будда, собираясь умирать, объявил торжественно, что «все, чему он прежде учил, все это ложь, что он старался лишь красивым сплетением обманов привлечь к себе

людей, как завлекают детей игрушками, что истинно только то, что он скажет теперь, а теперь он скажет вот что: „Все люди сделаются Буддами“; „что это учение до того важно, что стоит только назвать имя молитвенника, в котором оно изложено, и человек спасен“». Молитвенник наполнен самыми нелепыми чудесами, вроде следующего. К Будде, когда он преподавал это учение, прилетели с неба, в своих великолепных дворцах, два другие Будды, давшие клятву всегда слетать на землю для слушания учения, к изложению которого теперь приступил живой Будда. Сидят они рядышком, и живой Будда проповедует. Когда он высказался, ученики, естественно, были ошеломлены и казались неверившими. Вот трое Будд, для подтверждения истины, высунули языки, которые оказались до того длинными, что пронизали 10 тысяч мировых сфер; в таком положении они просидели перед учениками 10 тысяч лет; затем втянули языки обратно и крикнули все разом, отчего потряслись все миры; в заключение щелкнули пальцами, отчего также потряслись все миры. Могли ли после этого сомневаться слушатели и можно ли обожать книгу, учение которой засвидетельствовано такими чудесами?

И каждая из сект опирается на незыблемом для буддиста основании: каждая имеет свои символические книги в каноне священной буддийской литературы. Эта литература так обширна и разнообразна, что в ней есть книги совершенно противоположные одна другой, или даже прямо отвергающие истинность учения других книг, как только что упомянутый молитвенник мёохоренгекё. Это как нельзя лучше обличает происхождение буддийской литературы от многочисленных авторов, часто враждебных друг другу; но каждый автор, стараясь придать вес своему произведению, озабочился приписать его Будде, так что по наружности все и вышло учением Будды, изреченным лишь в разные времена и при разных обстоятельствах. Таким образом, на основании одного и того же учения Будды можно воздвигать самые противоречащие сек-

ты, и никто не смеет укорить за это, так как каждая секта укажет на непререкаемый довод в Священной Книге. Нет ничего резче, наприм., этого нововведения, как женитьба бонз в монтосиу, тогда как до монаха Синрана никто из бонз никогда не думал жениться; но посмотрите, как легко было сделать и этот шаг на основании буддийской литературы. В одной из священных книг, перечисляющих обеты Бодисатвы Кваннона, есть обет его: «Буду воплощаться и в теле женщины, чтобы руководить смертных». Правда, этого еще недостаточно, чтобы Синрану жениться; но в каноне есть также неисчислимое множество примеров явления Будд и Бодисатв святым людям во сне, для сообщения им своей воли. Отчего же и Синрану не увидеть чудесного сна? Он и увидел: является ему Бодисатва Кусе (другое имя Кваннона) и вручает четыре стиха, значение которых следующее: «Подвижник, женись в награду за твои подвиги! Я сделаюсь телом драгоценной девицы и сочетаюсь с тобой; изукрашенная, я буду вести людей к рождению в рай». Синран в то время был еще послушником и не имел особенного авторитета. Но нужно же было так случиться, что в ту же ночь и его учитель, всеми уважаемый старец Хоонен, увидел во сне то, какой сон снится Синрану. Нужно же было такое стечение обстоятельств, что на следующее утро Хоонена посетил один из первых придворных сановников и завел разговор такого свойства, что в заключение сам предложил одну из своих дочерей в замужество какому-нибудь монаху, и нужно же было этой дочери называться именно «драгоценная девица» (Тамахиномия)! Разве во всем это не ясно как день промыслил Кваннона о спасении людей? Конечно, Синрана женить, как он ни уклоняется от этого! И новая секта пошла щеголять по свету. Вообще, в буддийском каноне столько чудес и столько нелепости в этих чудесах, что мало-мальски смыслящий человек не может не считать их за басни; а так как он видит, что эти басни позволены себе самим Буддою, который прямо высказывает и иезуитское правило: «Обманывать

людей, чтоб привлекать их к себе», — то и он, на том же основании, считает себя вправе делать всевозможные благочестивые обманы во благо ближним. Я не говорю уже о тех, которые, как большинство бонз, обманывают народ чисто злонамеренно и своекорыстно. Возьмем еще пример «Нембуцу» (спасение чрез благодать) в той обширности, в какой оно развито Хооненом и Синраном; правда, учение новое, но все же оно довольно твердо может быть основано на некоторых молитвенниках из самого канона, если взять их безотносительно к другим. На что бы, кажется, искать других оснований? Но посмотрите, на чем оно больше всего опирается. Вот один послушник, сгоравший желанием узнать, каким путем легче всего достигнуть блаженства будущей жизни, затворившись в кумирне Аматерасу, молится об откровении ему этого пути; после семидневной молитвы, ночью, он видит наяву: открываются дверцы кивота, где была статуя богини, выходят два мальчика и говорят ему: «Аматерасу теперь нет дома, но она нам наказала, что если в ее отсутствие кто станет молиться об указании верного способа к избежанию будущих перерождений и смерти, то чтобы мы учили: отвергнув собственные тысячеобразные действия, всем сердцем призывать Амиду, всею душою подвизаться в Нембуцу; этим непременно достигнется рай будущей жизни и высочайшее успокоение». Вот другому является сама Аматерасу и поет: «Кто призывает Будду Амиду, тот не говори, что я богиня этого государства». Вот во время спора Хоонена с другими бонзами о своем Нембуцу, статуя Амиды издает ослепляющий блеск; вот четки одного последователя Хоонена сияют лучезарным светом в ночной темноте; вот Хоонен своим «Наму-Амида-Буцу» вызывает из озера дракона и проч. Нет возможности перечислить всех выдуманных чудес, снов, песен богов. Все секты наперерыв одна перед другой стараются щеголять чудесами, одни других нелепее, одни других фантастичнее. Наглость дошла до того, что указывают чудеса там, где каждый собственными глазами может

видеть или ушами слышать, что чуда нет. Там на морской воде написаны китайские знаки: «Мёо-хо-рен-ге-кё»; здесь птицы поют: «Наму-Амида-Буцу»; там в небе, при заходе солнца, постоянно является фигура Амиды и пр. Бонзы до того привыкли к выдумкам и обманам, что расточают их даже там, где нет никакой нужды в них: я читал одно жизнеописание Будды, где автор преблагочестиво уверяет, что за мать Будды в приданое даны были, между прочим, семь полных возов «голландских» редкостей; а когда она забеременела Буддой, то другая жена царя, из зависти, чтоб убить младенца в ней, обратилась к одному из христиан, которые, как известно, все колдуны, чтобы при помощи его волхвований испортить свою соперницу; и с мельчайшими подробностями описан способ волхвований христианина, приложен даже его портрет и изображено, как он погиб среди волхвования, пораженный небесными силами.

Кроме синту и буддизма, в Японии существует еще конфуцианизм, хотя не в виде особой религиозной секты, а в виде нравственно-богословской школы. Я считаю не лишним сказать несколько и о нем. Конфуций привлекает прежде всего красотой своей литературной речи; его фраза исполнена лаконизма и силы и по временам блещет красками остроумных метафор. Все это делает Конфуция неподражаемым образцом литературного языка в Китае, вот уж более 20 веков. Если взглянуть под эту привлекательную оболочку, то вы увидите почти всегда какую-нибудь мысль, прямо или непрямо направленную к утверждению системы 5 отношений. Эти отношения (господина и слуги, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга) и составляют сущность Конфуциева учения, то, что доставило Конфуцию славу величайшего мудреца, неподражаемого учителя, полубога. Вкруг этого столпа мудрости толпятся тысячи комментаторов, принося ему в дань свои таланты и всю свою жизнь; каждое слово его учения разобрано и истолковано на тысячу ладов; в каждой фразе, случайно

вымолвленной им, найден глубокий, многообразный смысл, и вы, читая, невольно и сами находите его и удивляетесь глубине мудрости, сами не замечая того, что удивляетесь, быть может, не Конфуцию, а его остроумному толкователю. Это дерево конфуцианизма, питаемое постоянно приливом свежих соков и разросшееся в течение веков до невероятного объема, составляет действительно нечто величественное и грандиозное: так мы любимся устарелым вековым дубом, обросшим десятками плющей, с их обильною и свежою листвою. Но что в самом деле сделало Конфуция таким великим в Китае? Он жил в одну из самых тревожных эпох китайской истории, когда государство, бывшее прежде монархическим, разделилось на множество независимых княжеств; князья беспрерывно ссорились между собою, народ стонал от опустошительных войн и всякого рода безурядицы. Такие времена всегда сопровождаются нравственным упадком: вероломство, эгоизм всех родов, забвение даже кровных отношений и связей — самые обычные явления в это время, и никто не думает горячо восставать против них, потому что всякий думает о себе и готов для ограждения собственных интересов употребить те же орудия. В такое-то время явился Конфуций. Он не был творцом какого-нибудь нового учения, да Китай и не был расположен тогда слушать что-либо новое. Он лишь тронут был до глубины души бедственным состоянием своего отечества, грозившим из хронической болезни обратиться в смертельную, и старался вызвать к сознанию соотечественников времена здравого состояния Китая. Как великий человек, он не только инстинктивно понял, но и сознательно выразил духовные потребности и идеалы китайской нации; но, как истинный китаец, не способный к высокоидеальному мышлению, он не дал своему отечеству системы учения, построенной строго-логически, по всем законам формального мышления; он, напротив, держался всегда самой твердой, практической почвы. Он изучил и изложил древнюю историю Китая и древние обычаи,

которыми, по его понятию, поддерживались добрая нравственность и благосостояние государства, церемонии, музыку, поэзию (народные песни); ученики же его, кроме того, постарались записать его нравственные афоризмы, которыми он постоянно обмолвливался, и представили таким образом в более наглядной форме его учение, почерпнутое из изучения древнего быта китайцев. Таким образом, в книгах Конфуция выразился не частный человек, но выразился сам Китай в его характеристических хороших чертах, в том, что он выявил доброго из своей натуры и что, следовательно, может и должен хранить, как свое собственное. В эпоху материального и нравственного истощения Китая пред ним поставлен был живой портрет его самого во времена физического и нравственного здоровья. Мог ли Китай не узнать сам себя и не полюбить себя в прежнем виде, а полюбив, не поставить себя пред собою как образец на вечные времена? С течением веков, быть может, характер китайцев мог бы принять новые оттенки, нравственность определиться точнее, формы жизни измениться; но уже писания Конфуция успели сделаться канонически-непогрешимыми, их предписания — обязательными, сам Конфуций — предметом религиозного поклонения.

В конце III столетия по Р. Хр., при первом знакомстве Японии с Китаем, Конфуций с братиею не замедлил переплыть в Японию. Но странно было бы думать, что он займет здесь то же место, как в Китае. Здесь его учение было пересаженным растением и сам он явился не как представитель народа и истолкователь его мыслей ему самому, а просто как знаменитый ученый, пред которым, конечно, не могли не благоговеть необразованные в то время японцы, но который не поразил их до забвения личных чувств и мыслей. Его творения, по совершенству языка и нравственному направлению, легли в основу школьного образования, его легенды дали начало кое-каким суевериям; но школа у японцев вовсе не имеет такого великого значения, как у китайцев, где все государство управляется

школярами; суеверий у японцев своих и буддийских так много, что два-три Конфуциевы в этом числе — как капля в море. Таким образом, влияние Конфуция собственно на народ в Японии очень слабо. Гораздо больше его влияние на так называемый «класс ученых» (дзюся), существующий здесь хотя не в виде правильно организованной корпорации, но с правом наследственности и с некоторыми особенными гражданскими правами. Этот класс, можно сказать, есть дань Японии китайской мудрости и особенно Конфуцию. Для «ученых» писания Конфуция имеют, или, по крайней мере, должны иметь, такую же силу непререкаемого авторитета, как для бонз буддийские молитвенники, для синтуистских жрецов кодзики (самая древняя история). Главная обязанность этих ученых — быть преподавателями в дворянских гимназиях. Здесь-то, в этих гимназиях, молодые японцы, по кодексу Конфуциевых церемоний, научаются тем приемам вежливости и внешнего благоприличия, которые нас так удивляют в них и которые дают им право с честью занимать место между образованными европейцами; здесь они научаются слагать китайские песенки, что также считается необходимым для образованного человека; наконец, здесь же уясняются в их сознании правила нравственности и гражданских добродетелей, начертанные в человеческом сердце. Но дает ли Конфуций ответы на разные теоретические вопросы, так же присущие душе человеческой, как и понятия нравственности? Учит ли он о начале мира и человека, о Высшем Существом, о назначении человека? Нисколько. Известно, что, при вопросах своих учеников о подобных предметах, он отделялся самыми уклончивыми ответами, вроде следующего: «Мы не знаем и земного, какая же польза говорить о небесном». Его «небо», употребляемое им для выражения всего высшего, имеет до того неопределенный смысл, что невозможно понять, разумеет ли он под ним что-либо личное или безличное. Итак, его последователи, пробуждаемые к умственной деятельности разными сентенциями, вызы-

вающими на размышление, но оставляемые без руководства в самом начале умственного самоопределения, берут каждый для себя, что кому нравится: то случай, то жизненный дух, то личное или безличное небо и, варьируя на разные лады свой принцип, решают сами, как умеют, философско-богословские вопросы о мире и человеке. Благодаря Конфуцию, они стали выше синту и буддизма; он дал им оружие диалектики, развил в них критический дух, побуждающий их относиться с насмешкой или презрением к этим учениям; но, разрушив прежние религиозные верования, Конфуций в то же время ничего не дал в замену их: ум его последователя — пропасть, покрытая сверху легким хворостом его собственных умствований; при первом прикосновении здравого смысла хрупкая поверхность ломается и открывает пустоту. Оттого-то в Японии никто так не способен к принятию европейских учений, как последователи Конфуция. Веками приученные ставить себя высоко над другими по своему умственному превосходству, они, обыкновенно, свысока относятся и к европейцам, пока не попадет в их голову какая-нибудь европейская мысль: тогда их теории разом летят вверх дном, их прежний кумир разбивается вдребезги, они смиренно низводят себя на степень учеников и делаются искренними и горячими приверженцами нового учения.

Все, сказанное доселе, можно формулировать в следующих словах: японский народ слишком умен, развит и свеж, а его религии слишком отстали и нелепы, чтобы могли удовлетворять его.

Но показывает ли японский народ склонность к принятию христианской религии? Обратимся к фактам, прямо отвечающим на этот вопрос.

В 1570 г. в первый раз испанское судно пристало к берегам Японии. Японцы так хорошо приняли иностранцев и показали им так способными к принятию христианства, что Франциск Ксаверий, друг и сподвижник Игнатия Лойолы,

при первом известии о них, вскипел желанием посвятить себя апостольскому труду между ними. Блестящий успех сопровождал его труды. По следам его нахлынули толпы монахов разных орденов, и все имели успех: в 25 лет христианство охватило весь юго-восток Японии. Уже европейские проповедники стали вести себя как дома, уже прелаты с пышностью являлись среди народа, уже они отправили японских князей к его святейшеству, в качестве смиренных поклонников, и по пальцам рассчитывали время, когда вся Япония будет у подножия престола наместника Христова. Вдруг страшное гонение, и в Японии — ни души христианской. Что за причина? Взглянем на тогдашние события японской и испанской истории.

До появления европейцев Япония долго была терзаема бесперывными междуусобиями: то было несчастнейшее для нее время правления сёогунской династии Асикага; императоры давно были заброшены, и о них никто не думал; сёогуны наслаждались выгодами своего положения и не имели ни времени, ни охоты вникать в дела правления; кванрёо (регенты), на попечение которых оставлены были дела правления, но которые, как богатые князья, и сами имели средства жить не хуже сёогунов, тянулись за последними; забытая и брошенная власть не находила себе приюта. А между тем в стране уже определилась удельная система: Япония была полна князьями, имевшими свои собственные поземельные доходы, свои армии и свои широкие права; почти не чувствуя над собою контроля, князья, естественно, дрались, кто с кем хотел и кто с кем мог, дрались без усталости и без всякой жалости к народу. За князьями дрались и бонзы, и как дрались! Горе тому, против кого они вооружались: это были самые злые и неотвязчивые враги. В это время всеобщей драки и сумятицы в незаметном уголке Японии явился крошечный князек, который, когда все дрались один на один, задал себе задачу драться со всеми и всех одолеть, и он дрался со всеми, одолел всех и сделался властителем Японии, хоть и не принял титула

сёгуна, который тогда был слишком опошлен, чтоб интересоваться Нобунага. При этом-то Нобунаге показались в Японии европейцы. Он оценил пришельцев, понял выгоду сношений с ними и приветствовал их. Скоро между этими пришельцами замечены были проповедники новой веры. Нобунага, конечно, не верил ничему из отечественных религиозных учений; он не был расположен принять и христианскую веру (его боевая натура была неспособна к мирным религиозным размышлениям), но он не мог не понять неизмеримое превосходство христианской религии пред японскими суевериями. Притом же ему так надоели его вечные враги бонзы и из-за них он так возненавидел буддизм, что, не думая долго, он со всею охотою дал европейским миссионерам полное право распространять новую веру, даже сам построил для них христианский храм в столице (в 1574 г.). Преждевременная смерть положила конец деятельности Нобунаги. Ему наследовал Хидеёси, сын простолюдина, пробивший себе дорогу к верховной власти. Он также на первый раз казался покровительствующим христианству; между тем он зорко следил за пропагандистами и изучал их. А последние уже успели выявить все те качества, которые были причиною изгнания католических миссионеров в разные времена из многих стран. Выходя из правила «цель оправдывает средства», миссионеры, без зазрения совести, показывали народу разные фокусы под видом чудес; необразованный народ верил чудодейственной силе патеров и толпами вербовался в христиане, а образованные люди сомнительно качали головой, и иные прямо угадывали обман, иные же окрестили патеров названием «колдунов», продавших душу дьяволу. С умножением христиан высшее общество вдруг почувствовало присутствие в стране нового рода аристократии и было до глубины души возмущено и оскорблено; от князей стали поступать жалобы, что христианские епископы при встречах не уступают им дороги и вообще ведут себя крайне заносчиво и гордо. Наконец, не ограничиваясь делами рели-

гии, католические епископы стали являться и на поприще политических интриг; еще Нобунага пользовался их сладкоречием и нравственным влиянием для привлечения на свою сторону князей-противников. Но все это еще не составляло особенной важности: при всех своих непривлекательных качествах, христианские проповедники стояли еще гораздо выше туземных бонз, и их не выгнали бы из страны, если бы не особого рода соображения.

Тот век был веком непрерывного открытия новых стран и вместе веком ужасающих политических неправд. Испания, одна из самых могущественных держав того времени, была особенно бичом Божиим для новооткрытых народов. Вспомним, для образчика, разрушительные подвиги Кортеса и Пизарро. В 1522 г. пала мексиканская империя, а в 1533-м — перуанская. Обе эти империи в цивилизации и силе малым чем уступали Японии и с таким же гостеприимством, как последняя, приняли испанских рыцарей, за что эти рыцари отплатили им бессовестнейшим коварством, попранием всех прав туземцев, подчинением их иноземному владычеству и обращением всех граждан в самых несчастных рабов. Не забудем при этом, что с завоевателями всегда неразлучны были миссионеры религии любви и мира и что даже сами завоеватели действовали, главным образом, во имя креста. Мог ли гениальный Хидеёси не узнать и не оценить как должно этот дух европейской и, по преимуществу, испанской политики, не вывести из примера других новооткрытых стран назидательного урока для своего отечества и, вследствие того, не принять решительных мер к ограждению его от участи завоеванных государств? Европейские писатели взваливают вину изгнания христианства из Японии то на одного испанского капитана, расхваставшегося пред Хидеёси обширностью владений своего короля и объяснившего ему способ завоевания Нового Света, то на англичанина Адамса, интриговавав-

шего против испанцев¹; мы думаем, что ни тот ни другой не заслуживают чести или бесчестия считаться виновниками такого важного исторического события. Хидеёси и следовавший за ним другой гонитель христиан Иеясу были вовсе не такие лица, у которых можно перевернуть всю систему убеждений одним хвастливым разговором или пустой интригой. Хидеёси, для которого было мало Японии, который еще генералом в армии Нобунага строил планы расширения японского могущества завоеванием иноземных государств (планы, впоследствии отчасти и приведенные им в исполнение завоеванием Кореи), конечно, с первого появления иностранцев, не мог не заинтересоваться ими, не изучать их нравов, намерений и их политики. «Христианская религия хороша, но она не годится для моей страны», — был короткий ответ Хидеёси одному епископу, протестовавшему против его запретительных эдиктов. И этот ответ достаточно характеризует образ мыслей Хи-

¹ А ультракатолические писатели, напр., Шарльвуа, не стесняются объяснять перемену расположения Хидеёси к христианам следующим образом. «Хидеёси был до крайности развратен. Во время походов, когда неудобно было возить с собою гарем, он назначал особых чиновников, обязанностью коих было собирать каждый вечер по окрестностям молодых и красивых девиц. Когда он был на Киусиу, в походе против Симацу, чиновники, по обычаю, отправились на ловлю, но были с бесчестием выгнаны из деревень, населенных христианами. Вечером они доложили об этом Хидеёси, который, по обычаю (sic!), был пьян, и взбешенный деспот сейчас же велел изготовить к подписи эдикт об изгнании христианства из страны». Бессовестная ложь! Во всей жизни Хидеёси, изученной нами по лучшим японским историям, мы встретили всего один факт, когда он недобросовестно завладел дочерью своего разливателя чая; но и этот разливатель чая не был христианин.

деёси. Он знал христианство и ценил его, но в то же время находил нужным изгнать его. Какая причина? Иной не могло быть, кроме той, что он считал христианство опасным для страны. Ему нужно было не собственно изгнание христианства, а изгнание европейцев, прекращение интимных сношений с ними и чрез то ограждение страны от их алчности. Будь в Японии истинные проповедники истинной веры Христовой, их дело не было бы смешано с политикой, и при изгнании европейцев они были бы оставлены в стране; не остались бы и они, осталась бы вера между туземцами. Пожаловаться на безрезонность и самодурство японских гонителей христианства нельзя: это не были взбалмошные Нероны, Галерии; они считали обязанностью сами знакомиться с христианством и изучали его так беспристрастно, что прямо находили его хорошим и не стеснялись говорить это самим врагам. Но что же делать, если из-за христианства они увидели еще католичество? Чья вина, что христианство являлось им наполовину политической интригой самого опасного свойства? Или это неправда? К несчастью, существуют некоторые факты очень недвусмысленного характера.

Вот наиболее известный и достоверный из них. По смерти одного удельного князя, когда имущество его за некоторые вины было конфисковано, в его доме совершенно неожиданно найден был сундук, наполненный драгоценными заграничными подарками и корреспонденцией, открывшей, что князь был в самых интимных сношениях с Папой и собирался предать свое отечество во власть иноземцев. Итак, пусть католики клянут Хидеёси, как изверга; мы, не стесняясь, скажем, что он, напротив, заслуживает уважения, как орудие Промысла Божия, видимо, сохранившего Японию от ужасной участи стран Нового Света. А кто возразит, что, при всех гражданских несчастиях, которым Япония могла бы подвергнуться от испанцев или других европейцев, она все-таки имела бы выгоду быть страной христианскою, тому мы укажем на состояние

христианства между современными мексиканскими туземцами: если кому нравится иметь таких христиан, то в добрый час сетовать на Хидеёси и на Иеясу, так как христианство далеко не было подавлено строгими эдиктами первого, и Иеясу, сподвижник и наперсник Хидеёси, хорошо понявший его планы, издал новые эдикты против христиан. При Иеясу европейские пропагандисты принуждены были окончательно удалиться из страны; но туземные христиане еще находили возможность скрываться на юге Японии. В правление внука Иеясу, Иемицу, спустя 25 лет по изгнании европейцев, несколько авантюристов, бежавших на юг большею частью от политических преследований, вздумали затеять восстание против правительства. Местные обстоятельства как нельзя лучше благоприятствовали им: удельный народ двух местных князей был раздражен против последних за дурное управление; множество тайных христиан, рассеянных по ближайшим округам, было крайне недовольно правительством за религиозное гонение. Предположив одинаково воспользоваться двумя этими обстоятельствами, зачинщики восстания озаботились дать своему делу, для большей его прочности, чисто религиозный характер: из-под руки сделаны были некоторые чудеса и пущено в ход подложное пророчество, указывавшее на это время, как самим Богом определенное для завоевания христианами себе религиозной свободы. Когда такими способами народ был достаточно наэлектризован, зачинщики дела открыто взялись быть его руководителями, и Симабарасское восстание вспыхнуло. Против горсти христиан, построивших себе крепость и затворившихся в ней с женами и детьми (всего до 80 тысяч) двинуты были регулярные войска сначала ближайших князей, потом более отдаленных, наконец сёюгунов должен был послать самых опытных и искусных своих генералов и огромные военные силы; но и тут осажденные уступили скорее голоду, чем силе и искусству противников. Наконец, крепость была взята, и 80 тысяч человек, все до одного, казне-

ны, так как никто не хотел пройти по образу Богоматери с Младенцем и тем засвидетельствовать свое вероотступничество. С этих пор на христианскую веру легло новое нареkanie, будто она учит противлению властям, и она запрещена под строжайшими угрозами: «Пока солнце восходит с Востока, христианский проповедник не явится более в стране»; «...хоть бы сам Бог христианский пришел в Японию, — и ему голова долой». В таких и подобных выражениях написаны последние эдикты против христиан. Таким образом, христианская вера — искусство колдовать, христианская вера возмущает народ против правительства, она открывает иностранцам путь к завоеванию страны: вот понятия, которые каждый японец соединял с понятием о христианстве. Под этими видами японец два с половиной века глумился над христианством; под этими видами оно жило в сознании японца вплоть до последнего открытия Японии. Сообразим конец с началом. Японец предстал пред христианскою верою чистый, свободный от всяких предубеждений против нее и готовый всею душою принять ее, потому что давно тяготился пустотою своих религий; но в сознании его отразилась не истинная вера, которой он жаждал, а католичество, и католичество XVI столетия, и он с негодованием и гневом отверг его. Бог суди нас, мы считаем японца правым¹.

При появлении американской и русской эскадр у берегов Японии в 1853 г. вся Япония, естественно, была крайне встревожена: люди более образованные ждали от иностранцев неприятельских, завоевательных действий, народ же с ужасом

¹ Петр Великий знал о том. Он находился в Голландии, когда ему прислали известие о том, что в Японии наши священники проповедуют христианство. В ответе своем управлявшему Посольским приказом Виниусу, Петр выразил свое удовольствие, но прибавил: «...надо, чтобы там попы были *подкладные*, а то не вышло бы как с езуитами». П. Б.

смотрел на каждого иностранца, как на колдуна, и поминутно ждал от него чудес. Но волею-неволею японцы должны были вступить в сношения с иностранцами. При заключении трактатов они покушались, по крайней мере, выговорить запрещенные распространять в их стране христианскую веру; но им отвечали, как гр. Муравьев-Амурский: «Если я убежден в истинности моей веры, я не могу не говорить этого; от вас же самих зависит, слушать меня или не слушать». И японцы принуждены были дать иностранцам полную свободу в постройке их храмов и отправлении богослужения. Таким образом, пришел в их страну христианский Бог, явились и проповедники. Католические миссионеры, вслед за заключением трактатов, толпой нахлынули из Китая. Из трех открытых портов, Иокохамы, Хакодате и Нагасаки, они обратили особенное внимание на последний. В окрестностях его они ожидали найти следы древнего христианства и не ошиблись: несмотря на все ужасы предшествовавших гонений, в народе сохранились еще темные христианские предания. Таким образом, католические миссионеры нашли уже подготовленную почву, и здесь был основан их главный пост под управлением епископа. Чтоб судить об их успехе, выписываю из японской брошюры «Тооёо цява дзякёо симацу»¹ следующие данные, относящиеся к 1867 г.: «В Ураками (по соседству с Нагасаки) — свыше 2000

¹ Автор брошюры, поклонник Конфуция, изучал христианскую веру под руководством одного из протестантских пасторов в Нагасаки. Он адресовался к пастору с заднею мыслию — узнать христианство, для того чтоб потом успешнее напасть на него. Из этого сорта японцев обыкновенно образуются самые ревностные христиане. К несчастью, протестантский миссионер не сумел воспользоваться им; зато японец хорошо пользуется полученными уроками: выставляет в самом непривлекательном свете действия протестантских и католических миссионеров и на чем свет бранит христианство, которого он, разумеется, ни на волос не понял.

обращенных; в поместьях Оокура — свыше 100, в Фукабори, в области Хизен, — свыше 1500; в Такахата, Симабара, Амануса, Хирадо — сколько тысяч, в точности неизвестно». В Иокохаме и окрестностях количество обращенных также неизвестно. В Хакодате Миссия основана с 1867 г., и особенных успехов пока не видно. Протестантские миссионеры далеко отстали от католических; они стали наезжать лишь с 1859 г. и насколько успели в бытность тайкунов, данных тоже нет; но что успехи были, об этом свидетельствует та же брошюра: «В то время, как католические миссионеры обращали людей низшего и среднего классов, протестантские обращали большею частью людей среднего и высшего классов», — говорит автор. Но что же тайкунское правительство? Чтоб оно, все основанное на шпионстве, не знало об этих действиях миссионеров, нельзя предположить; что же оно сделало во имя своих страшных законов против христианства? Выписываю из вышеупомянутой брошюры то, что служит ответом на этот вопрос. Но прежде считаю нужным объяснить начало дела.

Мать служанки английского консула (в Нагасаки) сделалась христианкою; когда ее соседи по деревне узнали об этом, то стали грозиться, что сожгут ее дом, если она не бросит колдовства, т. е. христианства. Мать пересказала это дочери; дочь нажаловалась английскому консулу, а этот — губернатору. Последний должен был исследовать дело и волею-неволею найти множество христиан. «За вероотступничество, в Ураками несколько жителей, по приказанию губернатора, были арестованы, 13-го ч. 6-го месяца прошлого (1867) года, и заключены в тюрьму. При этом в часовне в Ураками были конфискованы образа и прочие вещи и сданы деревенскому старосте. Полицейские служители вернулись с 70 человеками в место жительства губернатора; 6 или 7 из них, однако, остались в доме старосты в Ураками. Остальные вероотступники, в числе нескольких сот, учинили восстание, напали с бамбуковыми копьями на дом старосты, взяли обратно свои образа и захва-

тили двух чиновников и двух полицейских служителей, о которых объявили, что будут держать их заложниками и не выдадут до тех пор, пока им не будут возвращены их товарищи, заключенные в тюрьму. В этом положении дел остальные вероотступники были предоставлены себе самим, и аресты прекратились. 14-го числа на Козима была поспешно сооружена большая тюрьма, и в нее посажены вышеозначенные 70 и несколько других арестантов... «Так как в поместьях Оокура, в Ураками, также оказались вероотступники, то, 7-го месяца прошлого года, свыше ста человек их было арестовано и посажено в тюрьму. Арестованные и заключенные в тюрьму были ежедневно, по приказанию губернатора, призываемы, и перед ними излагаемо все зло извращенной религии, но без всякого успеха: твердые в своем упорстве, они не показывали никакого знака перемены мыслей; напротив, они просили, чтобы им было позволено свободное и беспрепятственное исповедание римско-католической религии. При таком положении дел, когда губернатор и чиновники не знали, что делать, 14-го числа 8 месяца были поспешно позваны губернатором жрецы семи храмов синсиу и двух — зенсиу, и, когда они явились, у них было спрошено, нет ли какого-нибудь средства заставить этих отступников в Ураками переменить их мысли. Жрецы сказали, что они дадут ответ по внимательном обсуждении предмета. На следующий день они сказали, что употребят все свое старание побудить отступников разом переменить их мысли. 19-го числа дайкван и судьи сопровождали жрецов в Ураками; но, несмотря на все их увещания, отступники, упорные до крайности, не обратили на них никакого внимания. Их упорство происходит от снисходительности, с которою до сих пор обращались с ними. В половине 9-го месяца заключенные притворились переменявшими свои мнения и были выпущены на свободу; но они опять обратились к прежнему, и число их ежедневно возрастает. Выпущенные были просто лишь отданы на поруки в Ураками, и ничего больше.

Пользуясь снисходительностью, которую оказывали им, они запаслись из часовни деньгами, разошлись секретно по всем направлениям и делают обращение, или раздавая милостыню бедным, или совершая чудеса, так что в короткое время сотни новообращенных были приобретены в разных местах...»

И вот все, что сделано тайкунским правительством против христианской веры, в продолжение 14 лет. Где прежняя ненависть к христианам, как к колдунам, как к противникам власти и изменникам отечеству? Ее и в помине нет. Ненависть эта отражается еще в сознании частного лица, автора брошюры, предубежденного против христианства; нагасакский же губернатор, как видно, теснил христиан просто потому, что ввиду закона строго запрещающего христианство, не мог не сделать что-нибудь после того, как его так неделикатно и необдуманно натолкнули на христиан сами же христиане, и сделал он, нужно признаться, очень мало (за принятие христианства, по древнеяпонскому закону, полагается казнить распятием на кресте и прободением копьями). Все же это (и смотрение сквозь пальцы на умножение христиан, и милостивое обращение с обнаруженными христианами) было, разумеется, не личным делом самого губернатора Нагасаки, а лишь исполнением инструкций, данных из Едо.

Новое правительство, образовавшееся в начале прошлого года, также запретило японцам принятие христианства; но здесь основная причина запрещения совершенно другого свойства, чем все прежние побуждения. Тайкуна уничтожили; нужно поднять императора, поднять из праха, в котором он пресмыкался доселе пред тайкунами. Но чем подпереть эту дряхлую развалину минувшего величия? Средство под рукой: стоит лишь придать больше блеска и торжественности древней религии, по счастью, еще не совсем погибшей; предмет этой религии — прямые предки императора и, в лице их, сам он. Самый важный и торжественный пункт учения ее — вручение власти над Японией, на веки вечные, праотцу микадо и

всему его потомству. Слушая это учение, кто же станет сомневаться в правах императора на власть? И вот громко грянул синтуисский барабан, звонко звякнули литавры, приосанясь и смело взглянув кругом, затянул свою неизменную героическую песню жрец. Думал ли «путь богов» иметь эту минуту торжества, он, почти издохнувший под ударами буддизма? А теперь им приходится поменяться ролями: буддизм, как тоже иностранная религия, испытывает к себе презрение и пренебрежение, и какое презрение! Императорским указом велено выбросить из синтуисских кумирнь все буддийские принадлежности, в течение веков вкрапившиеся в них, а буддийским бонзам предписано не сметь молиться синтуисским богам и даже иметь у себя в храмах их изображения. И какое пренебрежение! В новой конституции, разосланной для руководства по всей империи, значит, между прочим, департамент духовных дел, и его попечениям адресованы исключительно дела синту; о буддизме хоть бы слово! И это несмотря на то, что в Японии все, начиная от самого императора до поденщика, — буддисты, что буддийскими храмами усеяна Япония, что буддийских бонз сотни тысяч, что, словом, не замечать буддизма в стране может разве сумасшедший. Есть ли же какая возможность христианской вере ждать для себя приязни в это время? И можно ли удивляться, что и новым правительством повторено запрещение принимать ее? Не нужно ли удивляться, напротив, тому обстоятельству, что правительство почти в то же время, как запрещает, дает весьма ясно понять, что оно вовсе не имеет в виду серьезно преследовать свою мысль? А факты как нельзя лучше подтверждают последнее. Укажу эти факты.

Указ, которым новое правительство запретило христианство, начинался так: «Христианская нечестивая вера по-прежнему запрещается». Слово «нечестивая» по всем правилам грамматики относилось к христианской религии. Когда указ был вывешен публично на досках, иностранные министры

подали протесты против названия христианской религии нечестивою. Министр иностранных дел, Хингаси-Кузе, отвечал им. Вот ответ прусскому поверенному в делах, г. фон Брандту: «Я имел честь получить ваше письмо от прошедшего 5-го мес., 26-го числа. Вы выражаете неудовольствие по поводу текста того из указов, обнародованных новым правительством после совершившихся весною наших государственных перемен, в котором говорится, что „христианская религия по-прежнему запрещается” и проч. Но так как это смешение понятий произошло оттого, что до сих пор у нас о запрещенных нашими законами христианской религии и нечестивой религии (нечестивою религиею, дзясю, называется та, которая колдовством и подобными средствами развращает человеческое сердце и проч.) говорили заодно, не разделяя их, то прошу понять, что нечестивою религиею не названа именно христианская религия». Между тем, еще до отправления ответов к иностранным министрам, новым распоряжением велено было по всей Японии переменить текст указа на публично вывешенных досках, отделив весьма ясно христианскую религию от «нечестивой». Вот другой факт. При сдаче Нагасаки правительству микадо прежний губернатор сдал и нерешенное дело о нескольких христианах, содержащихся еще в тюрьме. Новый губернатор решил разослать их по ближайшим княжествам и отдать там под надзор местных властей. Когда с этою целью христиане (11 июля прошлого года) посажены были на судно, в Нагасаки разнеслась молва, что их увозят, с тем чтобы часть утопить в море, часть обезглавить, а остаток отвезти на один из соседних островов в каторжную работу. Иностранные консулы, живущие в Нагасаки, послали к губернатору коллективную ноту, спрашивая, с какими намерениями вывезены христиане, и выражая надежду, что с ними не будет поступлено бесчеловечно и бесславно для Японии в глазах образованного мира. Губернатор отвечал, что «христиане вывезены в территории Цёосиу и Бинго, с тем чтоб отдать их под надзор, что японское прави-

тельство не намерено оскорблять человечество истреблением невинных людей, что прочие христиане, оставшиеся в городе, не будут притесняемы, что те христиане вывезены с тем, чтобы предупредить беспорядки, могущие возникнуть от столкновения их с последователями других сект в соседстве, что японское правительство благодарит консулов за их добрые внушения и человечесственные побуждения» («The Nagasaki times». 1868. July 6-th/18. № 4). Иностранные министры в Иокохаме, встревоженные вестями из Нагасаки, также подали несколько протестов против жестокого обращения с христианами. Хингаси-Кузе, в том же письме, часть которого приведена выше, отвечал г. фон Брандту следующее: «Вы несколько раз писали мне касательно христиан, появившихся в области Хизен, в деревне Ураками, и я до сих пор не отвечал вам. Военные смуты, мешавшие обсуждению дела, были причиною этого невольного замедления. Прошу великодушно извинить. Нечестивая вера, употребляющая колдовство, развращающая человеческое сердце, подрывающая основы нашего государственного быта, всегда была запрещаемая нашим правительством; но, принявших христианство ссылатъ в заточение, топить, жечь, варить в масле — такие бесчеловечные поступки никогда не были в намерениях нашего правительства, и ваши представления об этом, как я догадываюсь, возникли из вышеупомянутого смещения понятий (о христианской и нечестивой верах), или же из неосновательных слухов. Отложите же ваши сомнения и представьте это дело в настоящем свете вашему правительству».

Решаюсь привести и еще письмо Хингаси-Кузе к г. фон Брандту, относящееся одинаково к объяснению вышеупомянутого указа и к оправданию нагасакского дела. «В тексте недавно обнародованного указа касательно христианской религии подряд поставлено: „Христианская нечестивая религия“. Отсюда произошло ошибочное понятие, будто именно христианская религия названа нечестивою. После этого та и

другая разделены надвое, как вам это известно. Религия, называвшаяся христианскою 300 лет тому назад, употребляла колдовство, развращала человеческое сердце, производила беспорядки, за это она и была строго запрещена; а по всему этому и народ с того времени смотрит на нее как на нечестивую веру. Подобную веру и в настоящее время наше правительство никак не может допустить. Того же, что христианская вера — правильная вера, народ до сих пор не понимает; а в то время, когда он еще находится в таком неведении, вдруг разрешить ее не согласно с правительственными пользами. Нужно бы было рассудить, разобрать, что правильно и что нечестиво; но этому помешали военные смуты. Поэтому, относящиеся к этому предмету постановления не приведены в точность, и нельзя поручиться, чтоб в разных местах государства не был неодинаковый образ действий. Но так как с этого времени мы имеем войти в еще более дружественную связь с вашим государством и так как подвергать жестоким преследованиям наших людей, принявших веру вашего государства, было бы несогласно с дружественностью отношений, то в настоящее время наше правительство рассудило и решило с этих пор не постановлять крутых законов против христиан, а обращаться с ними милостиво» (письмо от 27 ч[исла] 11-го мес. прошлого года).

В каком смысле нужно понимать и в каком действительно понимают эти и подобные декларации нынешнего японского правительства представители иностранных держав, миссионеры и японский народ, видно из следующих, небывалых до прошлого года фактов: уже в христианских церквях, наравне с иностранными министрами и другими иностранными христианами, открыто молятся Богу японские христиане (я сам видел это в минувшую католическую и протестантскую Пасху, в Иокохаме); уже о принявших христианскую веру японцах сами миссионеры извещают во всеуслышание в периодических изданиях, называя японцев по именам или описывая их так, что всякий, кто пожелает, тотчас может найти их. (См.: The Record of

the presbyterian church in the U. S. of America, for. June 1869. The Foreign Missionary. June 1869; New York.)

Что же значит, что японское правительство и запрещает христианство и в то же время игнорирует заведомых христиан? Что другое, как не то, что японское правительство сознает всю слабость и бесполезность своих собственных указов. В самом деле, стоящие теперь во главе правительства несколько удельных князей и масса молодежи (успевшей или нет побывать за границей, но во всяком случае знакомой более или менее с иностранными науками и порядками), разумеется, еще не знают хорошо христианской веры (да и когда было узнать ее в 15 лет, в продолжении которых японцы не успели прийти в себя, ослепленные блеском наружных атрибутов европейской цивилизации?), но они видят и чувствуют, что им не защититься от этой могучей силы, которая так властно господствует над Европой и Америкой. Как атеисты, они, по всей вероятности, удивляются последнему факту и готовы предложить иностранцам тот вопрос, который некогда задал Нобунага католическим миссионерам: «Ужели вы в самом деле веруете?» Но много ли нужно для того, чтобы убедиться, что в Европе и Америке действительно веруют и веруют искренно и глубоко? Те, которые так быстро перешли от презрения иностранцев к уважению и от ненависти к глубокой симпатии и которые с таким лихорадочным нетерпением стараются перенимать и заучивать все иностранное, разве замедлят окончательно убедиться, что христианская вера вовсе не колдовство, не учение противоправительственное, не орудие к завоеванию чужих стран, а, напротив, чистое духовное учение, основа государственного благоденствия, словом, единственная истинная религия на земле? Предположим даже медленный, постепенный ход. Вот взор японцев пока прикован к оболочке европейской цивилизации, пароходам, пушкам, внешней постройке конституций; но все эти молодые люди (их тысячи), изучающие теперь европейские языки, ужели все они и вечно

будут заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдут ли они дальше? Не заглянут ли они глубже и в европейскую историю, и в юридическое право, и во внутренний строй европейских государств? И что же они встретят? Везде христианскую религию! И могут ли они отделаться от знакомства с нею — основою всех наук и всего государственного быта Европы, предприняв пересадить к себе и эти науки, и этот быт? Они, если бы и захотели, не могли бы этого сделать; но они и не захотят: японцы очень далеки от раскольнического упорства в невежестве и нежелании знать резоны противной стороны; живущие в Японии знают, как японец рад всегда приобрести Библию и с каким удовольствием он показывает ее и читает из нее тирады своим друзьям. Хотя бы ни он сам, ни его приятели не были нисколько расположены веровать в написанное: уж одно то, что эта книга почитается европейцами, магически влечет к ней японца. Что же касается до запрещения христианства во имя синту, из-за необходимости поддерживать авторитет микадо, то это запрещение не устоит долго, как не продлится долго настоящий порядок вещей, если только не ждать окончательного расстройства Японии.

Чтобы убедиться в этом, взглянем на характер современной японской революции. Сёогуны дома Токугава долго были предметом ненависти князей: больно не по нраву пришлось последним железная рука сёогунов, затворивших их в Едо, как в клетке. Но князья должны были сносить свою участь: на стороне сёогунов была вся нация; пора же ей было, наконец, осушить кровь и перевести дух после долгих кровопролитий, которыми угощали ее князья во взаимных распрях при существовавших сёогунских династиях. Но вот Япония входит в сношения с иностранцами: явились у сёогуна другие дела, повеяло новым духом; оказалось далее невозможным держать на привязи около трехсот удельных князей, скученных в Едо; они были распущены. Некоторые из них, вздохнув вольною грудью, скоро расправили онемелые члены, и пошла работа!

Тосама (князя, не созданные династией Токугава, а добывшие себе лены еще прежде ее) особенно не могли простить своего унижения; им нужно было во что бы то ни стало рассчитаться с сёгунами. И вот выступили на сцену все те громкие принципы, которые обыкновенно и прежде пускались в дело при подобных случаях: и восстановление прав ограбленной и уничтоженной императорской династии, и беспорядки правления, и стон будто бы страждущего народа. Было бы ни с чем не сообразно ошибкой полагать, что современной революцией Япония обязана вторжению к ней иностранцев. Эта революция давно уже готовилась: еще задолго до европейцев князя, сколько возможно было, интриговали против сёгунов, подкупали, под видом подарков, завлекали на свою сторону двор микадо, живший в нищете, старались как будто ненамеренно развращать и идиотить сёгунов; приход иностранцев лишь на несколько лет ускорил взрыв. В начале прошлого года наконец произошло открытое столкновение Тайкуна и его приверженцев с коалицией враждебных князей, завладевших императорским флагом; несколько незначущих комбинаций доставили победу последним. Никто не приписал на первый раз этому сражению решительного значения. Сёгун обладал огромной собственной армией и довольно большим флотом, на его стороне были его гофудаи (князя, получившие лены от Токугава) и даже значительная часть Тосама; за него готов был душу положить его удельный народ и особенно его Едо; сам сёгун на этот раз, как нарочно, был человек известных талантов. Все ждали, что он за стыд первого поражения заплатит врагам сторицею. Но, к общему изумлению, он сложил с себя власть, велел разойтись войскам, оставил Едо и, в виде смиренно кающегося в своих преступлениях пред императором, удалился на свою родину, в княжество Мито. Глубокое огорчение и даже ропот большей половины Японии сопровождали его. А враги торжествовали: они великодушно оставили ему жизнь, отнятую было у него импе-

раторским указом, и принялись распоряжаться Японией: сочинили конституцию, потом другую, написали к народу множество указов и приказов, показали своего 15-летнего микадо иностранным министрам, переменили правительственные штаты в тайкунских городах, выслав на место прежних, знавших свое дело чиновников, каких-то недолетков. По-видимому, все пошло своим чередом. Пред именем микадо все поникло, все, кроме части армии сёгуна, его флота и одного князя, самого рьяного из его защитников. Флот стоял в бездействии; строптивые войска стали действовать врассыпную, но они не страшны были без главы и без определенного плана; страшен был князь, «этот враг отечества, разбойник, изменник, злодей», как возвеличило его правительство. Но вот и он смирился, подал покорное прошение и наложил на себя арест, вне ворот своей крепости. Множество северных князей, его соседей, стали ходатайствовать за него; умильным «слезным челобитьям» не было конца. Чего бы, кажется, лучше? Простить его, доставить мир потрясенной Японии и оставить ее наслаждаться плодами либеральной конституции. Но не то нужно было коноводам движения; не об отечестве они хлопотали. Я уже сказал, что во главе современного движения стоят несколько сильных удельных князей и образованная молодежь, сбродная из разных княжеств. Сию последнюю вполне можно назвать авангардом Японии на поле цивилизации: она полна платонических мечтаний о будущем величии своего отечества и в самом деле думает ввести сюда «аглицкую» конституцию. Но она сама лишь слепое орудие в руках другой силы; а эта сила — два-три удельные князя (Сацума, Цёсиу, Тоса), из которых каждый питает самые существенные надежды на преемство упраздненной единоличной власти. Но овладеть верховною властью одному из 300 претендентов, особенно когда многие из них равны между собою по материальным силам, — трудная задача. Древняя практика указала превосходное средство в этом затруднении: нужно ослабить опасных совмести-

ков, натравив их друг на друга. И вот начинается травля: Айдзу, несмотря ни на какие просьбы, не прощается; Сендай, Ёнезава, Сёнаи и другие сильные северные князья, несмотря ни на какие отговорки, посылаются на Айдзу; послы за послами от этих князей скачут в Мияко и обратно. Уже князья готовы были против своей воли идти на своего собрата — грозное имя микадо нудило их к тому; но одно обстоятельство изменило все. Совершенно случайно открыт был план коноводов революции, имеющий основную мыслью именно ослабить северных князей друг другом. Роли быстро изменились: северные князья казнили или выгнали микадских послов, разосланных для понуждения к скорейшему вооружению, провозгласили с своей стороны южных князей врагами отечества, соединили свои силы в Айдзу, все вместе заключили клятвенный союз против южан, и полилась кровь. Обе воюющие партии клеймили друг друга самыми позорными именами, и обе в то же время провозглашали своим принципом восстановление императорской власти, очищение отечества от бунтовщиков и возведение его на высокую степень могущества и славы. Долго разыгрывалась эта кровавая драма. Южные имели на своей стороне все шансы превосходства; в их руках был император: его имени беспрекословно подчинялись четыре пятых Японии, по его зову шли огромные армии на Север, по его приказу все покорные князья предоставили в его распоряжение свои пароходы и парусные суда, его именем выпускались кредитные билеты, и купцы принуждались менять на них серебро и золото, нужные правительству на военные издержки. Но не столько все это, сколько недостаток общего плана действий у противников помог наконец южанам взять перевес. В конце прошлого года северные князья один за другим покорились. Только Инамото, адмирал Тайкунского флота, выдержал свою роль: с 11 судами, во главе 5 тысяч отважнейших воинов Японии, он выгнал из Хакодате императорское правительство, а из Мацмая — князя, и завладел всем островом Эзо.

Что будет дальше, трудно угадать; но то, кажется, несомненно, что все это лишь начало страшного потрясения. Если южане принудят к покорности и последнего из своих противников (что весьма вероятно), то война не замедлит загореться на другом пункте. Южных до сих пор связывает общий интерес — общие враги; для общего дела каждый из них пока нетерпеливо прячет своекорыстие под благовидную мантию империализма; не стань этих врагов, они не замедлят перессориться между собою; не перессорься они, выступят на сцену еще другие князья. Кажется, можно сказать наверное только то, что начавшееся волнение уляжется лишь тогда, когда выступит на сцену человек с печатью яркого таланта на челе и в свое собственное имя, а не в чье-либо другое, станет во главе движения, властной рукою укажет всем и всему приличное место и поведет свою нацию вперед. Но такого таланта пока не видно ни на той, ни на другой стороне, и это отсутствие вождя еще заставляет взоры многих обращаться на прежнего сёюгуна; еще не верится, чтобы он погиб бесследно, еще приписывают ему глубокие планы и ждут, что он выступит на сцену, но уже выступит грозно и славно. Или пусть бы этим талантом оказался сам микадо; это было бы истинным благословением неба для Японии; тогда не нужно бы было ни ходить сингуизма, никаких других искусственных приемов; тогда и без того князья скоро и послушно утихли бы, как утихают разшумевшиеся дети пред грозным учителем...

Пройдут еще три-четыре года, прибудет еще несколько тысяч католиков и протестантов в Японию; случатся опять какие-нибудь столкновения по этому поводу у иностранных министров с японским правительством и довершат первые свое дело: побудят японское правительство к отмене и последнего слабого стеснения христиан. Еще шире раскинут тогда свои сети католические и протестантские миссионеры...

В письме моем к высокопреосвященному митрополиту Исидору, которое его высокопреосвященству угодно было на-

печатать в февральской книжке «Христианского чтения» текущего года, на страницах 247–255 изъяснено, чем я занимался, живя в Хакодате, и что сделал. К изложенным там сведениям о 3-х крещенных, которых я тогда отправил из Хакодате для безопасности их, имею прибавить следующее. Один из них, Павел Савабе, испытав все трудности путешествия по стране в военное время и убедившись в невозможности пройти до Едо, презрев все опасности, вернулся в Хакодате еще в то время, когда оно занято было правительством микадо; но как оказалось, страхи наши были напрасны: Савабе никто не думал тревожить, хотя все знали, что он христианин; до последнего времени (я получил от него известие несколько дней тому назад) он живет благополучно в Хакодате и занимается катехизаторством. Другой, Иоанн Сакай, благополучно достиг своей родины в княжестве Сендай и живет там, стараясь (и небезуспешно, как видно из его писем) обратит ко Христу своих родных и ближайших знакомых. Третий, Яков Урано, хотел пробраться также на свою родину в княжество Кага, но был задержан на пути в одном большом селении княжества Намбу своими родными и друзьями, которые до последнего времени, когда я имел сведения от него, не хотели выпустить его, пока он не передаст им о христианской вере все, что сам знает. К тем семи человекам, о которых я извещал тогда высокопреосвященного митрополита, как о имеющих сделаться христианами, прибавился еще один. Из них два молодых человека, которые начали тогда учиться русскому языку с тем, чтобы посвятить потом свое знание служению вере, как подданные сендайского князя (объявившего себя в то время противником партии южных князей, занимавшей Хакодате) должны были, вскорости же после того, вместе со всеми сендайскими, оставить Хакодате. Я боялся, что вдали от меня они забудут те немногие уроки, которыми воспользовались; но опасения мои, по крайней мере, на счет одного из них, по фамилии Кангета, оказались совершенно напрасными. Так как северные князья положили оружие пред южными вопреки

желанию большинства своего народа и своих войск, то из последних, кто только мог, примкнул к Инамото и переправился на Эзо; в числе последних оказался и Кангета. Тотчас же по прибытии в Хакодате, он явился ко мне, в форме полкового адъютанта, и первые его слова были: «До 25 человек из наших офицеров желают учиться вере; я передал им все, что мог». Молодой японец, среди тревог военной жизни, хранит в памяти немногие полученные им уроки о новой вере и у бивачного огня, забыв труд и опасности только что минувшего боя, говорит своим товарищам о неведомом им Боге, о тайне искупления и спасения!.. И слова его не падали на бесплодную почву; у меня были 12 из этих офицеров, т. е. все те, которые имели случай быть в Хакодате: каждый из них горит желанием продолжать начатые уроки, а некоторые изъявляли полную готовность посвятить себя делу распространения веры. Их учитель перелил в них не только все свои сведения, но и свой энтузиазм. Я оставил Хакодате, напутствуемый их сердечными желаниями, чтобы то дело, для которого я еду, возбудило в России хоть малую часть сочувствия, которое имеют к нему они: «тогда бы, — по выражению одного из них, — успех поездки был так же несомненен, как несомненно то, что Сын Божий сходил на землю».

Дело, для которого я приехал, состоит в том, чтобы просить себе по крайней мере *трех сотрудников*. Когда они будут даны, то называться ли нам миссионерами, или только причтом церкви консульства, для сущности дела — все равно, если только позволено будет нам жить в разных местах. Но, мне кажется, гораздо лучше назвать нас прямо миссионерами. В Японии, кроме моего предместника и меня, еще не было ни одного христианского священника, который бы не был миссионер, и японский народ так привык соединять с понятием о священнике понятие миссионера, что из всей империи только в Хакодате, и тут не все, знают, что может быть и священник не миссионер. Итак, относительно народа, то или другое название ничего не значит: лишь бы быть духовным лицом, в глазах народа неиз-

бежно будешь миссионером. Но относительно японского правительства различие в названии имеет значение: так как мы будем заниматься распространением веры, то мы и в глазах правительства будем те же миссионеры, как другие. Только если мы будем и называться миссионерами, наши действия будут согласны с нашим званием; если же не будем, то в наших действиях и звании будет противоречие и в нас самих двуличность. Японское правительство тотчас же поймет это и взглянет на нас не совсем лестно; между тем оно не подало никакого повода думать, чтоб оно смотрело нелестно на современных миссионеров вообще. Не лучше ли и нам быть миссионерами, как все другие, и пользоваться теми же правами, как другие?

Миссионеры должны быть образованные и развитые люди, иначе они не могут приобрести кредит между японцами. Хорошо бы было, если бы в духовных академиях нашлись желающие посвятить себя делу миссионерства; если же не найдутся, то можно удовольствоваться и способными молодыми людьми, кончившими курс семинарских наук. О добрых нравственных качествах я и не говорю: без них миссионер немыслим.

Миссионеры могут быть монахами, женатыми или не женатыми священниками, даже, на первый раз, пока научатся языку, светскими людьми, как кто пожелает; это для сущности дела не составит большой разности. Но непременным условием, без которого никто не может быть отправлен в Японию в качестве миссионера, должна быть поставлена решимость посвятить всю жизнь на служение православной вере в Японии. Было бы несчастием, наприм., если бы миссионер, проживши 5 или 10 лет, соскучился Японией или соблазнился желанием получить высшее место, большее жалованье, и оставил страну. Такие перемены нигде не могут быть так чувствительны, как именно в Японии, где по крайней мере, 5 лет нужно употребить для изучения разговорного языка, и по крайней мере 10 — для изучения письменного. Женатых миссионеров, обя-

занных заботиться о воспитании своих детей, это условие не может смущать: теперь пути сообщения так хороши.

Жалованье миссионеру, по дороговизне всего в Японии, никак не может быть положено меньше двух тысяч рублей, при обеспеченной квартире.

Четыре миссионера должны поселиться в 4-х разных пунктах, именно: в Нагасаки, где колыбель христианства в Японии, в Иокохаме, или в самом Едо, бывшей столице сёгунов и теперешней восточной столице микадо; в Хёого, близ Мияко, столицы микадо и центра самой населенной части Японии, и, наконец, — в Хакодате, где теперь находится Русское консульство и есть церковь и откуда удобно действовать на северную часть острова Нипона. Тот из миссионеров, который останется в Хакодате, будет вместе с тем и священником консульства. При консульстве же имеет оставаться и псаломщик. Миссионеры в Нагасаки, Едо и Хёого могут быть в первое время без церквей; но дома для них необходимо построить теперь же: на это потребно, по крайней мере, по три тысячи рублей для каждого. В первый год, пока дома будут построены, им нужно нанимать квартиры, на что потребуется, считая, что квартиры будут до последней возможности скромные, тысяча рублей для троих.

Лет в пять новые миссионеры научатся японскому языку, а я успею перевести самое необходимое из богослужебных книг. Тогда же, быть может, найдется возможность построить небольшие церкви и в прочих трех пунктах. (Если же консульство переведется в Хёого или в Иокохаму, то в одном из пунктов постройка церкви, по всей вероятности, войдет в общий план постройки консульства, что значительно сократит расход собственно на миссию.)

Таким образом мы все будем в состоянии начать совершение богослужения на японском языке. Если к тому времени дана будет свобода вероисповеданий, то служба может совершаться при помощи японцев; если же нет, то от времени до времени псаломщик может отправляться поочередно в то или

другое место для службы, или сами миссионеры с этою целию посещать друг друга. При непрерывном пароходстве и при недалекости расстояний эти поездки весьма легки и в денежном, и во всяком другом отношении.

Четыре человека, разумеется, — очень малое число для распространение веры в 35-миллионной империи. Но они мало-помалу могут образовать каждый для себя помощников из туземцев; если каждый из них приобретет себе 5 катехизиторов, то уже будет 25 проповедников, число не совсем незначительное, а его можно постепенно удвоить и утроить. Катехизаторы, конечно, могут действовать не иначе, как под непосредственным руководством миссионера: послать их далеко, для самостоятельной деятельности, нельзя. Но миссионеры могут со временем найти способных мальчиков из туземцев, научить их русскому языку, попросить (и, верно, для этого не найдется препятствий) воспитать их в духовных заведениях в России, так чтобы они могли сделаться священниками. В них миссионеры уже приобретут себе собратий, равных им во всем и способных действовать самостоятельно. Таким образом, маленькое общество из четырех человек может мало-помалу разрастись и сделать, если Богу угодно будет, многое.

Итак, для основания Духовной миссии в Японии нужны:

- 1) трое молодых человек с богословским образованием;
- 2) десять тысяч рублей единовременного расхода для устройства помещения им;
- 3) шесть тысяч рублей ежегодно на содержание их.

Обращаюсь к вашему превосходительству с усерднейшею просьбою: окажите ваше содействие к основанию этой миссии.

Настоятель Японской Консульской церкви,
иеромонах Николай.

1869 г. Июля 12.

Имена и реалии в письмах свт. Николая

Круг лиц и событий, упоминаемых в письмах свт. Николая (Касаткина), прямо или косвенно связан с его миссионерской деятельностью. Это тот исторический фон, на котором изображена икона русского миссионера свт. Николая Японского. Время, однако, неумолимо выедает краски истории. Реставрационный материал, восстанавливающий ее, или скуден, или разрознен, или недоступен (особенно это касается информации о японцах). Потому мы и решили создать краткий справочник обо всех именах и фактах, фигурирующих в публикации. Важность такого «персонального» словаря самоочевидна по нескольким причинам: во-первых, он в общем освещает забытые страницы истории православного миссионерства, во-вторых, в частности, знакомит с деятельностью Русской миссии в Японии и ее основателем свт. Николаем, в третьих, живыми примерами указывает всем ищущим истины на непреходящие ценности христианства. В некоторых случаях мы сознательно насыщали галерею исторических событий и портретов для наглядности и просвещения в области школьного образования и межконфессиональных отношений, что само по себе всегда актуально и лишний раз служит делу обогащения ищущего Истины человека.

Алтайская миссия. Субъективно возникновение Русской миссии в Японии связано с личностью одного человека — свт. Николая (Касаткина), однако объективно рождение Японской

церкви стало возможным ввиду внутривосточной миссии среди нехристианского населения в XVIII–XIX вв.

Религиозная политика Петра I и Екатерины II привела к усилению позиций ислама в Казани (императрица разрешила, например, открывать медресе для подготовки татарских мулл). Результат не заставил себя ждать – в 1827 г. несколько тысяч новокрещенных татар из 6 уездов Казанской губернии подали прошение Николаю I о разрешении вернуться в ислам. В том же году поступило сообщение о том, что 4 тыс. новокрещенных христиан из мордвы, вотяков и черемисов совершили во главе с шаманом языческий ритуальный обряд. Император был шокирован услышанным, естественно, отклонил прошение татар, а от Св. Синода потребовал энергичных мер по улучшению положения православия в Поволжье. В 1828 г. для решения возникших проблем в Казань был назначен архиепископ *Филарет (Амфитеатров)*. В ходе расследования он выяснил, что число отпавших в Казанской епархии составляет на самом деле 342 тыс. человек. Главной причиной отпадения, по его мнению, стало незнание духовенством языка новокрещенных: людей крестили «конвейерным» способом, без «оглашения», не объясняя сути христианства. Архиепископ Филарет издал особые «Правила» о миссионерской деятельности, где во главу угла ставилось не количество крещенных, а качество их подготовки к принятию христианства. Духовенству также предписывалось знание языка крещаемых. В 1828 г. Св. Синод потребовал у Казанского архиепископа Филарета и у Тобольского епископа *Евгения (Казанцева)* проекты специальных учебных заведений для подготовки миссионеров. Синод так же приказал ни в коем случае не посылать в приходы инородцев-священников, не знающих туземного языка. Но несмотря на все меры, а со стороны государственной власти откровенно полицейские, отпадение татарского населения в ислам продолжалось. Продолжалось, впрочем, до тех пор, пока викарным епископом в Казани не стал еп. *Гурий (Карпов)*. Он много лет работал в Пекинской

миссии и имел богатый миссионерский опыт. В миссионерской работе с татарами достойную партию ему составил директор Казанской семинарии, профессор *Н. И. Ильминский*. В то время профессура исламского отделения Казанской Духовной академии, к которой принадлежал Ильминский, довольно скептически относилась к жестким мерам правительства по руссификации татар Поволжья и сопровождавшему их «ура»-миссионерству в среде «серого» духовенства. Они считали, что давление на мусульман и миссия, составленная из простых и пассивных приходских батюшек, — «безнадежное дело, напротив, для успеха нужно много тщательно подготовленных, профессиональных миссионеров». Так стала складываться программа обучения миссионеров-профессионалов, что вскоре привело к обновлению миссии в Поволжье. Возрождение в Казани привело к оживлению интереса ко всему западносибирскому региону, в котором проживало большинство тюркских народностей, подпадавших под влияние ислама. Тобольский архиепископ Евгений (Казанцев), ознакомившись с положением православных дел в Поволжье, сделал вывод, что жителям Алтая также грозит опасность и их желательно заново надо просвещать светом Христовым. С этой целью в 1830 г. им была открыта Алтайская миссия. Кадры для нее владыка Евгений стал искать в европейской части России. На его-то призыв и откликнулся архимандрит Глинской пустыни *Макарий Глухарев* (1792–1847). Выпускник СПб. Духовной академии, он вначале избрал для себя путь ученого и, очевидно сделал это не без влияния свт. Филарета (Дроздова), его духовника¹. В начале о. Макарий преподавал и был даже ректором Костромской семинарии, но вскоре, увлекшись учением старца Паисия Величковского, решил углубить свою ученость аскетической традицией «умного делания». Из Глинской пустыни, где он оказался

(1) *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 187.

в момент миссионерского призыва архиепископа Евгения, он, после бесед с преп. Серафимом Саровским и с благословения свт. Филарета, прибыл в Бийск. Здесь он решил возродить древнехристианскую традицию проповеди — стал обращать в христианство местных язычников — алтайских кочевников. Несмотря на скудные средства, выделяемые Св. Синодом, Алтайская миссия медленно, но верно, пошла по тернистому пути, ставшему впоследствии эталоном для многих русских миссионеров. Как пишет современный историк, Макарий и его товарищи «едва ли могли бы выполнить свои обязанности, не будь частных денежных вспомоществований и подарков в виде богослужебных книг и утвари; однако материальные трудности не мешали их бескорыстному служению, которому миссионеры отдавали всю душу. Макарий не измерял свои успехи количеством обращенных и не старался поразить Святейший Синод числом крещенных <...> Он стремился к воспитанию тех, кого крестил, в истинно-христианском духе и отвергал обычные методы обращения с помощью денежных премий и льгот. После крещения он часто посещал новообращенных и надолго оставался в духовном общении с ними»¹. В 1836 г. отец Макарий составил и отправил в Синод послание, в котором он изложил подробно свои миссионерские методы, которые он приобрел в ходе работы с язычниками. Синод, к сожалению, остался равнодушным к этому документу, что в какой-то степени развязало руки миссионерам. В день возвращения отца Макария из Алтая в Россию его «малое стадо» насчитывало всего 678 взрослых человек. Это были бывшие кочевники, с христианским образом мыслей принявшие оседлый образ жизни, во главу угла ставившие регулярное посещение православного храма и заботившиеся о христианском образовании своих детей.

После преп. Макария Алтайской миссией руководил до

(1) Смолиг И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. М., 1997. С. 244.

1866 г. протоиерей *Стефан Ландышев*. Благодаря его деятельности был увеличен штат сотрудников и значительно улучшено финансирование миссии со стороны Св. Синода. В 60-е годы были сделаны важные переводы на алтайский язык: апостолов Нового Завета, литургии Иоанна Златоуста, чина крещения. В 1865 г. Св. Синод разрешил совершение служб на местных языках. Отец Стефан добился и улучшения положения новообращенных христиан и в социальной сфере: миссионерские поселки получили юридический статус крестьян. К 1866 г. число алтайских христиан уже достигало 5 тысяч.

Новая эпоха в истории Алтайской миссии наступила после того, когда ее возглавил архимандрит *Владимир (Петров)* — достойный продолжатель дела отца Макария Глухарева. Бывший инспектор С.-Петербургской Академии начал свою миссионерскую деятельность с учреждения в СПб. Миссионерского общества для содействия Алтайской и Забайкальской миссиям. С разрешения Синода оно было открыто для Алтая 21 ноября 1865 г. и носило название *Миссионерского общества для содействия распространению христианства между язычниками*. Его основным спонсором стал печально известный алтайский купец А. Мальков, из-за интриг которого уже в 1869 г. Общество пришлось распустить. В этот сложный период становления всего российского миссионерского движения (1868–1870) о. Владимир часто ездил в СПб., где и сблизился с иеромонахом Николаем (Касаткиным), приезжавшим в Россию ходатайствовать об открытии в Японии духовной Миссии¹. В Москве же, с 1868 г., начальник Алтайской миссии постоянно находился в свите новопоставленного митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) — апостола Америки. В итоге Миссионерское общество было, «не без крови», воссоздано в январе 1870 г., причем его управление свт. Иннокентий перенес в Москву. С этого времени оно оказалось под

(1) ГПБ. Ф. 573. СПб.ДА. А. I. 318. Л. 11.

началом Св. Синода, председательством Московского митрополита Иннокентия и попечительством императрицы Марии Александровны. Официальным праздником Общества был установлен день памяти св. равноапостольных Кирилла и Мефодия (11 мая)¹.

Несмотря на беды, сопровождавшие миссионеров на их нелегком пути, деятельность Алтайской миссии продолжалась и идеи отца Макария проводились в жизнь. Архимандрит Владимир, как и его предшественники, готовил инородцев к принятию христианства постепенно и основательно, не забывая при этом об укреплении материальной базы миссии. С этой целью им был открыт свечной завод при Увальском монастыре — детище преп. Макария (Глухарева). Кроме этого им была создана сеть сотрудников Алтайской православной миссии в столицах — Москве и Санкт-Петербурге. Одним из них, к примеру, был настоятель Спиридоновской церкви в Москве протоиерей *Николай Дмитриевич Лавров*. Из светских лиц также нашлось много сочувствующих святому делу Миссии. Так, после открытия Общества в Москву на имя свт. Иннокентия пришло письмо от Марии Михайловны Киселевой, жительницы Пензы: «Мы все, истинные христиане, радуемся, что вы теперь во главе духовной Миссии на Алтае, и я читала в газетах ваше воззвание к Москве (о сборе пожертвований для Миссии. — *Р. Ц.*). Сделайте его ко всей России: она вам откликнется на ваш призыв. Вы наш северный апостол, вас мы знаем»². Г-жа Киселева пожертвовала на дело Алтайской миссии 10 тысяч рублей, с тем чтобы эти деньги переведены были

(1) *Курляндский И.* Свт. Иннокентий и основание православного Миссионерского общества в Москве // *Альфа и Омега*. № 2(13). 1997. С. 218.

(2) *Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 708.

в процентные бумаги и проценты с них, как она сама выразилась в письме к митрополиту, «после смерти моей и вашей не могли быть употреблены, кроме Алтайской миссии»¹. Так, трудами известных и безымянных жертвователей, в сумме с доходами от свечного завода, стало возможно обеспечить нормальную работу не только бийской школы катехизаторов, но и типографии, в которой печатались богослужебные книги и учебники на разных языках, больницы, детского приюта и т. д. По заветам отцов Макария и Стефана, архим. Владимир, несмотря на сопротивление калмыцкой племенной верхушки, продолжал внедрять среди новообращенных христиан оседлый образ жизни. Ему удалось к концу XIX в. записать жителей всех алтайских миссионерских станом в крестьянское сословие. О кропотливом труде по решению этой задачи сам он вспоминал так: «Здесь, на Алтае, с трудом пробираясь верхом на коне, ища заблудших овец стада Божия, миссионер в течение целых суток, и то не всегда, может встретить едва несколько душ, со своими одиночными юртами запрятавшихся то в глубине лесной, то на удаленном от проезжей тропы нагорном скате. В других миссиях селения инородцев бывают окружены или смешаны с русским христианским оседлым населением, чем значительно облегчаются действия миссионеров по обращению язычников в христианство и попечению о новообращенных. В Алтайской же миссии только окраины ее граничат с русским населением, но и оно, большею частью раскольниче (староверы. — Р. Ц.); а церкви приходские в большом отдалении, — так что исключительно на миссионере лежит попечение не только об обращении язычников, но и об исполнении обязанностей приходского священника для новокрещенных»². Несмотря на трудности, о. Владимиру все же удалось во второй половине XIX в. не

(1) Барсуков И. Иннокентий, Митрополит Московский... С. 708.

(2) Рункевич С. Владимир (Петров), архиепископ // Православная богословская энциклопедия. Т. 3. Петербург, 1902. С. 573.

только крестить многих язычников, но и основать для них 19 поселений, добиться льгот (освободить новокрещенных на три года от налогов), запретить селиться в миссионерских станах раскольникам и сектантам, построить более 30 зданий для Миссии, 10 из которых были начальными школами и т. д. По словам очевидца, «на всякого путешественника, да и вообще свежего человека, заехавшего на Алтай, миссионерские школы производят умилительное впечатление. Спросите ли вы молитву — ученик или ученица чинно встанет с места, благоговейно обратится лицом к иконе, положит крестное знамение и прочитает молитву с чувством, действительно молясь; попросите ли прочитать из Евангелия — вам прочтут с благоговейным одушевлением, как действительное слово Божие. Церковное пение также процветает в миссионерских школах»¹. Кроме непосредственного каждодневного миссионерского подвига (за 18 лет служения в Миссии он самолично крестил 408 человек), в деле Миссии архимандрит Владимир смотрел и в будущее — уделял много времени тщательному подбору кадров. Для повышения квалификации и обучения передовым миссионерским методам Н. И. Ильминского он послал иеромонаха Чулышманского монастыря Макария (Невского) в Казань — академический центр изучения этнографии, религии и языкознания тюркских, финских и монгольских народностей, населявших Россию. Здесь о. Макарий работал над изучением грамматики алтайского языка и в 1868–1869 гг. издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг. После возвращения со стажировки «молодой специалист» вместе с начальником Миссии о. Владимиром кардинально перестроил всю систему школьного образования в Алтайской миссии. В учительской семинарии и катехизационной школе отныне миссионеров стали обучать по методу Ильминского².

(1) Там же. С. 575.

(2) Смолиг И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. С. 246.

Миссионерской основой этого метода было изложение христианских истин на понятном для новокрещаемых языке. Как ни странно, но именно проповедь на родном языке, по мнению Ильминского, могла соединить бывших язычников с коренным православным русским населением. Одно не могло быть без другого. Будучи тонким знатоком восточной культуры ислама, Ильминский считал, что, как в теле человеческом, в общем его устройстве, имеются частные особенности, связанные с географией, климатом и материальными влияниями на организм, так и в душе человека есть частные особенности, которые мы обычно именуем *национальными*. Нравственные критерии, при общем сходстве у всех христиан, у каждого народа имеют и свои особенности. Своеобразно проявляется у разных национальных групп богопочитание, молитва, благотворительность, почтение к родителям, старшим, вежливость и проч. По мнению Ильминского, эти религиозно-нравственные особенности можно формировать под влиянием семьи, национальной культуры («общества»), государства и церкви¹. Поэтому большое внимания в школах Ильминского старались уделялось регулярности и непрерывности занятий («системе»), смежной специализации учителей (катехизаторы—псаломщики), раннему усвоению детьми литургического чина церкви и участию их в богослужении. С последней четверти XIX в. лучшие ученики учительской семинарии и школы катехетов продолжали свое образование в Казанской семинарии, в которой, по завершении, они, как правило, принимали священнический сан. Такая политика Алтайской миссии привела к тому, что к 1914 г. на территории Алтая служили священниками, в основном, выходцы из коренного населения, приходы были снабжены основными переводами богослужебных книг, в ходу были дифференцированный (с учетом местных диа-

(1) Шестун Е., *свящ.* Православная педагогика (исторические психолого-педагогические очерки). Самара, 1998. С.306.

лектов) алтайско-русский словарь и обширная справочная литература по этнографии Алтая, составленные членом Миссии протоиереем В. Вербицким; материальное обеспечение школ и приходов взяли на себя попечительские советы, составленные из местных жителей. Поселковые церкви постоянно снабжались христианской литературой — катехизисами, справочниками, объясняющими смысл Св. Писания и богослужения, сборниками житий святых. В 1880 г., в честь 50-летия Миссии, ее руководитель, архимандрит Владимир (Петров), был рукоположен в епископа-викария, а через три года возглавил всю Томскую епархию.

С 1884 по 1891 г. Миссию на Алтае возглавлял архимандрит *Макарий (Невский)*. Родом из Владимирской губернии, из семьи пономаря, он, по окончании Тобольской Духовной семинарии, в 1854 г. связал свою судьбу с Алтайской миссией. В 1884 г. его поставили викарием в Бийск, а в 1891 г. — епископом Томским (с 1906 г. — архиепископом). Епископство не помешало его основному призванию — Миссии. Во время русско-японской войны владыка Макарий стал на какое-то время сотрудником Японской миссии. В дневниках свт. Николая (Касаткина) есть следующая запись: «От секретаря Совета Миссионерского общества Н. П. Комарова получено [известие], <...> что Преосвященный Томский Макарий просил у Миссионерского общества японских книг для японских пленных, поселенных в Томске, из которых есть (по газетным известиям) уже принявшие там православие, и что ему послали несколько подходящих книг из тех, которые я присылаю Обществу»¹. У имевшего разносторонний миссионерский опыт свт. Макария сложилось глубокое, основанное на опыте, убеждение на дело христианской проповеди в пределах Российской империи и вне ее. В «Отзывах» архиереев о готовившей-

(1) Дневники святого Николая Японского. Издательство Хоккайдоского университета, 1994. С. 548; далее — Дневники...

ся церковной реформе (напечатаны в 1906 г.) свт. Макарий писал о противоречиях, возникающих между христианской миссией и государством: «Относительно Миссии среди инородцев нужно сказать, что, кроме целей чисто церковных, эти Миссии иногда преследуют и цели государственные, направленные к обрусению инородного населения. *Смешанность целей не может служить на пользу миссионерскому делу* (курсив наш. — Р. Ц.). Особенно невыгодна она там, где Миссия действует по отношению к инородцам, у которых уже пробуждено или пробуждается национальное самосознание и где наблюдается некоторое недоверие и нерасположение к русским. В этих случаях Миссии могут потерять в успехе своего святого дела, если будут настойчиво проводить посторонние им цели. <...> В частности, по отношению к Алтайской миссии было бы в высшей степени важно и желательно, чтобы представители местной светской власти, не вмешиваясь во внутренние дела Миссии, нигде и ни в чем не препятствуя духовно-просветительскому влиянию Миссии, со своей стороны усилили заботу о лучшем устройении быта инородцев в правовом и экономическом отношениях, а также об ограждении их земель и владений от вторжения и захвата со стороны русских поселенцев»¹. Перефразируя протоиерея Георгия Флоровского, можно сказать, что государство в делах Алтайской миссии не стало для церкви легким и удобным союзником и партнером². Отголоском противодействия государственных чиновников миссионерскому делу на Алтае были сочувственные реплики в одном из публикуемых писем свт. Николая к архиепископу Макарию от 16 января 1910 г.: «До боли сердечной прискорбно

(1) Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 3. СПб., 1906. С. 380 и след. Цит. по : Смолиг И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. С. 207-208.

(2) Флоровский Г., прот. Империя и пустыня. Антиномии христианской истории // Догмат и история. М., 1998. С. 264.

знать, что русские православные чиновники мешают миссионерскому делу так же, как неверующие иудеи мешали св. апостолу Павлу. Что за аномалия! В России могут твориться такие безобразия. Вот о чем на миссионерских съездах надо громко кричать! Авьось, до царя дойдет, и какие-нибудь меры примут. Да, в этом отношении язычники стоят выше наших православных чиновников; здесь, в языческой стране, мы, миссионеры, от языческих чиновников не только помех не встречаем, а, напротив поощрение видим»¹. С 1912 г. свт. Макарий стал митрополитом и был поставлен на Московскую кафедру, где пробыл недолго. 20.3.1917 г. он был уволен на покой с проживанием в Николо-Угрешском монастыре. В 1920 г. патриарх Тихон даровал ему пожизненный титул митрополита Алтайского. Умер свт. Макарий 2.03.1926 г. в поселке Котельники Московской области. В 1956 г. его останки были перенесены в Успенский собор Троице-Сергиевой лавры.

Голицына Александра Николаевна, княжна, урожденная Мещерская (1867—?). Свт. Николай познакомился с ней во время своей поездки в Москву в 1880 г. (см. записи в дневнике свт. Николая за 7 апреля 1880 г.). 8 мая 1880 г., накануне дня Ангела (свт. Николай Мир Ликийских), владыке Николаю передали «три просфоры от „Лильки” Мещерской»². 18 мая того же года он сделал в своем дневнике следующую запись: «(после литургии в Златоустовском монастыре. — *Р. Ц.*) — к княгине Мещерской. Были в саду их; жарко было; для княгини, кажется, трудно было (переносить жару. — *Р. Ц.*) — так зачем не дала одним детям показать мне сад; сад — чрез дорогу от дома; в нем — большой ясень посредине, несколько ли-

(1) Ф. 573. СПб.ДА. А. I. 318. Лл. 13–13 об.

(2) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям [1870-1880]. СПб., 1996. С. 279.

стенниц, много сирени, иедская роза (шиповник). До саду дети водили показать их классную комнату. Прощаясь, обещали писать взаимно. Что-то выйдет из этой пылкой и мужественной маленькой Саши (Лильки), которая учит старшего брата, боящегося стрелять, ездить верхом, возиться с деревенскими бабами и прочее?». На следующий день, 19 мая, свт. Николай пишет в дневнике, о том, что «встретил <...> детей князя Мещерского, пришедших проститься, — едут в село Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии. Саша принесла от кого-то восемь рублей, и дала — видимо, свой молитвенник — Павлу Ниццума, а мне — медальон с изображением святого Николая и святого Сергия. Жаль было расставаться с милыми детьми. После них грустно стало. Княгиня была также проститься, но не застала. За детьми приехал (ее) старший сын, Александр. <...> В восьмом часу был князь Николай Петрович Мещерский, только что проводивший своих на железную дорогу; они прислали его с их приветствием, особенно Александра. Князь приглашал также в Дугино; приглашал на завтра и на экзамен в Первую мужскую гимназию <...> (22 мая 1880 г. пришел) князь Александр Николаевич Мещерский с гувернером; (передавал) поклон от княжны Александры Николаевны <...> (8 июня 1880 г., перед отъездом свт. Николая в СПб. — Р. Ц.) пришел прощаться едущий на каникулы в Дугино молодой князь Мещерский, Александр, воспитанник лицея цесаревича Николая. Послал с ним фотографические карточки, только что принесенные (от московского фотографа Шимановского. — Р. Ц.) его матери и сестре Саше»¹.

Детское Миссионерское общество. Идея создания такого общества возникла у свт. Николая в 1880 г., возможно, под впечатлением посещаемых им учебных заведений в Москве:

(1) Праведное житие и апостольские труды... С. 279, 289, 290–291, 297, 320.

«(3 мая 1880 г.) в семь часов вечера был в Никольском (Николаевском. — Р. Ц.) сиротском институте на Всенощной <...> После Всенощной все пятьсот тридцать воспитанниц пожела-ли взять благословение. Давка. В залу. Маленькие удалены были. Большие взяли благословение. Маленькая речь — о детях, сидящих во тьме; слезы близ сидящей. К начальнице. Воспитанницы наносили пожертвований до двадцати семи рублей восьмидесяти копеек. Просили быть еще <...> Милые русачки! Да ободряет меня воспоминание о вас на чужбине! Вернувшись с Преосвященным Алексием, у него в кабинете пересчитал деньги, собранные воспитанницами, и медные и серебряные положил взять в Японию — раздарить нашим воспитанницам на память о их русских сестрах <...> (14 мая 1880 г.) после обеда были (депутаты. — Р. Ц.) с пожертвовани-ем от учениц Первой гимназии (сто двадцать пять рублей) и Четвертой (сто пятьдесят рублей) начальной гимназии. Вот трогательная-то лепта! Еще угодней вдовицы, потому что последняя может сама заработать, а эти, бедные, данное им отда-ют. Да воздаст им Бог! Прекрасный урок для юных японских христиан <...> (17 мая 1880 г.) ко Всенощной отправился, как обещал отцу Протопопову, в Николаевский сиротский инсти-тут, в воспитательном доме. Пospел к началу; воспитанницы уже все стояли бесконечными рядами; певчие пропели „Ис-полла“. Пели Всенощную превосходно <...> После службы, в зале, все приняли благословение, начиная с маленьких. Потом я поблагодарил их за пожертвование. <...> Воспитанниц тут пятьсот восемьдесят; все обер-офицерские дети, сироты <...> пили чай у инспектрисы Ю. Н. Кауфман, куда воспитанницы тоже приносили пожертвования <...> (27 мая 1880 г.) заехали в классическую гимназию мадам Фишер. Видели половину воспитанниц. Я поблагодарил их за пожертвование для Мис-сии»¹. Идея создания Детского Миссионерского общества воз-

(1) Там же. С. 273, 283, 287–288, 301.

ника 11 мая 1880 г., в день св. Кирилла и Мефодия, после общего собрания Московского Миссионерского общества. В дневнике свт. Николая стоит и время: «...в пять часов отправился с Преосвященным Алексием к князю Мещерскому на обед. С детьми там после обеда составили Комитет для обсуждения проекта Детского Миссионерского общества. Дети Мещерских — премилые, и их много (Екатерина, Мария, Александра, София, Вера, Наталья, Александр и Петр) <...> Вечером с семи часов был у княгини Мещерской по ее приглашению третьего дня. С детьми продолжали составлять проект Детского Миссионерского общества. Провел у них вечер почти до одиннадцати часов <...> (1 июля 1880 г.) приехала графиня Орлова-Давыдова с племянницами; двенадцатилетняя Ольга Васильчикова привезла своей работы воздуши, восьмилетняя Женя пояс сшила. Обещались участвовать в Детском Миссионерском обществе вместе с Мещерскими, их родственниками. Поехал к Мусину-Пушкину. Там ждали; совместно было, что заставил дожидаться. Принимают в доме чисто породственному. Варвара Дмитриевна приготовила архиерейское облачение. Долго говорили — тоже о Детском Миссионерском обществе, в котором могут участвовать их дочери, Лиза и Таня (одиннадцатилетняя)»¹. Дальнейшая судьба Детского Миссионерского общества нам неизвестна.

Свт. Иннокентий Вениаминов (1797–1879), митрополит Московский, выдающийся русский православный миссионер. О феномене свт. Иннокентия сжато, емко и удивительно точно было сказано немецким историком миссионерства Глазником: «Аляска и Алеуты, Камчатка и Курилы, Восточная Сибирь от Лены до Берингова моря и российский Дальний Восток севернее Амура и восточнее Усури до Японского моря —

(1) Праведное житие и апостольские труды... С. 281, 309.

вот арена трудов, без сомнения, величайшего миссионера, которого когда-либо произвела Русская Православная Церковь. Юность в нищете и нужде, миссионерская жизнь, наполненная тяжелым трудом и препятствиями, старость в почете и наградах — таким был путь сибирского мальчика-служки, который умер митрополитом Московским. Ремесленник и художник, лингвист и естествоиспытатель, богослов и душепопечитель, монах и архиерей — всем этим в одном лице был Иннокентий Вениаминов»¹. Укажем, однако, основные вехи его пути. «Безотцовщина» с четырех лет; благодаря своим дарованиям, трудолюбию и здравым советам дяди диакона, будущий миссионер сумел получить семинарское образование и вступить на служение церкви в Иркутске. На ревностного священника обратил внимание епархиальный архиерей и предложил ему поехать миссионером на Аляску. О. Вениаминов дал свое согласие, после чего, по словам историка, «началась новая эпоха для миссионерства на Алеутах и Аляске, эпоха <...> Иннокентия Вениаминова, ставшего позднее Московским митрополитом»². Уже в первые годы служения на Алеутских островах он разработал свой миссионерский метод работы среди язычников. Результатами его трудов стали две книги:

1. *«Указание пути в Царствие Небесное, или Лекции для обугения новокрещенных христиан в Русской Америке»;*
2. *«Наставление священнику, назначенному для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру (в 3-х частях)».*

По своим достоинствам «Указание» является классическим миссионерским пособием, написанным простым языком

- (1) *Glazik J. Die russisch-orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Großen. Münster, 1954, S. 145. Цит. по: Смолиц И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. С. 251.*
- (2) *Смолиц И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. С. 272.*

в рамках православного катехизиса. Оно, в своем проповедническом диапазоне, подходит как для детей, так и для взрослых. «Наставление» с виду выглядит устаревшим и может заинтересовать разве что историков, но на самом деле в нем заключается тот же дух, которым пронизаны «Послания» апостолов и отцов первых веков христианства. «Вступление к первой части дает представление о подготовке к деятельности миссионера, во второй части непосредственно говорится о методах работы, о терпении, простоте, ясности и краткости, необходимых при изложении христианских истин на проповеди. Необходимы хорошие знания языка и образа жизни язычников, а также их обычаев и религиозных представлений <...> привлечение переводчика скорее затрудняет миссионерское служение, потому что он редко способен правильно и понятно изложить сказанное, а его присутствие мешает личному контакту миссионера с подопечным. Знание образа жизни инородцев очень важно в миссионерской деятельности, нельзя требовать, например, от сибирских кочевников воздержания от мясной пищи во время поста, поскольку это их основная пища (ст. 18). Нельзя требовать от крещеных строго соблюдения церковных обычаев или предписаний, потому что кочевники не могут их выполнить в силу своего образа жизни. Богослужebная практика должна, главным образом, довольствоваться совершением Божественной литургии, а богослужению всегда предшествует обучение по катехизису (ст. 17–19, б). Некрещеные имеют свободный вход на богослужения (ст. 22). Бракосочетания, совершенные до крещения, нельзя ни в коем случае расторгать, надо лишь объяснить смысл брачной и семейной жизни (ст. 20, 23). Всякая поспешность при подготовке к крещению или стремление к большому числу крещений может лишь повредить делу; крещеным нельзя дарить подарки или что-то обещать (ст. 24). Миссионер должен говорить язычникам, что пришел к ним по собственному побуждению, а не послан российскими властями

(ст. 32). Не следует ругать местные обычаи или высказывать к ним презрение, потому что кочевники очень чувствительны в таких вопросах, а их хорошие обычаи надо, напротив, поддерживать (ст. 33–36, 46, 47). Третья часть „Наставления“ содержит указания об отношении миссионера к церковному и светскому начальству»¹. Легко заметить много общего между миссионерскими концепциями свт. Иннокентия и преп. Макария (Глухарева). Причем оба самостоятельно, через Евангелие, пришли к своим миссионерским программам. Как и о. Макарий, владыка Иннокентий особое внимание уделял переводам, стремясь к тому, чтобы богослужение и молитва у туземцев совершались осознанно. За 40 лет он перевел часть Евангелия и Апостола, молитвы и проч. До 1859 г. свт. Вениамин проповедовал Слово Божие среди колошей, коряков, чукчей и эскимосов, после чего был возведен на Московскую кафедру, где, оставаясь себе верным, возглавил Миссионерское общество.

Первое знакомство между апостолом Америки и апостолом Японии состоялось в сентябре 1861 г., когда свт. Иннокентий путешествовал из Сахалина на Камчатку и остановился в порту Хакодате. Своему сыну о. Гавриилу он тогда писал, что «я поместился в доме консула, а свита моя прививает у отца Николая. <...> Отец Николай хорошо живет, имеет до 16 человек учеников японцев. Стол имеет у консула, квартира очень хорошая и просторная»². Свт. Николай семь лет спустя предложил — тогда уже митрополиту Московскому Иннокентию — следующие воспоминания о событиях тех дней: «(от 23 октября 1868 г., из Хакодате, от настоятеля Русской консульской церкви в Японии, иеромонаха Николая). В бытность вашу в Хакодате, семь лет тому назад, вы, увидев меня с фран-

(1) Смолиг И. К. История Русской Церкви... С. 254–255.

(2) Барсуков И. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. С. 499–500.

цузской книгою, изволили выразиться (так): „Бросить бы теперь все эти книги, малополезные здесь, и приняться тщательно за изучение японского языка“. Ваш совет я свято хранил в памяти и старался следовать ему, тем более, что сознательно и обдуманно приехал в Японию с миссионерской целью. В первые годы много времени потрачено мною на испытание разных методов изучения японского языка, так как этот язык, по-настоящему труднейший в свете, долго стоит непонятною загадкою пред каждым, начинающим изучать его. Но терпение все одолевает. Раскрылись, хоть наполовину, передо мной японские книги; свободно течет, хотя и с ошибками, японская речь. Сколько возможно было, я старался преследовать и мою главную цель; успехом похвалиться не могу, но кое-что сделано; переведены на японский с китайского: 4 Евангелия, Деяния, Соборные послания, несколько посланий апостола Павла, краткая Св. История, Православное исповедание св. Димитрия Ростовского, Катехизис для оглашенных, утренние и вечерние молитвы; с[о] славянского: обряд присоединения иноверных и крещение. 18-го мая текущего года крещены три японца, после долгого обучения их в вере. Этких японцев я готовил в проповедники, но, увы! Пришел к окончательному убеждению, что на японских проповедников плохая надежда. Чтобы учить других, здесь нужно отчетливое и обширное знание христианской веры. Здесь сплошь и рядом приходится иметь дело с атеистами — мнимыми, как все атеисты на свете, но тем не менее упорно и с диалектическими тонкостями защищающими то какой-нибудь самоизобретенный жизненный дух, то Конфуциево безличное небо, то мужское и женское начало. Если же такой атеист отрешается, наконец, от своих убеждений, то он хочет знать христианство во всевозможных подробностях. Возможно ли приготовить японца так, чтобы он способен был ответить на все, — японца с отсутствием всякого фундаментального образования и, главное, навыка к систематическому усвоению чего-нибудь? На нынешнее поколе-

ние, быть может, за счастливыми исключениями, которых мне не приходилось встречать, — решительно нельзя рассчитывать. Все, чего можно ожидать от новопросвещенных Японии, это — катехизаторы, преимущественно, в среде простого народа и под непосредственным надзором миссионера. А миссионером здесь я пока один, и то частным образом. Католичество давно уже выставило здесь фаланги своих миссионеров; протестанство не отстает от него. А православие? Или мы боимся стать наряду с ними? Но не кстати православному бояться паписта, обожающего своего Папу чуть не в виду четвертого лица Св. Троицы, или протестанта, готового раздвоиться в религиозных убеждениях чуть не с самим собою. У нас денег нет и людей нет! Да когда же эта, раскинувшаяся на полсвета, семидесятимиллионная Россия найдет у себя несколько тысяч рублей и несколько десятков людей для того, чтобы исполнить одну из самых существенных заповедей Спасителя? Католичество и протестантизм облетели мир. Вот почти единственный уголок земли, где и православие могло бы принести свою чистую, непорочную лепту. Ужели и здесь православие ничего не сделает? Нет, не может быть; даст Бог! С этим „даст Бог“ я поехал в Японию; с ним ежедневно ложусь спать и просыпаюсь; оно всосалось мне в плоть и кровь; для него я семь лет бился над японским языком, чуть не ежедневно вздыхая о том, что сутки состоят не из ста часов и что нельзя все эти сто часов употребить на изучение языка. Много раз сомнение о том, будет ли какая-нибудь польза из моих трудов, закрадывалась мне в душу, и — [о] Боже! Не было ничего тяжелее этих сомнений! Много раз также меня манила на свое поле наука; японская история и вся японская литература — совершенно непочатые сокровища, стоит лишь черпать пригоршнями: все будет ново, интересно в Европе, и труд не пропадет даром. Но наука и без меня найдет себе много сынов; пусть другие несут ей в дар свои силы; мои всецело посвящены надеждам миссионерским. Я лишь с отчаяния решил бы сделаться пасынком

науки; но об отчаянии еще не может быть и речи. В июле текущего года я подал прошение об отпуске, с тем чтобы отправить лично ходатайствовать пред Св. Синодом о назначении сюда человек трех миссионеров и о переименовании меня также в это звание. Но, по приезде в Россию, я прежде всего осмелюсь обратиться к Вашему Высокопреосвященству. Вы сами посвятили делу миссионерства лучшие и многие годы вашей жизни. На чье же, как не ваше, участие могут надеяться хотящие идти вслед вам! Восток России был широким полем вашей многоплодной деятельности. Оттуда вы имели случай заглянуть и сюда (в Японию. — *Р. Ц.*) и преподать архипастырское благословение этой стране; не лишите же ее и теперь вашего благословения. Ради ее, удостоьте меня вашими советами и содействием: в них я приобрету верное ручательство за успех предприятия»¹.

Свт. Иннокентий не мог не благословить святого дела, близкого ему по духу. Интересно, что сочувствие делу православной Миссии в Японии в дальнейшем, после его смерти, завершилось символическим завещанием — его архиерейское облачение было передано свт. Николаю Японскому. Об этом есть ясное свидетельство в дневниках свт. Николая: «(11 июня 1880 г., в доме Гавриила Ивановича Вениаминова, сына свт. Иннокентия Московского. — *Р. Ц.*) просидели до половины двенадцатого, Гавриил Иванович заставил меня взять на Миссию из бывших вещей Высокопреосвященнейшего Иннокентия омофор, подушку и палицу; еще по завещанию, из вещей Высокопреосвященного Иннокентия я должен получить полное архиерейское облачение, две митры, посох, дикирий и трикирий, о чем написано в прошении Гавриила Ивановича к Высокопреосвященному Макарию (Булгакову. — *Р. Ц.*) <...> (2 июня 1880 г.) отправился в Чудов монастырь спросить завещанное от Высокопреосвященного Иннокентия. Получил

(1) Барсуков И. Иннокентий, Митрополит Московский... С. 620–622.

<...> облачение, две митры и посох; дикирия и трикирия нет (говорят, принадлежат Перервину монастырю)»¹.

Хотелось бы обратить внимание так же и на педагогическую деятельность свт. Иннокентия (в связи с публикацией писем свт. Николая), на его неослабный интерес к вопросам христианского воспитания. В 1869 г. митрополит Иннокентий в СПб. написал свою знаменитую «*Записку о воспитании*», в которой просто, но подробно изложил свой наметанный и трезвый миссионерский взгляд на религиозно-нравственное состояние русского народа в середине XIX в. и предложил средства для его улучшения. Приведем из нее основную часть:

«Нет надобности говорить, что всякий православный обязан учиться Закону Божию или знанию своих обязанностей в отношении к Богу, ближнему и самому себе; но мы хотим обратить внимание, во-первых, на то, на ком именно лежит обязанность учить народ? Обязанность эта лежит, во-первых, на родителях, потом на воспитанниках и, наконец, на пастырях Церкви.

Как ныне идет это дело вообще? Из *родителей* очень, очень немногие исполняют эту обязанность; и напротив, очень, очень многие плохо или совсем не исполняют. О *воспитанниках* и говорить нечего: всем известно, как они учат своих крестников. Итак, обязанность обучать народ Закону Божию в настоящее время лежит почти на одних только *пастырях*. А как это дело исполняется ими? Слава Богу, хотя очень мало, но есть пастыри, которые исполняют это, как только можно желать. <...> Нет сомнений, что более или менее проповеди и поучения приносят свою пользу. Но кому они приносят или могут приносить пользу? Только тем, кто умеет понимать читаемое и слышимое.

(1) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям [1870–1880]. С. 309, 311.

А если это так, — а оно действительно так, — то значит, остальная часть, и самая большая часть народа, за малым исключением, остается не только без назидания, но даже в неведении (и в каком неведении!) самых необходимых предметов веры. И это отнюдь не от того, чтобы народ наш не хотел понимать, или отвращался от слышания поучений. Нет! Простолюдины наши (разумеется, неиспорченные) желают, ищут, жаждут „слышать от божественного“. И они особенно любят слушать Жития Святых; и это, между прочим, потому, что они более или менее понимают их при самом чтении, что же касается до проповедей и поучений, читаемых в церквах кем бы то ни было, то они если и приносят пользу простолюдинам, то очень малую; а это — главное, потому, что они не понимают их; а не понимают потому, что их понятия не простираются выше и далее обыденных в кругу их предметов. И поэтому они, хотя бы и имели усердное желание, не в состоянии, не привыкли, не приучены понимать ни слов, ни мыслей, ни предметов, сколько-нибудь отвлеченных, без особых разъяснений и толкований, и то не иначе, как с многократным повторением одного и того же разными способами. А делать это и не заведено, да и неудобно при службах.

<...> (Надо) заводить училища, распространять грамотность — слышится отовсюду. Против этого никто спорить не станет и об этом давно уже заботится правительство, и земство, и даже многие частные лица. Но при этом вот что представляется:

1) Нынешние училища, не исключая и самых высших, просвещают и образуют только ум, а не ум и сердце вместе, как это известно и всем. Последнему, по-видимому, противоречит то, что есть немало личностей, кончивших курс в училище, которые, по своим нравственно-христианским качествам, составляют наше украшение, нашу надежду, нашу славу. Но вопрос: в училищах ли они приобрели таковые качества? Конечно, нельзя утверждать, чтобы совсем не было личностей, ко-

торые получили образование ума и сердца именно в училищах; но если рассмотреть внимательно, то окажется, что самая большая часть из таковых личностей, если не всецелое, то начало образования сердца своего получили в детстве от своих родителей, или кого-либо своих родных и близких.

Следовательно, надежда на исправление нашего народа в нравственном отношении посредством училищ очень слаба.

В училищах вообще учат только знать, а исполнять... предоставляется всякому на его волю. Прибавим еще: в училищах Закон Божий преподается не один исключительно, но в числе и наряду с другими предметами; и оттого в понятиях учеников уроки по Закону Божию и уроки по другим предметам ставятся в один уровень (а иногда, пожалуй, и ниже), и понятия эти в большей части учеников, к сожалению, остаются с ними на всю жизнь их. И оттого нередко можно видеть, что иной, не учившийся Закону Божию в училищах, исполняет его лучше и вернее, чем учившийся; а если он и не исполняет, то сознает и/или готов сознать себя преступником воли Божией (а это очень много значит в отношении к будущей жизни), а иной учившийся, напротив, старается оправдывать себя разными умствованиями, которые, к сожалению, сообщаются от них другим, — на соблазн.

2) Положим, что преподавание Закона Божия в училищах (со временем) будет достигать своей цели; но много-много лет пройдет до того <...> А между тем порча нравов протачивается во все слои народа, и пагубные умствования цивилизаторами разносятся далее и далее... И потому, если мы не хотим, <...> чтобы народ наш дошел до крайнего растления, то что-нибудь да надобно делать. <...>

3) И наконец, надобно вспомнить, что в училища могут поступать дети не моложе 7–6 лет. Следовательно, и при существовании повсюду училищ и при самом лучшем их устройстве, еще очень много детей могут оставаться без всякого образования. Что же делать с детьми меньшего возраста? <...>

(А) этот-то возраст и есть самое золотое время для сеяния и укоренения в них всего доброго, а также и всего худого. Само собой разумеется, что сердце человека, как и поле, не может оставаться навсегда без растений. Если в нем не будут сеять добрых растений, в нем непременно вырастут худые...

Говорят, забота об этом есть дело собственно родителей (а о воспитанниках уже и не поминают). Общество тут ничего не может сделать. Да! Общество не может, а родители не хотят или тоже не могут. Но может церковь, — это любвеобильная мать, приемлющая на свои руки всех детей от самого рождения. Церковь и может и должна заботиться об этом.

Прежде нежели мы будем говорить о том, кто должен учить, чему, когда, где и проч., — мы скажем, *во-первых*, что дело это, т. е. дело обучения малых детей знанию их обязанностей (или, будем называть проще) Закону Божию, — совсем не так трудно, как может представляться иному с первого взгляда. Оно так просто, что за него может приняться даже всякий сколько-нибудь рассудительный служитель церкви; ибо он будет иметь дело не с учеными или с мудрыми и разумными, а буквально с младенцами, следовательно, предметы учения должны быть самые простейшие, доступные понятиям их; речь и слова должны быть также простые, безыскусственные. Словом сказать, это должна быть беседа отца с детьми и, можно сказать, наедине. *Во-вторых*, заведение таковых (назовем) бесед с детьми, говоря вообще, не потребует никаких издержек ни с чьей стороны и ни на какие предметы; и притом таковые беседы могут быть открыты тотчас же и повсюду, где только есть церковь и священник и, можно сказать, без отвлечения последних от исполнения других их обязанностей.

Кто должен учить детей?

Из предыдущего можно видеть, что это есть прямое дело приходских священников; ибо учить прихожан есть одна из трех главных их обязанностей, приемлемых ими на себя при самом рукоположении, под страхом суда Божия. Но всякий ли

из нынешних священников может приняться за это дело и вести его как следует? Вести как следует дела сколько-нибудь важные могут очень немногие из принявшихся за них и даже специально приготавливавшихся к тому. Но из этого не следует, что и не надлежит предпринимать таких дел. При начатии нового дела и самый умный может встретить недоумение; так будет и здесь. Но это будет только при начале дела и для тех, кто никогда не занимался детьми. Опыт, примеры, советы и руководство старших скоро направят дело.

Кого или каких детей угить?

Если на это дело смотреть как следует, то ни одно христианское дитя не может быть увольняемо от обязанности слушать наставника духовного, даже несмотря на то, хотя бы некоторые из них обучались в училищах или дома; но, принимая во внимание, что таковые уже учатся Закону Божию, их можно увольнять. А затем все без исключения дети, начиная от 4[-х] или 5-летнего возраста и выше, обязаны посещать детские беседы.

На вопрос: не рано ли заставлять четырехлетних детей посещать детские беседы? — Не рано. Примером тому может служить благочестивая мать. У нее дитя трех или даже менее лет умеет изобразить на себе крест, различить икону от простой картины, читать краткие молитвы и даже более. Чем ранее внушаются детям понятия о Божественном, тем тверже укореняются в них таковые понятия и, следовательно, тем более можно ожидать от них добрых плодов. Особенно, если это делается с верою и в веру в благодать Божию, вразумляющую младенцев.

Чему и как угить?

Такой вопрос для отца, христиански желающего своим детям временных и вечных благ, совершенно лишний <...> То же следует сказать и о пастыре Церкви, вполне понимающем свое призвание. Но так как таких пастырей не везде можно встретить, то скажем нечто и о сем предмете.

Начинать учение надлежит именно с того, чем начинается добрая мать: например, как сказано выше, с того, как изображать на себе крестное знамение, как стоять на молитве, как входить в церковь, как в ней стоять, как класть поклоны и проч., — наблюдая постепенность и не упуская никаких предметов, относящихся к христианским обязанностям, несмотря на то, как бы они ни казались малы. Ибо и самые огромнейшие здания состоят из песчинок.

Можно почаще занимать детей чтением или рассказами о житии святых, или из Священной истории, с объяснением и нравоучением.

Конечно, как ни просто это дело, печатные руководства были бы не лишни для простых священников <...> Но (с другой стороны) кажется, ни в каком случае не следует ни требовать, ни давать каких-либо программ учения. Пусть наставники говорят, что Господь положит им на сердце.

<...> Время бесед должно быть непродолжительно: иначе дети будут утомляться и затем скучать.

Пособием к научению детей в известных случаях, вместо книг, могут служить иконы и священные изображения, которые, как известно, с этой, преимущественно, целью и были введены в наши храмы, и которые более или менее, но всегда можно найти в каждой церкви.

NB. Надобно наблюдать крайнюю осторожность в последнем случае, т. е. с иконами отнюдь не следует обходиться безразлично, так, как можно делать с картинами и особенно — с простыми картинками. <...> И картинки, на которых изображен Иисус Христос, не следует смешивать с другими священными картинами: иначе дети как раз получают понятие об иконах такое же, какое имеют о них протестанты.

Надобно не забывать, что дети малого возраста понятливее, чем мы думаем. Иногда из одного движения руки они понимают, о чем идет речь.

Дети среднего возраста умеют различать слова, серьезно

сказанные, от шуточных. Но дети малого возраста, т. е. младенцы, всякое слово, сказанное священником, принимают за серьезное; а из этого очевидно, как должен быть священник при детях осторожен в словах. <...>

1) Священники как пастыри церкви, в полном значении сего слова, имеют не только обязанности, но и право и власть не только наставлять и поучать им вверенных чад церкви, но и настоять и потому наблюдать, чтобы дети старались исполнять то, чему он их учит. Так, например, если заметит, что кто-то из учеников его, напр., неправильно изображает на себе крестное знамение, или небрежно стоит в церкви, или насмеяется над нищими, или не слушает родителей, или тому подобное, то отнюдь не должен оставлять такого без вразумления и исправления, но исправлять со всем долготерпением, кротостью и любовью и со всею осторожностью, дабы дитя не потеряло стыда; дитя, потерявшее стыд, безнадежно к исправлению и даже хуже.

2) Если где и когда, то в особенности пред своими учениками, священник-наставник должен показывать пример в исполнении того, чему он учит. Как бы священник ни убеждал, напр., изображать на себе крест правильно, но если он сам будет изображать его на себе *неистово*, как выражаются старообрядцы, то учение его и даже вразумление немного принесут пользы.

Где и когда учить?

Местом для бесед с детьми должна быть непременно церковь. Внимательные знают, какая разность между слышанием Слова Божия в церкви и между слышанием в домах. Мы верим, что в церкви, как месте освященном, благодать Божия пребывает всегда. Следовательно, больших успехов и больших плодов мы можем ожидать от учения христиански-нравственного, преподаваемого под непрерывным осенением благодати Божией, чем в каком бы то ни было доме.

Время преподавания <...> должно быть предоставлено

на усмотрение каждого преподавателя или настоятеля церкви.
<...>

Но скажем нечто на нижеследующий вопрос: принесут ли воскресные беседы всю ту пользу, какой от них можно ожидать? — Наше дело только насаждать и поливать, а выращивать — дело Божие. И быть не может, чтобы они не принесли никакой пользы, если только учащие и учащиеся будут начинать с благословения Божия. <...> Наконец, скажем, что заведение воскресных бесед, если и не скоро и не в значительной мере, но непременно послужит одним из способов к улучшению быта духовенства. Прихожанин, кто бы он ни был, не может оставаться равнодушным к нуждам своего священника, от которого он научился знанию своих обязанностей, который с детства его вразумлял и поддерживал его советами и увещаниями и проч. А когда в приходе такого священника большая часть будет состоять из слушавших его беседы, то как бы ни был беден приход, он не будет терпеть недостатка в необходимом для жизни»¹.

Кониси Масутаро, в крещении Даниил Петрович (1862–1940), выпускник семинарии при русской духовной миссии в Токио, затем — Киевской Духовной академии и Московском университете (философский факультет), кандидат богословия. В 1892 г. Кониси через философа Н. Я. Грота познакомился с графом Львом Толстым, который покорило молодого японца похвалами в адрес его образованности и эрудиции в области японской и китайской культуры. Четыре года взаимного общения (до отъезда Даниила Петровича в Японию в 1896 г.) прошли в спорах о сильных и слабых сторонах христианства, причем параллельно Лев Николаевич не забывал помогать япон-

(1) *Барсуков И.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. С. 624–633.

цу, — издал, например, в России его книгу о Лао-цзы. Для провинциала Кониси помощь и очарование личности графа оказались слишком велики. О силе личности Льва Николаевича свидетельствуют многие его современники, и не только «толстовцы», но и явные противники его учения. Как пишет в своих мемуарах граф С. Д. Шереметев, «царствование Александра III было временем расцвета трех крупных сил, воплощавших в себе целый мир идей и представлений, магически действующих силою неотразимого влияния. Я без опасения выдвигаю их одновременно. Одной из них был граф Л. Н. Толстой, другой — о[тец] Иоанн Кронштадский, третьей — Александр III! <...> Три силы эти несомненны. <...> Проникнуть в тайну [их] <...> обаяния — вопрос <...> глубокий и важный»¹. Роковым образом Даниил Петрович Кониси постепенно подпал, особенно после отъезда на родину, под влияние графа, стал сдавать свои христианские позиции, что естественно «укрепило» его дружбу с «великим» философом и писателем современности. После своего возвращения в Японию он написал Толстому следующее «признание»: «Откровенно говоря, знакомство с Вами и представление Ваше совсем переменили мои взгляды на христианство. Каждый день, вспоминая о Вас, я истинно наслаждаюсь. Правда, преподобный Николай² меня терпеть не может за мои взгляды на христианство и на жизнь, но это нисколько меня не печалит. <...> Здесь я пишу о Вас и о Ваших взглядах на христианство и на жизнь и перевожу Ваши сочинения. Уже переведены „Два старика“, „Где любовь, там и Бог“, „Крейцера соната“. В настоящее время перевожу „Смерть Ивана Ильича“ и „Религию и нравственность“, за что называют меня а ля Толстым. Засвидетельствую Вам, что здесь очень много Ваших почитателей»³. Граф праздновал победу и радовался религи-

(1) Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 574.

(2) Свт. Николай Японский.

(3) Шифман А. Лев Толстой и Восток. С. 228.

озному охлаждению («прозрению») Кониси. В ответном письме он размышлял об этом так: «Мне всегда было странно думать и казалось невероятным, чтобы такой умный и свободный от суеверия народ, как японцы, мог бы принять и поверить во все те нелепые <...> догматы, которые составляют сущность церковного христианства, как католического, так и православного и лютеранского»¹. Не без внушения и «поддержки» своего нового русского «учителя» Кониси отказался от служения церкви и вступил на путь пропаганды «новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле» (так сам Толстой характеризовал свое учение в дневниковых записях, сделанных им 5 марта 1855 г.)². С горечью вспоминал свт. Николай в мае 1903 г. на страницах своего дневника, сколько стоило ему и всей японской церкви это предательство: «Кирилл Мори <...> приходил просить об отправлении его в Академию, да как хитро!

— Я буду там на своем содержании, — говорит.

— Где же вы возьмете его? — спрашиваю.

— Одно лицо будет давать мне.

— Это так же, как Даниила Кониси? Богач Козаки, его родной, обещал содержать его в Академии и обманул, предоставив мне лично тратиться на то; и мне воспитание Кониси в России стоит около двух тысяч рублей, а он еще, вернувшись, тоже обманул — бросил службу в церкви. Не хотите ли повторить эту историю? Только я не согласен»³.

Отпадение Даниила Кониси от православия имело свое логическое завершение — он стал проповедником толстовства. Об этом свидетельствуют его многочисленные переводы про-

(1) Шифман А. Лев Толстой и Восток. С. 228.

(2) Цит. по: Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. С. 405.

(3) Дневники... С. 242.

изведений Л. Н. Толстого и книга — «Рассказы о Толстом». Так, получив высшее образование обманом, он вскоре погрузился в него с головой. В истории японской литературы Кониси известен как светский ученый, публицист, профессор университета в Киото. После него остались воспоминания о свт. Николае на русском языке: *Кониси М., проф.* Воспоминания японца об архиепископе Николае // Христианин. Т 1. 1912. Январь—апрель.

Мещерская Мария Александровна, княжна, урожденная Панина († 1903). О ней в дневниках свт. Николая (московский период) имеются следующие записи: «(7 апреля 1880 г. Дмитровский викарий епископ Амвросий (Ключарев. — Р. Ц.) послал к княгине Марии Александровне Мещерской (супруге князя Николая Петровича, попечителя учебного округа). Приняла очень ласково, познакомила со всеми детьми (старшим сыном — юношей, очень бывшем больным, младшим, хорошеньким мальчиком, и четырьмя дочерьми); говорила о каком-то Юрии Степановиче Нечаеве, <...> обещалась побудить его к жертве на Миссию. К концу моего визита подошел и князь, и был тоже очень ласков. <...> (11 апреля 1880 г.) в пять часов был у князя Николая Петровича Мещерского, согласно обещанию, — только немного опоздал. Князь и княгиня (Мария Александровна) приняли очаровательно ласково. Обед был превосходный; меня усадили на первое место — в челе стола: но есть пришлось мало, ибо нужно было говорить. <...> Дети княжны пакетик дали, в котором после оказалось десять рублей на Миссию. К сожалению, скоро нужно было уходить <...> прощаясь, дал обещание отслужить в домовый церкви Мещерского на Пасхе — в среду, двадцать третьего апреля. <...> (13 апреля 1880 г.) сказали, что ко мне приехала княгиня Мария Александровна Мещерская. Заботливая княгиня привезла на храм шестьсот рублей <...> привезла еще приборы воздухов от кого-то. <...> (3 мая 1880 г.) На столе застал букет цветов, присланных княгиней Марией Александровной Мещерской, из роз и жасмина; вероятно, дети на-

рвали в саду и сделали. <...> (4 мая 1880 г.) Княгиня Мария Александровна Мещерская третьего дня выразилась: „Стоит у вас посидеть, чтобы видеть, какие добрые люди есть; а мы думаем, что есть только дурные люди“. При ней тогда, между прочим, принесла пятнадцать рублей одна женщина и, не объясняя своего имени, сказала только: „Если милость ваша будет, помяните за упокой Михаила“. Действительно, сбор этот в Москве чрезвычайно поучителен и утешителен! Сколько и каких трогательных пожертвований было! <...> (5 мая 1880 г.) Приходили разные и приносили разное — иконы (ученица Сорокина, Вяземская), облачения (она же), утварь (дароносица для отца Сакая от княгини Мещерской), <...> дети княгини Мещерской — двести рублей от какого-то Нечаева и цветов <...> (6 мая 1880 г.) вечером была княгиня Марья Александровна Мещерская с княжной Александрой; привезли тридцать золотых от неизвестной. Сначала сидели у меня, потом поднялись к Преосвященному Алексию (Лавров-Платонов. — Р. Ц.). Княгиня хочет по подарку послать нашим (японским. — Р. Ц.) отцу Иоанну Сакаю, отцу Павлу Савабе, Павлу Нищума, чтобы они молились о ее семействе; первому уже принесла <...> (7 мая 1880 г.) Маленькие князья Мещерские, Александр и Петр, принесли дароносицу для отца Павла Савабе и кадило для архиерейского служения <...> (3 июня 1880 г.) к восьми часам вернулся, чтобы встретить княгиню Мещерскую, два раза бывшую, чтобы видеться. Приехала по поводу воображаемого клеща в глазе Пети. Что за милое семейство! Долго говорила она про сельскую жизнь, про Сергея Александровича Рачинского. <...> Ее дочери Александре, от которой получил чрез нее такое разумное письмо, послал иконку Черниговской Божией Матери, купленной в (Гефсиманском, Троице-Сергиевой Лавры?) Ските у Пещер на днях»¹. Много лет спустя, в далекой Япо-

(1) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям [1870–1880]. С. 254, 265, 269–270, 273–277, 312–313.

нии, придется свт. Николаю не только вспоминать Марию Александровну, но и поминать ее в заупокойных молитвах: «Сегодня за литургией и панихидой помянули за упокой рабы Божией Марии Александровны, княгини Мещерской (урожденной Паниной), очень благочестивой московской аристократки, с таким сочувствием отнесшейся к делу Миссии, когда я был России в 1880 г., и немало благотворившей ей, особенно чрез своих детей, из них же особенно чрез княжну Александру Николаевну, ныне княгиню Голицыну. Вчера я прочитал в „Московских ведомостях“ некролог Марии Александровны. Упокой Господи душу ее в селениях праведных, и пошли побольше России таких благочестивых людей!»¹

Мещерский Николай Петрович (1824–1901), князь, гофмейстер, попечитель Московского учебного округа (1874–1885), предводитель московского дворянства, член Совета Миссионерского общества. Свт. Николай познакомился с князем во время своей поездки в Москву в 1879 г. для сбора пожертвований в пользу Миссии. В своем дневнике святитель пишет, что «(28 сентября 1879 г.) князь Николай Петрович Мещерский принял любезно, обещал содействие; даже об отношениях между католиками, протестантами и православием, с принципиальной точки зрения, судит очень правильно — удивило меня это в аристократе»².

Мицуи, или *Мии Сюдзо* (*Митирф*), в крещении Симеон (1858–1940). В 1873 г. принимает православие, а на следующий год поступает в только что открывшуюся в Токио православную семинарию. По ее окончании Симеон Мии едет в

(1) Дневники... С. 329.

(2) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям [1870–1880]. С. 33.

Россию и поступает в Киевскую Духовную академию, где учится вместе с Д. М. Позднеевым. В 1884 г. он проводит лето под Киевом, в 1885 г. — в Крыму, в Бахчисарайском Успенском скиту, а в 1886 г. — в одном из Киевских монастырей. В 1887 г., со степенью магистра, он заканчивает КДА. Перед отъездом на родину он посещает Москву и Петербург, где встречается с обер-прокурором К. Победоносцевым. В сентябре того же года он становится профессором Токийской духовной семинарии. В 1894 г. рукополагается и становится священником. С 1903 г. он настоятель храма Пресвятой Богородицы в Киото. Во время русско-японской войны о. Симеон изъявил желание служить русским военнопленным¹. В дневнике свт. Николая об этом подвиге Симеона Мии есть целый ряд записей: (3/16 ноября 1904 г.) «Отец Симеон Мии пишет из Мацуяма, куда отправился посетить наших военнопленных, что он „чувствует себя гораздо лучше, чем Кёото, что путешествие ему хорошо для здоровья, что он просит назначить его служить у военнопленных в Нагоя, куда тоже ожидаются они“ <...> (9/22 ноября 1904 г.) Отец Симеон Мии описывает свое посещение русских военнопленных, после Мацуяма, в Маругаме и Химедзе; везде говорил им поучения и делал полезные подарки от лица христиан Кёото. Пишет между прочим: „В воскресенье (20 числа) отец Павел Морита совершал (в Химедзи) литургию. Пели так же хорошо, как в Маругаме, и даже лучше. Как здесь, так и в Маругаме, я просто тронут был тем, что военнопленные, несмотря на свое стесненное положение, приносят лепты при Богослужении“ <...> (15/28 ноября 1904 г.) В Нагоя перевели 220 военнопленных нижних чинов из Мацуяма <...> и надо озаботиться доставлением священника для Нагоя, каковым будет отец Симеон Мии, просящийся на это дело, снабжением военнопленных там иконами, книгами и прочим <...> (11/24 декабря 1904 г.) Написал отцу

(1) Дневники... С. 532.

Симеону Мии, чтобы он служил и у военнопленных в Сидзуока, и послал ему дорожные в Нагоя и Сидзуока. <...> (17/30 декабря 1904 г.) Отец Симеон Мии из Сидзуока пишет, что совершил там у военнопленных литургию, — это первая там. Все, конечно, были очень рады ему. <...> (2/15 января 1905 г.) О. Симеон Мии, отслужив в Сидзуока у наших офицеров новогоднюю службу, — в 12 часов ночи молебен, в 9 утра Литургию; поздно ночью вчера прибыв сюда (в Токио. — *Р. Ц.*), и сегодня утром явился ко мне просить, чтобы ему, кроме Нагоя и Сидзуока, поручены были и пленные, ныне из Порт-Артура поселенные в Оосака. Он чувствует, что здоровье его совсем восстановилось от этих постоянных разъездов для богослужений у пленных. Я, конечно, очень рад этому. Он, именно из наших священников, самый лучший для служения у русских, по знанию русского языка и по образованию. <...> (12/25 января 1905 г.) О. Симеон Мии пишет, что в Хаматера не 6, а уже 12 тысяч военнопленных, и ежедневно по сотням прибывается. В Тенгачае 5 000 помещено; о. Симеон уже побыл здесь, и нашел, что общественно-го богослужения для пленных совершать негде, — все помещения тесны для того; просил он начальника приюта наскоро построить отдельное здание для богослужений, в котором могло бы помешаться тысячи полторы людей; начальник дал слово удовлетворить этой нужде, если дивизионный генерал разрешит. <...> (18 февраля/3 марта 1905 г.) О. Симеон Мии пишет, что военнопленные в Тенгачае собрали между собой 250 р[ублей] и хотят на них выписать из России икону Святит[еля] Чудотворца Николая, чтобы пожертвовать, на память о них, одну из ближайших японских церквей. Какое трогательное усердие людей, самих в нужде! Еще пишет, что между пленными есть живописец, который желает написать икону в 2 аршина, и также пожертвовать Японской церкви на память. <...> Из Нагоя от о. Симеона Мии утешительное письмо: в мире и согласии с о. Петром Сибаяма он освятил, в сослужении с ним, новоустроенную временную церковь с иконостасом; потом они

вместе совершили литургию, после которой были приглашены на обед у (пленных — Р. Ц.) генералов. <...> (2/15 марта 1905 г.) Отец Симеон Мии прислал по почте в двух ящиках и двух тючках около трехсот рублей, почти все медною монетою, — пожертвование военнопленных в Тенгачая на выпуск из России иконы Святителя Николая Чудотворца для ближайшей православной церкви на память от них. Конечно, их желание будет исполнено. Какое трогательное благочестие! Сами почти неимущие и жертвуют! Да еще отец Симеон пишет: „У них дальнейшая мысль — собрать на золотой шейный крест для наследника-цесаревича“. Благочестие и преданность царю — характерные черты простого русского человека и русского воина. <...> (20 апреля/ 3 мая 1905 г., выдержки из письма пленного генерала К. Н. Смирнова): „Великое вам спасибо за то, что вы прислали сюда отца Симеона, благодаря которому мы на родном, с детства привычном нам языке выслушали 12 Евангелий и исполнили Святые Таинства исповеди и причастия, а также встретили воскресение Христово на Светлой Утрени... Благодаря неутомимой деятельности отца Симеона, который стал для нас родным пастырем, мы не испытываем оскудения в исполнении наших духовных треб. Эта пастырская забота отца Симеона, а также отца Петра примиряет наши души с настоящим нашим положением и утешает горечь нашего временного отчуждения от далеких наших храмов и церквей...“»¹.

За заслуги перед церковью в 1906 г. о. Симеон стал протоиереем. В 1912 г. он служит в Токио, а в 1917 г. участвует в работе Всероссийского Поместного собора. Умер о. Симеон в возрасте 81 года, в 1940 г.

Позднеев Дмитрий Матвеевич (1865–1942), сын священника из Орла, сначала закончил Орловскую Духовную семина-

(1) Дневники... С. 537, 538–539, 540, 547, 549, 557–558, 561, 579, 582, 586, 612–613. .

рию, потом — Киевскую Духовную академию, после — факультет восточных языков в Петербургском университете. Оставлен по окончании Петербургского университета приват-доцентом. Как знаток китайского языка выбирается делопроизводителем Русско-Китайского банка в Пекине. Во время мятежа 1900 г. участвовал в обороне Православной Миссии в Пекине, за что награжден орденом св. Владимира IV степени. В 1904 г. становится директором Восточного института во Владивостоке, но, по болезни, уезжает в Японию, где учит местный язык и работает с 1906-го по 1910 гг. в Петербургском телеграфном агентстве в Иокогаме. Перед этим, в 1905 г., он познакомился со свт. Николаем, о чем имеется соответствующая запись в дневниках владыки: «Из собора после обедни зашел ко мне директор Восточного института во Владивостоке, Дмитрий Матвеевич Позднеев с маленькой, 6 лет, дочкой Анной и гувернанткой Алисой Антоновной Глюк. Говорил, что он из духовных, учился в Киевской академии вместе с о[тцом] Симеоном Мии, рассказывал про возмущение студентов института возмутительные вещи, что они, ворвавшись к нему, мерзко ругали его и оплевали. Приехал он в Японию, чтобы несколько изучить ее, а институт закрыт. <...> После обедни зашел, с дочерью, которую приобщал к церкви, и гувернанткой. <...> Дмитрий Матвеевич Позднеев и заговорил-заговорил, причем, в ругательном тоне, так что совсем напомнил Глеба Михайловича Великовского, только у Дм[итрия] Матвеевича тема ругательности более основательная, — современная тема, забастовка института и других учебных заведений и всякая нынешняя неурядица в России. Кстати заметить, что мы с Дмитрием Матвеевичем сегодня отслужили молебен в церкви. Был в церкви (пленный. — Р. Ц.) солдат из Нарасино, Михей Николаевич Бездюгин, очень благочестивый человек, и заказал молебен. Я служил, а Позднеев, ставши на клирос, пел вместе со мной, — больше решительно некому было по незнанию русского языка. <...> На экзамене (по русскому

языку в Токийской семинарии. — Р. Ц.) был и господин Позднеев <...>, очень хваливший успехи учеников»¹. Из статьи «Смелым и сильным Бог на помощь» можно узнать также, что «Д. Позднеев приехал впервые в Японию после войны. <...> Язык он не знал. А ехал он с твердым намерением изучить Японию, понять эту страну, для чего прежде всего нужен язык. С этого он и начал, поступив в токийскую школу Мацуда для иностранцев, где учился два года. Было ему тогда 41 год и в его формулярном списке уже говорилось о таких должностях, как приват-доцента по кафедре истории востока в Петербургском университете, директора Русско-китайского банка в Пекине, директора Восточного института во Владивостоке. Все это не помешало ему проработать два года учеником в школе Мацуда, живя в японском доме и ведя знакомство только с японцами. Д. Позднеев знал китайский язык, это страшно помогло ему справиться с японской письменностью. Но зато и результат оказался исключительным, <...> прошло 4 года, <...> и за это время им издано 12 работ по Японии, <...> положено прочнейшее основание новой системы изучения японского языка, издан первый русско-японский иероглифический словарь, <...> собраны и изданы материалы по целому периоду истории отношений Японии с Россией»². В 1910 г. Дмитрий Матвеевич уехал из Японии и стал преподавателем Практической Восточной Академии в СПб. В 1913 г. он становится редактором журнала «Мир ислама». После революции Позднеев преподавал в Ленинграде — в ЛГУ, и в Москве — в Военной академии РККА им. Фрунзе. Публикуемая переписка касается дел издания Позднеевым своих японских учебников. Его письма к брату Алексею Матвеевичу Позднееву³ являются

(1) Дневники... С. 684, 689, 695.

(2) Из собрания Позднеевых Д. М. и А. М. Ф. 590. № 117: письма за 1906–1913 гг. (переплет). Л. 318–319.

(3) А. М. Позднеев (1851–1920), старший брат Д. М. Позднеева, крест-

важными документами для жизнеописания и характеристики свт. Николая. В этих письмах ясно видно, что интересы апостола Японии распространялись не только на дела японской Миссии, но также и на развитие российской науки, — на «все-стороннее ознакомление России с Японией»¹, на создании «прекрасных книг об Японии, знакомящих Россию с ее много-вековой историей и с ее настоящим бытом во всех отноше-ниях»². В своем письме от 18 ноября 1908 г. Позднеев писал бра-ту: «Перехожу теперь к своим работам. Ты уже должен полу-чить еще летом высланную тебе новую мою книгу „*Материа-лы по вопросу о нагальном изугении японского языка*” (выделено нами. — Р. Ц.). <...> Непосредственно за окончани-ем материалов я приступил к печатанию 2-й части „Токухо-на”³. Как ты уже знаешь, я просил на нее у Унтербергера денег. Заключение В[осточного] института тебе известно: по приезде Малевского⁴ в Токио у меня как раз вышла с ним об этом речь и он выразил сам желание написать Унтербергеру⁵ о том, что-

ный отец его детей, профессор монгольской словесности в Пе-тербургском университете, знаток монгольской, бурятской и калмыцкой культур, автор фундаментальных трудов «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Мон-голии в связи с отношением сего последнего к народу» (1887) и «Монголия и монголы» (1–2 тт., 1896–1898 гг.), первый директор Восточного института во Владивостоке (1899–1903), почетный член Нидерландского географического общества.

(1) Ф. 590. № 117. Л. 181.

(2) Там же. Л. 167.

(3) Книга для чтения и практических упражнений в японском языке.

(4) Малевский-Малевиг Н. А., посол России в Японии (?).

(5) Унтербергер П. Ф. (?), генерал-губернатор Приморского края, ко-мандующий войсками Приамурского военного округа, член Им-ператорского Географического общества (см. копию письма к нему свт. Николая от 1 сентября 1908 года, за № 216/7961).

бы мне было оказано пособие на издание книги. Долго не было ответа на его письмо, но наконец вчера мне дали прочитать в посольстве ответ Унтербергера, в котором последний сообщает, что у него средства на такого рода субсидии не имеются, но признавая желательным издание хорошего учебника японского языка для русских, он отсылает дело в Петербург на усмотрение и решение министра внутренних дел. В конце Унтербергер доводит до сведения посла, что В[осточный] институт относится к моим работам отрицательно.

Одновременно с этим Унтербергер прислал все же запрос архиепископу Николаю о том, желательно ли издание 2-й части „Токухона“ и пригоден ли „Токухон“ для преподавания в школах. Здесь, однако, случилась новая заковыка. Вместо того, чтобы дать от себя заключение в категорически благоприятном смысле, как он мне сам то обещал, арх[иепископ] Николай передал дело на заключение семинарии. Ректор семинарии Сенума, личность в высшей степени двуличная и вероломная (это конечно строго между нами) не передал дело на заключение всех обучающихся русских мальчиков учителей, а дал какое-то единичное заключение, которое, как мне говорили, хотя и кончается в благоприятном смысле, но предварительно указывает в „Токухоне“ наличие ошибок. Нужно к этому добавить, что этим летом Сенума был во Владивостоке и видел там Спальвина¹, с которым, по-видимому, спелся. Имеется также основание

- (1) Спальвин Е. Г. (1873–1933) — антагонист Д. М. Позднеева. По окончании Восточного факультета Петербургского университета стажировался в Токийском институте иностранных языков, а в 1900 г. перебрался в Восточный институт во Владивосток. О нем есть запись в дневниках свт. Николая за 22 мая/4 июня 1903 г.: «А в три часа <...> пожаловал „Евгений Генрихович Спальвин, исполняющий должность профессора Восточного института во Владивостоке“, как значится на его карточке, и просидел и неумолкаемо проговорил ровнехонько до десяти ча-

предполагать, что ему отнюдь не по душе успехи русских мальчиков в японском языке и что этому делу всадить палку в колесо он далеко не прочь. Во всяком случае, ни японское общество, ни японские министерства его за это не осудят. В силу этих фактов и соображений я ожидаю мало доброго от заключения Сенумы и все будет зависеть от того, снабдит ли арх[иепископ] Николай его заключение своим благоприятным для меня ком-

сов вечера. Да, по красноречию стоит быть профессором! Принес он целый ворох составленных им и отлитографированных учебников по японскому языку. Говорил весьма интересно про институт, порядки в нем, про студентов, возмущение их, крайне глупое, про Владивосток вообще. В семь часов я накормил его яичницей и напоил молоком и, надо признаться, с удовольствием все время слушал его интересные речи» (Дневники... С. 248). С Д. М. Позднеевым у Спальвина были «особые» служебные отношения: Спальвин написал разгромную рецензию «К характеристике трудов и направления г. Позднеева в области японоведения» (1908 г., разбор «Токухона»). «Дорогой мой Леля, — писал он 2 апреля 1909 г. брату, — (мой) ответ Спальвину, который вчера только получил из переплетной и который идет к тебе с этим письмом <...> написан <...> благодаря, во-первых, настроениям Арх[иепископа] Николая, во-вторых? твоему письму. <...> Не знаю, убил ли я Спальвина ответом или нет. С их организованной кликой им бороться со мною легче, нежели мне с ними, но с огромным удовольствием сообщаю тебе, что Арх[иепископ] Николай, прочитавший критику в рукописи, сказал, что она „победоносна“, а чуждый всяких комплиментов Ивасава, окончивший курс СПб. Дух[овной] академии написал мне, прочитав рукопись, так: „Уверю Вас, Д[митрий] М[атвеевич], Ваша антикритика вообще произвела на меня сильное впечатление. Всякий беспристрастный читатель Вашего ответа должен признать Вас основательным знатоком японского языка“». (Ф. 590. № 117. Л. 221.)

ментарием или нет. Если нет, то дело и здесь должно считаться проигранным. Это было бы в высшей степени обидно. Однако, так как дело пойдет на решение Столыпина¹, то, может быть, ты был бы в состоянии устроить так, чтобы был сделан запрос университету и тогда, конечно, заключение В. Я. Костылева² будет иметь решающее значение...»³. В письме к Алексею Матвеевичу от 24 ноября/7 декабря 1908 г. он писал: «Мои опасения о том, что отзыв архиепископа Унтербергеру не будет дан или будет уклончив, благодарение Богу, провалились. Из прилагаемого при сем письма ты увидишь, какой блестящий отзыв дал обо мне наш старый японолог. Не могу описать тебе, какую нравственную бодрость придал мне этот отзыв, так как при окружающей враждебности действительно легко потерять веру в себя или подумать, что ты сам преувеличиваешь свои силы. <...> Когда я приехал к арх[иеписко]пу, последний заговорил о решении <...> вопроса в мою пользу с первого же момента и расспрашивал только меня подробно о ходе работ с тем, чтобы дать отзыв. Таким образом теперь в Петербурге будут обо мне благоприятного мнения: 1) у Столыпина от Унтербергера с отзывом от арх[иепископа] Николая, 2) у Столыпина же от Малевского с тем же отзывом Николая и 3) у Шварца⁴ с отзывом

- (1) *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862–1911), председатель Совета министров.
- (2) *Василий Яковлевич Костылев* (1848–1918), приват-доцент кафедры японского языка и словесности Петербургского университета.
- (3) Ф. 590, № 117, лл. 136–138.
- (4) *Шварц А. Н.* (1848–1915), министр народного просвещения. Из копий писем Позднеева [Ф. 590, № 117] видно, что Дмитрий Матвеевич отправил 10/23 марта 1909 г. Шварцу: 2 экземпляра «Токухона, или Книги для чтения и практических упражнений в японском языке» (часть вторая), 2 экз. «Японского письмовника» и 2 экз. брошюры «Финансовое и экономическое положение Японии» (Ф. 590, № 117, л. 217). В тот же день губернатору

Николая. Мне кажется, что после этого административные круги в достаточной мере будут на моей стороне...»¹. 7 ноября 1909 г. он оповещал одного из своих знакомых об использовании его книг в учебных целях в Японии: «Что дал нам Восточный институт и его питомцы в литературе японологии? Ничего. Издают там японские тексты, по которым учатся в аудитории с репетитором. А между тем у нас нарождается спрос в ознакомлении с Японией, и по тому, как расходятся мои книжки я вижу, что обращаются только к ним. У архиепископа Николая учатся теперь 16 (русских. — Р. Ц.) мальчиков и они изучают мои: 2 „Токухона“, „Историческую хрестоматию“, „Письмовник“, „Словарь“. Следовательно, только на Суругадае (т. е. в Миссии Николая) изучаются 80 моих книжек. Недавно морской агент Воскресенский сказал мне, что он перевел Историю морских битв последней войны. „И за этот перевод с японского, — прибавил он, — я никогда бы не взялся, если бы у нас не было Вашего словаря“. <...> Завадский-Краснопольский в Петербурге в гимназии Александра III преподает японский язык по моим „Токухонам“. <...> В школах нижних чинов в Хабаровске и Харбине опять-таки пользуются моим „Токухоном“. Министерство для выработки программ преподавания японского языка руководится моими „Материалами для изучения японского языка“. В последнем номере „России“ <...> как пособия для изучения японского языка опять-таки указываются только мои книги. За четыре года пребывания в Японии я напечатал 4250 страниц, следовательно, в день по 3 страницы и это, конечно, представляет собою большой труд»².

Приморского края П. Ф. Унтербергеру был отправлен «Японский письмовник» (там же, л. 216).

(1) Ф. 590. № 117. Л. 169.

(2) Там же. Л. 303–304.

Рагинский Сергей Александрович (1833–1902), известный российский педагог и энтузиаст церковноприходского образования, «внутрироссийский» миссионер. Карьера доктора естественных наук, занятие ботаникой на европейском уровне, талант поэта (он был соавтором композитора и пианиста Ф. Листа — ими, например, сочинен гимн в честь Франциска Ассизского), труды переводчика (именно он первым перевел на русский язык сочинение Ч. Дарвина «О происхождении видов»), лекции ординарного профессора Московского университета, увлечение философией в кругу славянофилов — вот неполный перечень составляющих богатой натуры Сергея Александровича. Но все это было в один прекрасный момент отдано за евангельский бисер и сокровище, найденное на поле родового имения Рачинских села Татеево на Смоленщине. Переворот этот в жизни Сергея Александровича не был резким — об этом свидетельствуют немногочисленные московские друзья Рачинского, включая, между прочим, и графа Л. Н. Толстого. Но дороги их в 1872 г. все же круто разошлись. Как пишет биограф Рачинского, «этот аристократ духа, идеалист с глубокими научными познаниями, с философским складом мысли, с тонко развитым художественным чувством, оставил университет и столицу и поселился в родном своем Татееве», где стал трудиться в созданной им «педагогической колонии»¹. В круг интересов Рачинского с этого момента входят жизнь крестьян и проблемы церковного образования их детей. Для решения педагогических задач окружавшей его жизни хозяин Татеева строит в 1875 г. на собственные деньги школьное здание, в котором живет и работает «без выходов». В своем педагогическом аскетизме Рачинский старается совместить одновременно работу как учителя, так и воспитателя. По словам очевидцев, он проводил с учениками целый

(1) *Мироносицкий П. С. А. Рачинский и его школа // Прибавление к «Церковным ведомостям». № 21. 1910. С. 860.*

день, органично совмещая теорию с практикой, точные науки — с поэзией, любимое им садоводство — с беседами о христианских добродетелях. Школьному цветоводству Рачинский посвятил специальную статью, в которой убеждает учителей разводить цветы вокруг школы и на школьных окнах и тем воспитывать в учащихся любовь к природе, к пониманию ее роли проводника Божественного Откровения. «Датский ботаник Скоун говорил, — пишет он о школьном цветоводстве, — что где на окнах красуются цветы, в [том] доме непременно найдется и полочка с книгами. Примета эта приложима и к нашей глуши. Если не полочка с книгами, то в домике, радуящем наш взор цветами на окнах, непременно найдется на столике пред божницею Псалтирь, Новый Завет, два-три акафиста, а по разным углам — разные другие книжицы...»¹ Дух восхищения перед природой и ее религиозным содержанием у Рачинского выступает ясно в его гимнах. Один из них буквально насыщен им:

*Хвала Тебе! Твое название
Не смею я произносить. —
Но до последнего дыханья
Дерзаю я Тебя хвалить.
Хвала Тебе за неба своды,
За горы, лес, поля и воды,
За утро, юность и весну.
Хвала за каждое мгновенье
И мук и радостей земных,
Хвала за смерть — и воскресенье
В Твоих обителях святых².*

Восторженность Рачинского, однако, не переступала границ его личности и не становилась экзальтацией сектантского «гуру»: преподавание в его школе велось на строго-христиан-

(1) Цит. по: *Мироносицкий П. С. А. Рачинский и его школа...* С. 860–861.

(2) Там же. С. 861.

ских началах. Учебные предметы в его учебном заведении не были построены по принципу: «Знаний и только знаний!», — а заключались в разумных рамках православной церковности. Впрочем, и предметов сугубоцерковных было немного — библейская история, катехизис, литургика и церковное пение. Однако любой учитель, по мнению Рачинского, помимо профессиональных обязанностей, как член церкви, должен еще стать и *катехизатором*, восприемником. Главной идеей и целью педагогической деятельности учителя, считал Сергей Александрович, должно быть *оглашение* юных христиан, руководство их для Царствия Небесного. «Учитель в русской сельской школе не есть ремесло, — говорил он, — но призвание, низшая степень того призвания, которое необходимо, чтобы сделаться хорошим священником. <...> [Но] благо той школе, которая обладает законоучителем (— священником)! Она не умрет, какие бы ее не постигли внешние и внутренние невзгоды. Она пустит и глубокие корни, и широкие ветви». Священник в школе — не только учитель, но и пастырь и духовник. И это сугубое его положение связано с тем, что в таинстве священства «в числе других даров Духа Святого сообщается (ему) и благодать наставления в вере»¹. Сугубый дар священника, по мнению Рачинского, может вокруг священника сплотить всю корпорацию учителей, потому что «хороший священник — душа школы, [а] школа — якорь спасения для священника»². Анализируя школьные проблемы второй половины XIX в., Сергей Александрович пишет, что «задача школы типа шестидесятых годов, — „сделать из ребенка человека“ — абсолютно непонятна родителям наших (татевских. — Р. Ц.) школьных ребят; они основательно полагают, что дитя сделается „человеком“ и не выдавши азбуки; стремление же школы сделать из детей добрых христиан — это всякому понятно и всякому любезно, <...> [значит, школа] дол-

(1) Шестун Е., *свящ.* Православная педагогика... С. 328–329.

(2) Там же. С. 329.

жна быть не только школой арифметики и элементарной грамматики, но, прежде всего, — школой христианского учения и добрых нравов, школой христианской жизни под руководством пастырей церкви <...> [происходит это потому, что] с осложнением человеческих отношений, все большая доля обязанностей переносится на воспитателей и учителей <...> [происходит это отчасти потому, что] сила таинства крещения значительно затмевается <...> неисполнением родителями, восприемниками и наставниками принятых на себя обязательств. Ребенок растет в незнании доброй вести, в дремоте духовной. Мы видим в нем лишь отражение дурных примеров житейских, в нем разрастаются лишь семена наследственных пороков. <...> [Но] многие ли из нас смотрят на религиозный элемент в школе, как на самую ее суть, а не как на благовидный, безвредный придаток?»¹ И, сам же отвечая на этот вопрос, защищает саму идею православной школы так: «Наша бедная школа при всех ее несовершенствах, при всей ее жалкой заброшенности, обладает одним неоцененным сокровищем. Она — школа христианская, христианская потому, что учащиеся ищут в ней Христа, — потому что учащие только Христа ради могут поднять те труды, при коих возможен какой-либо успех»². Как пишет о Сергее Александровиче один из его биографов, ради Христа трудился среди серых деревенских ребятишек и сам Рачинский, ради Христа он отдал на просвещение их все свои достатки. И это делалось без шума, без огласки: здесь шуйца действительно не знала, что делает детская рука. «Самоотвержение для него не было красивым поведением, вызывающим похвалы: оно, как у истинных праведников, возвышалось у него до степени подвига. В ответ на приглашение знакомых ехать на морские купания Сергей Александрович отвечал так: „Вам очень хорошо известно, что у меня нет свободного дня, ни лишней копейки: на школьное время я

(1) Цит. по: *Мироносицкий П. С. А. Рачинский и его школа...* С. 862–863.

(2) Там же. С. 865.

трачу более, чем свои доходы, следовательно, подвергаю опасности будущность устроенных мною школ, и тратить что-либо на себя было бы просто преступлением. Летом у меня на руках пять школьных учителей, двое юношей, готовящихся в учителя, пять живописцев, один семинарист, один ученик духовного училища и т. д. — всего до 20 человек. Вы скажете, что всему этому народу Сам Бог велел летом отдыхать..., но это не так: *только постоянным трудом вырабатываются люди* (курсив наш. — Р. Ц.), и в этом труде необходимо руководство и пример. Какие тут морские купания!»¹. В письме Сергей Александрович как бы вскользь упоминает свои личные траты на школу, а ведь доподлинно известно, что он на свои собственные деньги построил 10 школ «с церковным уклоном», в которых его бывшие ученики, после аттестации, работали учителями и воспитателями. Так идеи Рачинского были постепенно воплощаемы в его учениках, как и в поговорке говорится: «Слова научают, а примеры увлекают». Но не только одни его ученики с сочувствием встретили слова и пример Сергея Александровича. В среде духовенства и педагогов возник к ним также интерес и вскоре, по воскресеньям, в Татево стали регулярно съезжаться приходские священники и местные учителя. Так никому не известное село стало центром дискуссий о проблемах воспитания российской молодежи и ее воцерковлении.

Татевской колонией Рачинский управлял семнадцать лет — до дня смерти своей матери в 1892 г. После этого события Сергей Александрович переселился в барский дом, передал руководство школой своим воспитанникам — молодым учителям и воспитателям и приходил в школу только на уроки². К концу XIX в. в системе школ Рачинского в общей сложности насчитывалось до тысячи учащихся, что не могло не об-

(1) *Мироносицкий П. С. А. Рачинский и его школа...* С. 865.

(2) *Смолиг И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. М., 1997. С. 106; Шестун Е., священник. Православная педагогика. С. 333.*

ращать на себя внимание со стороны властей. В 1899 г. за заслуги перед русской школой ему было присвоено звание «почетного попечителя церковноприходских школ IV благочиннического округа Бельского уезда Смоленской губернии», с присвоением пожизненной премии, которую он, естественно, вложил в постройку новых школ. Скончался он 2 мая 1902 г.

После Рачинского осталось не так много дидактического материала. Однако его христианский облик и педагогический опыт вполне отражен в сборнике его статей по педагогике «Сельская школа» (М., 1891; репринт 1991). Книга эта, рекомендованная к народному чтению Училищным Комитетом при Святейшем Синоде¹, являлась своего рода манифестом или программой, основная идея которой сводилась Рачинским к учреждению в России конфессиональной (—православной) школы. Как точно подметил друг и биограф Рачинского Н. М. Горбов, бороться за это в России мог только человек, у которого было одно желание — чтобы люди были заняты не только мыслями о хлебе насущном, но и «о глаголе, исходящем из уст Божиих»². Свт. Николай был лично знаком с Сергеем Александровичем, о чем есть свидетельства в дневниковых записях: «(26 июня 1880 г., на пути к Березе, родной деревне свт. Николая. — Р. Ц.) в седьмом часу были в Татеве, и здесь у усадьбы Рачинского, против сада, коренная лошадь с каким-то визгом разом повалилась и испустила пар. <...> Я поневоле увиделся с Сергеем Александровичем Рачинским, хотя намеревался заехать к нему на обратном пути. <...> Попрошавшись с[о] своими и всем селом [по домам], отправились, и часе во втором были в Татеве. Обед. Великолепный сад. Ожидание сбора учеников и прогулка по саду. Училище действительно образцовое. Прежде того — в церковь, где ученики пели ли-

(1) Федотов Ф. Церковная школа в борьбе с народным пьянством // Прибавление к «Церковным ведомостям». № 16–17. 1910. С. 732.

(2) Мироносицкий П. С. А. Рачинский и его школа... С. 865.

тию; в школе пели концерт, „Херувимскую“, и прочее; точно, очарование: мужичонки, поющие труднейшую музыку...»¹. Рачинский, на правах земляка свт. Николая и единомышленника-миссионера, позволял останавливаться в своем имении японцам-академистам, а один из них, Сергей Сёодзи, был даже им усыновлен. Свт. Николай находился в переписке с Сергеем Александровичем до самой его смерти: в письме за 1/14 января 1902 г. Рачинский, вместе со своей брошюрой «Absit Omen», передавал и печальные известия о беспорядках в России².

Русская Духовная миссия в Японии. Ее создателем и вдохновителем был архиепископ Японский Николай (1836–1912). В миру — Иван Дмитриевич Касаткин, родился 1 августа 1836 г. в селе Егорье-на-Березе, Вольского уезда, Смоленской губернии в семье сельского диакона о. Дмитрия. Его мать, Ксения Алексеевна, умерла, когда мальчику было всего 5 лет. С этого времени Иоанн узнал жизнь не понаслышке. Нужда, ранние скорби и лишения, которые, однако, не сломили его, но, напротив, закалили, выработав силу воли и выносливость. Наряду с горячим религиозным чувством явилась с ранних лет у мальчика и необыкновенная отзывчивость к людям. Причина тому — тот же горький опыт детства. Специфика его биографии несомненно повлияла на выбор его жизненного пути — миссионерство. Миссионерские корни в детских впечатлениях были не только у мальчика из Березы, но и у сына сельского причетника из Архангельской губернии (о. Иоанна Кронштадтского, кс-

- (1) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям [1870–1880]. С. 338, 340–341.
- (2) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. Об инославии и экуменизме. Ноябрь 1900 года — январь 1904 года. СПб., 1996. С. 99.

торый готовился стать миссионером в Китае), и у сына пономаря из иркутского села Ангинского (свт. Иннокентия (Вениаминова)). По отзывам людей, знавшим будущего японского миссионера в детстве, он не был угрюмым, обиженным на жизнь ребенком, но, напротив, всегда подавал пример оптимизма и жизнерадостности. Имея прекрасные умственные способности, будущий святитель в 1856 г. блестяще окончил Смоленскую семинарию и был принят на казенный счет в Петербургскую Духовную академию. В конце IV курса неожиданно определяется его дальнейший жизненный путь. Однажды, проходя по академическим комнатам, Иоанн увиден на столе лист бумаги с предложением Синода к оканчивающим курс Академии занять место настоятеля посольской церкви в Японии. Через тридцать лет после этого дня свт. Николай вспоминал, что какое-то неудержимое желание вдруг потянуло его служить церкви в Японии¹. Решение было принято — 24 июня 1860 г. Иван Дмитриевич, приняв монашество с именем Николай, радостно пошел навстречу своему новому служению. В день святых первоверховных апостолов Петра и Павла он был рукоположен в иеродиакона, а 30 июня, в престольный праздник академической церкви (в память Собора Двенадцати Апостолов) — в иеромонаха. Благословляя молодого иеромонаха на предстоящее ему служение, ректор Академии, еп. Нектарий, сказал, что с крестом подвижника он должен взять и посох странника, что вместе с подвигом монашества ему предлежат и труды апостольства². Позже о своем отъезде свт. Николай писал так: «Когда я ехал туда, [то] я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидавшая моего

(1) Платонов А. Апостол Японии. Очерк жизни архиепископа Японского Николая. Петроград, 1916. С. 8. Цит. по: *Георгий* (Тертышников), архим. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского // Альфа и Омега, № 3 (17), 1998. С. 183.

(2) Там же. С. 9.

прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится. Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затем и последователей Слова Божия, раз это последнее раздается в японской стране»¹. Реальность же была иной. С конца XVII в. христиане в Японии подвергались репрессиям (например, крестившимся грозила смертная казнь), которые продолжались до второй половины XIX в. Только в 1873 г. был издан императором закон о веротерпимости. Такова была обстановка, в которую окунулся молодой иеромонах Николай по приезде в Японию 2 июля 1861 г. Но Господь послал ему и Ангела навстречу: в сентябре 1861 г. в Хакодате с о. Николаем встретился архиепископ Иннокентий (Вениаминов). Советы и наставления апостола Америки укрепили решимость молодого иеромонаха, а пример миссионерской деятельности еп. Иннокентия в Америке стал идеалом того, как следует строить миссионерское дело.

Прежде всего свт. Иннокентий посоветовал ему заняться изучением японского языка, местных нравов и обычаев, а потом уж приступать к крещению. В то время не было ни словарей, ни грамматик, ни переводов, все нужно было составлять самому. Только из-за одного этого можно было прийти в отчаяние. В конце своей жизни свт. Николай вспоминал: «Приехав в Японию, я, насколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много было потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один»². В 1868 г. году о. Николай писал свт. Иннокентию: «...я семь лет бился над японским языком, чуть не ежедневно вздыхая о том,

(1) Там же. Платонов А. Апостол Японии... С. 9–10.

(2) Николай (Касаткин), иером. В Японии жатвы много... Письмо русского из Хакодате // Дневники... С. 709.

что сутки состоят не из ста часов и что нельзя все эти сто часов употребить на изучение языка»¹. Вскоре он овладел не только разговорным, но и книжным японским и попутно английским языком, который в Японии в то время стал международным для иностранцев. Изучая японский язык, иеромонах Николай знакомился с историей, литературой, философией и религией Японии. При этом он проявлял такую усидчивость, что его учителя-японцы во время занятий просили отдыха, но он был неутомим. Чтобы не делать перерыва в занятиях, о. Николай нанимал двоих и даже троих учителей. Учителя сменялись для отдыха, отдыхом же для ученика была перемена изучаемого предмета. Знакомство с японцами Николай начал с посещения их языческих храмов. Часами слушал он буддийских проповедников, которых после стал даже приглашать к себе и с ними разбирать трудную для его понимания буддийскую литературу. Первое время все с подозрением смотрели на православного священника, посещающего буддийские кумирни. Считая его агентом ненавистных японцам европейцев, натравляли на него собак и даже покушались на жизнь. «Один Господь знает, — рассказывал на склоне лет свт. Николай, — сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага спасения — мир, плоть и диавол, со всею силою восстали на меня и по пятам следовали за мной, чтобы повергнуть меня в первом же темном и узком месте. Много нужно было силы душевной, великого углубления религиозного чувства, чтобы побороть все это»². Доброта, отзывчивость и

- (1) Барсуков И. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. С. 621–622.
- (2) Марк (Лозинский), игум. Святой Николай, Архиепископ Японский // Доклады и статьи (машинопись). Т. I. Загорск [МДА]. С. 107–108. Цит. по: Георгий (Тертышников), архим. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского // Альфа и Омега. № 3 (17). 1998. С. 185.

кротость о. Николая постепенно победили все трудности, и японцы постепенно полюбили его. Как друг и приятель, он стал желанным гостем во многих домах. Произошло это потому, что о. Николай, будучи священником, старался взращивать в своей душе ту евангельскую любовь, которая дает власть подходить близко к чуткой душе, покорять ее, навсегда привязывать к себе. «Внагале завоевать любовь, а потом нести слово», — таков был его миссионерский девиз. Никогда не позволял себе иеромонах Николай оскорблять религиозное чувство японцев, никогда не порицал последователей буддизма, не трогал буддийских бонз, и потому даже среди них у него появились друзья. Архимандрит Сергей (Страгородский) в своей книге «На Дальнем Востоке» передает любопытный случай, иллюстрирующий отношение бонз к о. Николаю. Однажды он зашел в буддийский храм, чтобы послушать проповедников; храм был заполнен народом, сидевшим по-японски, поджав ноги. Бонзы стали усаживать своего гостя, но, на беду, не оказалось ни одного стула. Недолго думая, главный жрец подвел о. Николая к жертвеннику, снял с него различные украшения и вежливо предложил посетителю сесть на жертвенник, к великому удивлению, почти ужасу растерявшегося миссионера¹. Этот случай показывает, каким уважением у японцев пользовался о. Николай еще в начале своей миссионерской деятельности. Многолетняя работа по изучению Японии и японского языка убедили его в том, что Япония может дать богатый урожай для христианства. По этому поводу он писал: «Чем больше я знакомлюсь со страной, тем больше убеждаюсь, что очень близко то время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро пронесет-

(1) *Сергий* (Страгородский), архим. На дальнем Востоке (Письма японского миссионера). Сергиев Посад, 1897. С. 101. Цит. по: *Георгий* (Тертышников), архим. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского // Альфа и Омега, № 3 (17). 1998. С. 186.

ся из конца в конец империи»¹. Но в первые годы пребывания в Японии у иеромонаха Николая бывали минуты сомнения, которые пытались, как ржавчина, разесть святое настроение изнутри, и, как писал он, «не было ничего тяжелее этих сомнений!»². Или, бывало, помысл искушал его оставить апостольское дело и заняться безопасной и нейтральной наукой³. Однако дело Миссии медленно, но верно шло вперед.

В 1864 г. он обратился ко Христу первого японца — самурая Савабе, за которым последовало оглашение двух врачей — Сакая и Урано. Крещение всех троих состоялось только в 1868 г. (об этом был извещен Московский митрополит Иннокентий (Вениаминов): «18-го мая текущего года крещены три японца, после долгого обучения их в вере»)⁴. Через восемь лет, в 1869 г., его приход состоял уже из 12 человек и 25 оглашенных. В том же году о. Николай поехал в СПб. с целью добиться от Св. Синода разрешения открыть миссию в Японии, получить помощников и денежную помощь. Его просьба была удовлетворена — 4 апреля 1871 г. была учреждена Русская Духовная миссия в Японии, а сам он стал архимандритом. Сначала Миссия подчинялась Синоду, а с 1872 г. оказалась в ведении Камчатского епископа. Согласно инструкции, составленной иеромонахом Николаем, сотрудниками ее могли стать только монахи, а вдовые священники только в исключительных случаях. Возраст миссионера должен был быть не ниже 33 лет. Он должен был практически знать японский язык,

- (1) *Марк (Лозинский)*, игум. Святой Николай, Архиепископ Японский. С. 200.
- (2) *Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. С. 622.
- (3) См. его письмо к свт. Иннокентию (*Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. С. 622).
- (4) Там же. С. 621.

уметь переводить литургические книги и совершать богослужение по-японски (ст. 13). Была в инструкции и характерная рекомендация: миссионер должен быть в добрых отношениях с представителями других христианских конфессий и избегать с ними богословских споров (ст. 17). Главной задачей миссионера была подготовка и окормление японских катехизаторов (стт. 3–4). Каждого крещеного, и ребенка и взрослого, надо учить, с тем чтобы воспитать из него потенциального сотрудника миссии — или катехизатора, или церковного служку, или учителя в школе, или даже священника. Особенное внимание нужно уделять крещеным детям (стт. 6–8). Самых способных из них рекомендуется направлять в российские духовные семинарии и академии для получения ими богословского образования. Основной мыслью инструкции стала концепция распределения обязанностей между русскими миссионерами (*инициаторами*), «сеющими доброе семя», и японскими христианами, которые должны постепенно создать для себя Японскую Православную Церковь.

Во время отсутствия о. Николая, по призыву Савабе, из княжества Сендай в Хакодате прибыла группа самураев для изучения Св. Писания. В 1872 г., в помощь о. Николаю, приезжает в Японию иеромонах Анатолий Тихай, выпускник Киевской Духовной академии. Он становится настоятелем церкви в Хакодате, а архимандрит Николай переезжает в столицу Японии — Токио, и селится в районе Цукидзи, где начинает проповедь христианства. В том же году он переезжает в район Суругадай, который вскоре станет миссионерской базой православия в Японии. В это же время Павла Савабе за христианскую проповедь сажают в тюрьму. В заключении в какой-то момент чуть-чуть не оказался и сам глава Миссии. Было это следующим образом. Приходит он как-то к своему знакомому старику-бонзе. Тот протягивает ему японскую тетрадь-рукопись. Николай развернул и ахнул. В ней подробно описывался обряд крещения, только что совершенный им, даже и рисунки

приложены были. Правительство может теперь прекратить проповедь, его могут выслать из столицы и т. д. Кто-то выдал! Отразившийся на лице миссионера испуг бонза заметил и, добродушно улыбнувшись, сказал, что этот документ был подан в их Высший Духовный Совет, в котором заседало трое главных бонз (в том числе и этот старик — друг архимандрита Николая). Там хотели возбудить дело, но он (старик-бонза) его замял. Так доброе отношение к отцу Николаю спасло его и новообращенных японцев от преследования¹. Интересно, что отмена закона о запрете христианства (1873 г.) была делом рук самих японцев. Интеллигенция стала выступать в прессе за веротерпимость, и вскоре дело сдвинулось с мертвой точки. Через газеты японская общественность узнала также и о том, что, кроме католиков и протестантов, в Японии имеются и православные христиане.

Перемены в японском законодательстве открыли для о. Николая необозримые просторы: в рамках миссионерской деятельности теперь можно было строить храмы, открыто совершать богослужения и устраивать публичные диспуты. В эти годы он писал: «Признаки того, что Богу угодно просвещение Японии светом Евангелия, с каждым днем выясняются все более. Взгляните на этот молодой, кипучий народ. Он ли не достоин быть просвещенным светом Евангелия? С каждым днем ко всем миссионерам, в том числе и к русским, приходят новые люди, жаждущие знать о Христе. С каждым днем число новообращенных растет... В Сендай бы теперь! Более сотни верующих жаждут там святого Крещения. В Осаку бы теперь! Везде сочувствующие нам, везде жаждущие нас, везде дело живое, животрепещущее, везде зачатки жизни полной, горячей, глубокой. И да внемлет Бог моим словам, моей клятве! Не верите искренности моих слов? Увы, я слишком ясно сознаю, до нестерпимой боли чувствую сам свою искренность. Что я?

(1) *Сергий* (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке. С. 102.

Имею косный и слабый язык возвещать дела Божии. Но камень бы разве на моем месте не заговорил? Вот в сегодняшний вечер, занятый письмами, замедлил катехизацией, — и трое уже один за другим приходили и, кланяясь в землю, просили говорить о Христе. Какой труд для Бога не увенчается успехом?»¹

А события стали развиваться с головокружительной быстротой: в мае 1874 г. было принято решение провести Всеяпонский Съезд Православных и тогда же была открыта Православная Духовная семинария. В 1875 г. в священники рукополагается Павел Савабе, а в диаконы — Иоанн Сакаи. А еще через три года среди японцев было уже 6 священников, 27 катехизаторов и 50 катехизаторских помощников. Японская община стала увеличиваться, и, естественно, возникла нужда в епископе. Св. Синод, видя успехи Русской миссии в Японии, нашел нужным назначить туда епископом о. Николая. Его запросили телеграммой, согласен ли он быть епископом. Он ответил: «Если из России не может быть назначен епископ, я согласен»².

В конце 1879 г. о. Николай последний раз выехал в Россию, где ему, к сожалению, не суждено было встретиться со своим единомышленником и наставником свт. Московским Иннокентием, почившим от трудов 31 марта, в Великую Субботу. Ровно через год, 27 марта, Св. Синод нарек архимандрита Николая епископом Ревельским, викарием Рижской епархии. Новоназванным епископом была произнесена ответная речь следующего содержания:

«Ваше Святейшество, богомудрые архипастыри и отцы!

Если бы настоящее собрание не касалось лично меня, я сказал бы, что очень радуюсь наречению епископа для заграничной миссии. Но я слишком хорошо знаю предстоящие мне

(1) Платонов А. Апостол Японии. С. 35–36.

(2) Марк (Лозинский), игум. Святой Николай, Архиепископ Японский. С. 210.

трудности, чтобы чувство страха и печали не смущало меня. Вашему Святейшеству не благоугодно было принять мои представления, чтобы для руководства Японской миссии и церкви дан был готовый или поставлен вновь действительно достойный епископ. Обет монашества заставляет меня подчиниться вашей воле. Дай Господи, чтобы она совпала с волей Божией! Буду утешать себя крепкою надеждою, что Господь, по молитвам вашим, не отнимет из-за моего убожества Свою помогающую руку от Миссии и вперед, как Он не отнимал доселе. Такую надежду внушает мне и самое положение православной миссии среди миссий инославных относительно язычников. Тем язычникам, которых Господь уже приготовил к принятию христианства, какими многочисленными и разнообразными представляются христианские миссии! Употреблю общеизвестное сравнение. Вот корабль, самим Богом построенный и невидимо управляемый; для Богом данного человеку разума все на этом корабле чинно и глубоко-разумно, для сердца все безукоризненно, стройно и привлекательно, для воли все прочно и успокоительно. Вот и подражание этому кораблю: посуда с виду большая, но расшатанная и с пробочинами, которые стараются замаскировать; виднеющееся у руля подобие Небесного Кормчего само по временам кричит, что корабль его близок к потоплению. Вот и множество других самодельных и еще менее надежных посудин, устроенных людьми, заметившими опасность плаванья на той большой посудине и поспешившими удалиться с нее. Для людей, гибнувших на море житейском, каковы язычники, если только они пришли к сознанию, что гибнут, и пожелали спасения, и если они имеют пред глазами и тот *корабль и подражания* ему, не труден выбор (курсив наш. — Р. Ц.); не нужно с корабля никаких искусственных приемов, к каким не церемонятся прибегать пловцы посудин, ни самовосхвалений и клеветы на других, ни закупуаний и задабриваний; Небесным Кормчим и не дозволены все подобные меры; Он велел только звать, — и

больше простого зова и готовности принимать на корабль ничего не нужно: все, кого невидимо коснулась призывающая ко спасению благодать Божия, сами изберут корабль; другие же, по неосмотрительности раньше взошедшие на ненадежные посудины, поспешат сойти с них и взойти на корабль. Вот простое объяснение успехов православной миссии в Японии, далеко превосходящих успехи миссий инославных, несмотря на то, что у последних и средств и миссионеров множество, и очарование европейской цивилизации за ними, и современная пресса страны под их влиянием; вот объяснение того, почему там сделавшиеся протестантами раньше, чем Православная миссия открыта была, в последнее время все чаще и чаще начинают переходить в православие. Православной миссии нужно только быть поставленною там, где есть католическая и протестантская, — и она несомненно будет иметь преимущественный успех, если только народ готов к принятию христианства. Одному Богу известно, действительно ли для Японии наступило время сделаться христианскою; мы несомненно знаем, что „Евангелию“, конечно-истинному, „подобает быть проповедану во всем мире“; но когда какой стране суждено озариться светом его, такие большие дела Господь держит в Своей деснице и не позволяет никому ведать их: „не ваше есть разумети времена и лета“. Мы можем сказать только, что если японский народ пред судом Божиим достаточно созрел для восприятия спасающей благодати, то время призвания его не укуснит: Русская церковь заботится дать ему возможность быть призванным. Слава и благодарение Богу!

Но в качестве заграничного миссионера, я не могу не выразить желанья, чтобы то, что Русская церковь делает для Японии, она начала делать и для других языческих стран. Ей, по преимуществу, вверены глаголы жизни вечной. Что же она так долго оставляет народы, сидящие во тьме и сени смертной, без слуха и ведения о них? Что вынуждает ее к тому? Недостаток ли средств? Действительно, всего чаще приходится

слышать это возражение: „Нам ли жертвовать за границу, когда у нас бездна своих собственных нужд!“ Но судящие так, если они хотят ревновать о пользах России, сделали бы гораздо лучше, если бы громче, сильнее вопияли против непроизводительного ухода за границу миллионов русских денег на предметы роскоши, например, вместо того, чтобы жалеть малых расходов на содержание заграничных миссий, полезных всегда и в политическом отношении, так как ими завязываются духовные связи с народами, прочнейшие всяких дипломатических и торговых сношений. Впрочем, судящие так едва ли могут ревновать о каких-либо пользах России: кто не чувствует живой потребности поделиться с другим, хотя бы при некотором пожертвовании для себя, духовными благами, которыми обладает, кто равнодушен к вечной гибели миллионов человеческих душ, тот обнаруживает черствость сердца безотрадную. Подобный-то эгоизм, напротив, и виной тому, что в России мало средств на добрые дела: он стесняет ее и мешает дальнейшему развитию в ней духа христианской любви и благотворительности. Некоторый расход на содержание заграничных миссий не только не убавит средств на удовлетворение внутренних нужд, [но] напротив, возвысит эти средства: если мы станем благотворить дальним, тем более возгорится у нас желание и ревность благотворить присным. Пожертвование, куда бы то ни было сделанное с доброю целью, похоже на благовонное миро, чудно зародившееся в сосуде, которое и по излиянии продолжает благоухать в сосуде. Делают и такое возражение, что у нас еще много язычников внутри империи и что о внешних нам рано заботиться, а нужно обратить своих. Но если бы так рассуждали св. апостолы, то христианства до сих пор нигде бы не было, кроме разве Иудеи, потому апостолы и их преемники никуда не должны были бы выходить на проповедь, не обратив прежде иудеев, а последние и до сих пор не принимают Мессию. „Сия подобает делати и оных не оставляти“. Все люди — чада Божии и все одинаково

во нуждаются в руководстве Божиим ко спасению. И если нам вверено Слово Божие к людям, то в высшей степени грешно и недобросовестно намеренно воздерживаться от возвещения его одним, пока услышат другие. Пусть всякий желающий посвятить себя на проповедь — внутри или вне империи — напутствуется с такой же любовью от церкви во всех ее членах, с какою напутствуете вы, Ваше Святейшество! Кто болит о заблуждениях внутренних язычников, пусть проповедует им; кто желает проповедовать внешним, пусть к ним несет слово благовестия. Мне, как одному из внешних миссионеров, да позволено будет желать и молить Бога, чтобы поскорее и побольше явилось собратий и соратников на внешнем поле. А какое оно обширное, неоглядное! Тут же, около России, Китай — 400-миллионная империя. Сотни других миссионеров там сотни лет. Мы-то что же? Малочисленная, едва заметная Миссия что может сделать для такого народа? Следует немедленно усилить ее и дать ей возможность шире раскинуть сети евангельской проповеди. Пора послать проповедников и к народам Индийского полуострова. Во времена апостолов — не по благодати, а по численности — было несравненно меньше проповеднических средств, чем теперь в России, и однако же двенадцать апостолов нашли возможным отделить одного из своего лика для посещения Индии, и св. апостол Фома не только проповедовал индийцам, но и жизнь свою положил за спасение их. Память вселенского проповедника укоряет нас за медленность и зовет возобновить и продолжить дело.

Но, говоря о язычниках, как мы можем забыть еще более близких нам, чем они, заблуждающихся наших братьях — католиках и протестантах? Проведши 20 лет за границей, я видел немало весьма благочестивых католиков и протестантов: но между этими благочестивыми людьми, иногда высокообразованными, не встретил ни одного рассуждающего в религиозных вопросах последовательно: это потому, конечно, что и невозможно быть последовательным католиком или протес-

тантом, [потому] что католицизм и протестантизм, по природе своей, как смесь богооткровенных истин и человеческих измышлений, тех и других, точно глина и железо, не могущих никогда слиться в одно целое, — находятся в непримиримой вражде с самыми элементарными приемами логики, и при последовательном рассуждении непременно приводят или к православию для тех счастливых, которые имеют внутреннюю и внешнюю возможность узнать его, или к измышлению какого-либо нового толка, или же, при недостатке терпения, к отвержению всего разом и атеизму. Благочестивые католики и протестанты обыкновенно с усердием исполняют то, что их религия дает им чисто-божественного, о человеческих же измышлениях, включенных в число догматов, избегают и говорить, по инстинктивной склонности к охранению своих верований. Господь да спасет их! Свое доброе чувство к ним я доказал на деле тем, что, в продолжение восьми лет живя в городе, где были католики и протестанты и ни одного патера и пастора, с любовью исполнял по их просьбам все требы, какие мог без нарушения наших церковных правил. Не об обращении таких я говорю, — они и теперь бессознательно православные; я говорю о тех началах в католичестве и протестантизме, которые делают католичество и протестантизм неправославием. „Горе миру от соблазнов, но и соблазнам подобает приити“, — предрек Спаситель. И вот эти соблазны непрерывною цепью тянутся со времен апостолов: к гностикам примыкает арианство, к нему едва заметным звеном — латинство, от него — протестантизм; цепь эта, к несчастью, продолжится до конца мира; явятся еще новые, нам еще неизвестные соблазны. Но с давно явившимися и ныне продолжающимися существовать соблазнами наш долг бороться, а не оставлять их почти безо всякого внимания. Тени великих святых борцов с древними ересями укоризненно смотрят на нас из глубины истории. Не так равнодушны были Иринеи, Афанасии, Григории, Дамаскины к современным им извращениям христиан-

ства! Притом же, если мы будем оставаться равнодушными, то зараза, возникающая из того, что есть гнилостного в католичестве и протестантизме, будет расслаблять и нас самих. Нынешнее безверие, на которое так много жалуются, разве не есть последовательный продукт нездоровых испарений от язв на огромном теле католичества и разметанных еле живых телах протестантизма? К чему прицепится и что найдет неразумного или фальшивого философский анализирующий ум в православии, когда оно точно блистающий шар, идеально-правильный, вполне законченный и неуязвимо-крепкий? А между тем ныне провозглашают на Западе конец христианству: „Оно отжило свой век!“ Что там под именем христианства разумеют католичество и протестантизм и что, прицепившись к тому, что в них неразумного и фальшивого, разбивают их и поют им вечную память, нужно ли удивляться? Невзгоды католичества и протестантизма, законно постигающие их, в сущности, истинного христианства вовсе не касаются. Разве западная философия родилась и возросла на почве православия? И разве с православием она имеет дело? Придет время, философия возникнет и разовьется среди православного мира, при понимании, насколько дано человеку, богооткровенной веры вполне, а не в отрывках: тогда она, без сомнения, будет такую же послушной рабою религии, какою была у Иустинов, Афиногоров, Василиев. А что ныне дочь инославных добивает одряхлевших, оказавшихся несостоятельными пред нею своих родителей, это значит только, что здравый смысл стряхивает с себя надоевшие ему оковы католического гнета или отдает достодолжное жалкой разнузданности протестантизма. Но грех и вред для самих себя нам сидеть при этом сложа руки и ждать, пока философия добьет вконец свои жертвы. Если мы не поспешим на помощь философским умам Запада и не предложим им вместо ниспровергаемых ими заблуждений истинного Христова учения, то *там вполне сформируется и примет ужасающие размеры новый языческий культ естественного ра-*

зума и вместе [с ним] всех оскотворенных страстей (курсив наш. — Р. Ц.). С воздвигнутых уже во множестве алтарей этого культа не тянется ли и к нам угарный чад и не одуряет ли множество ни в чем неповинных голов? И если у нас все будет продолжаться затишье, то чаду [этого] придет еще больше и еще больше погибнет по нашему нерадению людей. Поэтому-то нам нужна живая деятельность, от которой бы дохнуло живым освежающим ветром не только у нас, но и на Западе, — деятельность, прямо направленная против самих причин безверия — извращений Божественной истины в католичестве и протестантизме. Мы довольно успешно стараемся рубить головы гидре, и в этом помогают нам сами католики и протестанты: у нас немало превосходных сочинений, большею частью переводных, по новейшей христианской апологетике против безверия; а дельных сочинений против католичества и протестантизма нет. И безверие продолжает расти как на Западе, так и у нас, и будет расти до тех пор, пока мы не озаботимся вырвать корень безверия; а это невозможно, если мы не выделим из своей среды людей, не составим [особого] общества со специальной задачей борьбы устным и письменным словом с католичеством и протестантизмом, — борьбы, конечно, исключаящей и мысль о каких-либо приемах, не свойственных истинной христианской любви, но тем не менее горячее, как сама любовь, потому что из-за христианской любви она и будет ведена. Дай Бог, чтоб это состоялось поскорей!

Теперь же да позволено мне будет повергнуться пред вами, богомудрые архипастыри и отцы, глубокую благодарность от лица Миссии и всей Японской церкви за все, что сделано и делается Вашим Святейшеством для Японии. Позвольте в лице вашем выразить признательность и ко всем сынам и дочерям Русской церкви, оказавшим и оказывающим свое сочувствие и содействие Миссии. Да не оскудеет и отныне к нам, японским миссионерам, любовь дорогой нашей матери — Русской церкви! И да хранит и невидимо оберегает она нас на да-

лекой чужбине своими теплыми молитвами, чтобы нам, удостоенным высокой чести быть представителями и проповедниками ее учения среди язычников, исполнять наше служение во славу ее и Божию! По молитвенному же предстательству матери нашей нам [да] поможет Отец наш небесный!»¹.

30 марта 1880 г. в Петербурге, в Троицком соборе Александро-Невской лавры, поборника православия о. Николай возвели в сан епископа. Хиротонию совершил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор с несколькими архиереями. При вручении епископского жезла митрополит Исидор сказал новому епископу: «До конца жизни тебе служить взятому на себя делу, и не допусти, чтобы другой обладал твоим венцом». После посвящения свт. Николай пробыл еще некоторое время в России: собирал пожертвования на Миссию и храм, в Москве участвовал в открытии Миссионерского Общества² и памятника А. С. Пушкину («за столом <...> — прямо [от меня] старший сын Пушкина, по правую — Яков Карлович Грот, потом — Иван Сергеевич Аксаков; напротив — князь Николай Петрович Мещерский...») ³, общался с ведущими российскими педагогами-миссионерами: в Казани посетил Н. И. Ильминского⁴, а в Татеве, по пути на родину, С. А. Рачинского. В конце 1880 г. преосвященный Николай благополучно возвра-

- (1) *Свт. Николай* (Касаткин). Речь Св. Синоду, сказанная начальником Духовной Миссии в Японии, архимандритом Николаем, при наречении его в епископа Ревельского, викария Рижской епархии, 27 марта 1880 // Православное обозрение. 1880. Апрель. С. 646–653.
- (2) Ф. 573. СПб.ДА. А. I. 318. Лл. 11–12 об., письмо к архиеп. Макарию (Невскому) от 7 октября 1909 г.
- (3) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям [1870–1880]. С. 317.
- (3) Там же. С. 325, 326.

тился в Японию, где началась новая глава как в его жизни, так и в истории Японской церкви.

Еще до отъезда в Россию, в районе Суругадай, в дипломатическом квартале, о. Николай купил землю, на которой в 1884 г. был заложен знаменитый православный храм Токио — Воскресенский собор (освящен 24 февраля 1891 г.). О нем епископ Николай говорил, что «собор будет памятен, будет изучаем, подражаем многими не десятки, а, смело говорю, сотни лет, ибо храм действительно — замечательнейшее здание в столице Японии, здание, о котором слава разнеслась по Европе и Америке еще прежде его окончания и которое, ныне будучи окончено, по справедливости вызывает внимание, любопытство и удивление всех, кто есть или кто бывает в Токио»¹.

Строительство собора стало только одним из задуманных дел. Через 10 лет после закладки токийского храма, в 1894 г. молодая Японская церковь уже располагала семинарией в Токио (готовила священников), двумя школами катехизаторов (в Токио и Осака), двумя женскими школами (в Токио и Хакодате), воспитывавшими женщин-христианок. Первое женское училище было основано еще в 1875 г. В нем преподавали Закон Божий, арифметику, японскую и всеобщую географию, китайский, японский и русский языки, каллиграфию и агиографию. Свт. Николай высоко ценил участие женщин в распространении христианства и в духовном становлении семейной жизни. В последнем случае училище выполняло важное церковное дело: готовило жен для духовенства, понимающих и разделяющих стремления своих мужей. Еще через 10 лет, в 1904 г., Миссия активно переводила с русского и силами

(1) Сеодзи, Сергей. О православной Миссии и церкви в Японии // Прибавления к «Церковным ведомостям» № 13. 1891. С. 409. Цит. по: Георгий (Тертышников), архим. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского // Альфа и Омега. № 3 (17). 1998. С. 192.

выпускников семинарии и училищ выпускала три журнала на японском языке —

1. «*Православный вестник*» (1880) — одно из крупнейших миссионерских изданий всей Японии. В нем печатались переводы и самостоятельные духовно-нравственные произведения японских авторов, главным образом молодых людей, окончивших русские Духовные академии. В журналах отражалась и текущая жизнь японской церкви.

2. «*Смирение*», или «*Сокровенная добродетель*» — женский ежемесячный журнал, издававшийся при женском миссионерском училище. В нем печатались духовно-нравственные, практически-наставительные и художественные произведения, посвященные женскому духовному просвещению и роли женщины в христианской семье.

3. «*Православная беседа*» — состояла из проповедей, речей и полемики о религиозных истинах.

4. «*Церковный вестник*» (1877).

5. «*Духовное море*» — апологетический.

В Токио, при соборе, свт. Николаем была собрана библиотека, а в школе для девочек открыта иконописная мастерская. Богослужение, проповедь и преподавание велись на японском языке. За богослужением поминались только имена свт. Николая и японского императора. С 1874 г. ежегодно стали созываться совещания или «Соборы». В них участвовали священники, диаконы, катехизаторы, учащиеся школ и миряне. Семинария была любимым детищем свт. Николая. В нее принимались лица от 16-ти до 60 лет, курс обучения был шестигодичным. В программу, кроме Истории Нового Завета и других богословских предметов, входили русский и китайский языки, ряд общеобразовательных предметов (алгебра, геометрия, география, китайско-японское письмо, история, психология, история философии). В начале XX в. семинария получила государственный сертификат среднего учебного заведения. Способные ученики, после окончания курса, посылались в

Россию — в Духовные академии. Такой путь прошли Сергей Сеодзи, Иван Сenumsa, Пантелеймон Сато, Даниил Кониси, Симеон Мии¹.

Судя по дневниковым записям свт. Николая и воспоминаниям его современников, он довольно часто объезжал Японию, проверяя положение дел на месте, церковные порядки, нравственное состояние приходов, говорил поучения, молился с христианами за всеобщей и литургией. После общественной молитвы сам святитель в епитрахили и омофоре говорил слово, сидя на табурете. Очевидцы рассказывают, что, поучая, он весь горел и зажигал сердца слушателей. Говорил он просто и понятно для самого простого человека, например, о начальных словах молитвы Господней, о радости, что у нас есть небесный Отец, о молитве за еще непросвещенных Христовым светом братьев. С трепетной радостью встречали епископа Николая все общины. Его посещения были праздником не только для христиан, но и событием для язычников. «Терпеливо выслушает святитель возражение и какого-нибудь язычника, пришедшего послушать его проповедь. Иногда в таких случаях получался целый диспут, но все это делалось спокойно, без шума. Познакомившись с жизнью той или иной христианской общины, владыка посещал дома всех христиан, ободряя, утешая и благословляя их»². Любовь свт. Николая не могла ограничиться кругом его православной паствы. Она простиралась как на «неплодящую церковь» — язычников, так и на заблуждающихся братьев — католиков и протестантов. Так, когда в 1891 г. было большое землетрясение в трех провинциях (Тифу, Айчи и Миэ) он собирал пожертвования от христиан других провинций, приезжих русских туристов и раздавал их всему пострадавшему населению. Приведем не-

(1) Смолиг И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. С. 278–280.

(2) Платонов А. Апостол Японии. С. 56.

сколько характерных записей из дневника свт. Николая: «(14/27 декабря 1900 г.) был сборщик пожертвований на сиротский приют в городе Окаяма. Двенадцать лет этому приюту с основания его; основал сострадательный к несчастью ближних врач по фамилии Исии, протестант секты конгрегационалистов. Начал с принятия на свое попечение двух малых детей вдовы, приведшей их к нему; теперь в приюте — до трехсот сирот мужского и женского пола, и приют этот уже известен на всю Японию. Дети все делаются протестантами, так как учит их вере и молитве один из протестантских миссионеров в Окаяма. Я подписал пять иен в год¹. (12/25 марта 1901 г.) Colonel Bullard, начальник Армии Спасения в Японии, прислал книжку „Salvation Warfare, being a summary of the report of the Salvation Army throughout the world and its present position in Japan“. Армия уже довольно многочисленна и в Японии, и делает много добра, по преимуществу, бросающим свое ремесло проституткам и кончившим тюремный срок преступникам. Боже, сколько людей у этих протестантов на всех путях! И какие превосходные, энергичные деятели! Живо и действенно у них христианство. Без помощи Благодати Божией не было бы того. Послал полковнику Билларду благодарность за его отчет и десять иен на благотворительные заведения у них»².

«Зеленеющая» деятельность протестантов радовала, но не смущала свт. Николая. В своих «Дневниках» он судил о протестантизме и католичестве, как всегда, трезво: «Протестантство — клоака, в которую, если порядочно засосет человека, нет ему спасения³. <...> Какая польза толковать с протестантами об *union*? Не исцелишь никого из них от этой вечно

- (1) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. Об инославии и экуменизме. Ноябрь 1900 года — январь 1904 года. С. 8.
- (2) Там же. С. 27.
- (3) Там же. С. 28.

зудящей у них болячки сектантского разлада. Исцелятся они только тогда, когда и взаправду вернуться к Вере Неразделенной Церкви первых десяти столетий, если только Господь пошлет им это счастье, которого они, по своей гордости, в настоящее время еще отнюдь не достойны. <...> (19/1 июня 1901 г.) Протестанты в своих газетах и журналах хвалятся необыкновенным оживлением своей проповеди, вследствие их особенных усилий ознаменовать успехами начало нового столетия. О соединении своих сект в одно они также очень стараются, но это часть у них успеха не обещает; в эмпириях плавают, а стать на твердую почву не изъявляют желаний; о дружбе и любви разливаются, о единстве в учении — ни слова¹. <...> (7/20 сентября 1901 г.) Отец Алексей Савабе <...> говорил об одушевлении его катехизаторов. К сожалению, только успехов не предвидится — все тем и кончится, что „пошумели“, как протестанты; из подражания протестантам больше ничего и не может выйти, как протестантский мыльный пузырь. Я не мешаю сему обезьянничанию, потому что и дурного ничего из него не предвидится². <...> (13/26 сентября 1901 г.) отправился в американскую церковь, на поминальную службу по президенту Американских Штатов Мак-Кинли. <...> В богослужении, между составленными на случай молитвами, была одна даже за убийцу президента, но за самого президента, за упокой его души, — ни слова; таков обычай протестантов, холодный, безжалостный к умершему³. Из дневниковой записи свт. Николая времен русско-японской войны: «(11/24 июля 1905 г., из письма подполковника Л. Н. Гобято.) „Недавно сюда в барак приходила американка-миссионерша и раздавала листки освобождения. Некоторые солдаты возмущенные заявили мне об этом и говорили, что им очень неприятны такие посети-

(1) Там же. С. 36, 42.

(2) Там же. С. 70–71.

(3) Там же. С. 72.

тельницы; это называется приходить с утешением!“ В другой раз пусть без церемоний указывают [на] дверь таким особам»¹. О действиях католиков в Японии он записал следующий эпизод: «Католические монахини признались, что они способствовали побегу Языковой, — они снабдили ее деньгами на проезд до Парижа и отправили ее на пароходе, ушедшем в Канаду. Значит, *finita la comedia* — девица безвозвратно поглощена мутным морем католичества. Дураки родители, волчицам поручающие ягнят»². Следующая запись характеризует и католиков, и протестантов: «(13/26 января 1902 г.) сегодня было Собрание Молодых Людей (YMCA. — Р. Ц.), на котором и я присутствовал. <...> Хороший материал для характеристики католиков и протестантов мне дал листок „Voice“, полученный за пятнадцать минут до собрания. В этой газетке сегодня помещен отзыв одного католического патера в Америке, что „католики, если бы имели власть, и теперь воздвигли бы гонения на еретиков-протестантов, и гонение до смертной казни включительно“. Протестант-издатель „Voice“а, приводя это, заключает свой отзыв словами: „Вот духовенство что значит! Безмерная польза была бы уничтожить все духовенство совсем, а власть, взятую у него, отдать мирскому люду“. Там — фанатизм, противный Духу Христову, здесь — безначалие, уничтожающее основанную Христом Церковь. А и католичество, и протестантство свободно и обильно входят ныне в Японию. Только в православии — полная, безупречная Истина Христова...»³. Но, как писали свт. Николаю в своих докладах японские катехизаторы, многие японцы-протестанты в православие как переходили, так «и переходят, притом

(1) Дневники... С. 630.

(2) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. Об инославии и экуменизме. Ноябрь 1900 года — январь 1904 года. С. 38.

(3) Там же. С. 99–100.

лучшие люди, — наиболее известные из туземных протестантских проповедников, за которыми потом тянутся и их друзья, обращенные ими прежде из язычества в протестантство»¹.

Но нервом всей миссионерской деятельности свт. Николая было, конечно, не исправление испорченных христиан, а труд по переводу богослужебных книг и Св. Писания на японский язык. «Ни дня без перевода», — таков был девиз свт. Николая с первых лет его пребывания в Японии, которого он придерживался до последних дней своей жизни. Основные богослужебные книги были им переведены уже в Хакодате, о чем извещен был свт. Иннокентий Московский в 1868 г.: «...переведены на японский с китайского: 4 Евангелия, Деяния, Соборные послания, несколько посланий Апостола Павла, краткая Св. История, Православное исповедание св. Димитрия Ростовского, Катехизис для оглашенных, утренние и вечерние молитвы; с[о] славянского: Обряд присоединения иноверных и крещение»². Затем свт. Николай взялся за перевод Цветной Триоди, а потом и Постной. С 1881 г. он переводил вместе с Павлом Накаем (Цугумаро). Прот. Иустин Ямагучи писал, что свт. Николай никогда не прибегал к помощи материалов, переведенных на японский язык другими учеными, чтобы не испытывать их влияния на свою работу³. Такой переводческий принцип возник не сразу. Приступая к переводу Нового Завета еще в 60-е годы Преосвященный вначале делал

- (1) *Свт. Николай* (Касаткин). Речь на годичном собрании православного миссионерского общества // Православное обозрение. 1880. Май. С. 189.
- (2) *Барсуков И.* Иннокентий Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. С. 620–621.
- (3) *Зенина Л. В.* Японские ученые о российской духовной миссии в Японии. — Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2 // Памяти святителя Николая, Апостола Японии (1836–1912) // СПб., 1996. С. 26.

перевод с китайского на японский, но, занимаясь китайским текстом, он заметил в китайском переводе Св. Писания много ошибок и «шероховатостей». «Это заставило меня тщательно следить за текстом по русскому и славянскому переводам. Изредка встречающиеся несогласия между тем и другим (всегда, сколько я заметил, не в пользу первого) побудило меня заглядывать еще и в Вульгату и в английский текст, наконец, я достал и греческий текст Нового Завета. Просматривая каждый стих во всех этих чтениях, а в трудных местах прочитывая и толкование Златоуста, я, наконец, дошел до такой медленности в переводе, что в 5 часов, которые посвящались в сутки на эту работу, переводил не более 15 стихов»¹. Как видно из его «Дневника», в 1905 г. свт. Николай произвел корректуру своих старых переводов, в частности, Евангелия и Апостола². Об отношении свт. Николая к еврейскому переводу Св. Писания можно узнать из его письма к архиепископу Макарию (Невскому) (от 30 ноября 1906 г.): «На то, что русский перевод Священного Писания сделан с еврейского, а не с греческого, и я весьма сетую. <...> Мы (здесь, в Японии. — Р. Ц.) — нечего делать — следуем русско-еврейскому, но случается по необходимости перевести и из славяно-греческого. Я в этом отношении позволяю себе свободу, хотя и с большою осмотрительностью. Я делаю перевод не для ученого исследования, а для церковного употребления и назидания верующих. Главная цель у нас — при возможной точности перевода — хрустальная ясность мысли. Мы вот теперь „Октоих“ переводим, и каждый стишок у нас должен везде и во всякое время служить текстом для проповеди. <...> Очевидно, что при этом совершенно непонятное в славянском тексте приспособляется по догадке, а иногда и совсем несколько слов опускается. Пусть

(1) Цит. по: Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский (воспоминания и характеристика). СПб., 1912. С. 14–15.

(2) Дневники... С. 563, 566, 568, 572.

потом ученый-исследователь укоряет нас, что перевод неверен. Мы об этом мало заботимся, зато христиане не укорят, что богослужение непонятно»¹. Свт. Николай работал над богослужебными переводами до дня своей кончины и мог повторить слова свт. Димитрия Ростовского: «Моему сану надлежит слово Божие проповедати не только языком, но и пишущею рукою. То мое дело, то мое звание, то моя должность»².

В жизни апостол Японии отличался простотой. Его часто видели в старой, заплатах рясе или поношенном подряснике, с широким, вышитым ученицами духовного училища поясом. Но при этом святитель Николай никогда не убежал от действительности и не противопоставлял себя техническим новшествам XX в. В начале «железного» века его жизнь стала необычным христианским опытом выживания в условиях древнего язычества и современной цивилизации. К сожалению, ценность и важность такого «жития» православными на пороге XXI в. не только не осознана, но и не замечена. Многим и сейчас трудно понять, как можно было в такой обстановке не только сохранять достигнутое, но и продолжать — строились новые храмы, ежегодно присоединялось к Церкви до тысячи человек *сознательных* христиан.

Был у свт. Николай и свой день «Икс» — начало русско-японской войны. Еще за несколько лет до нее японская печать стала нагнетать антирусские настроения. Мишенью были выбраны православные японцы, которых называли предателями, исповедниками «русской веры», угрожали террактами

- (1) Хохлов В. Н. Роль Токийской Православной Семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. — Памяти святителя Николая, Апостола Японии (1836–1912). СПб., 1996. С. 74.
- (2) Антоний (Мельников), архиеп. Святой Равноапостольный Архиепископ Японский Николай // Богословские труды. 1975. Сб. 14. С. 53.

епископу Николаю. Самому Владыке грядущая война несла много душевных страданий, так как он был патриотом своей родины и все ее неудачи и поражения болью отзывались в его сердце. Перед началом войны (24 января/5 февраля 1904 г.): «Японский министр иностранных дел барон Комура сказал (русскому послу. — Р. Ц.) барону Розену, что „остающимся в Японии русским будет оказана охрана и что желающие могут спокойно остаться“. Стало быть, остаться или нет, от меня зависит, так как я не принадлежу к составу посольства. Как поступить? Себялюбие тянет в Россию, — больше 23 лет не был там, и отдохнуть от однообразного долгого труда хочется; польза церковная велит остаться здесь. Велел собраться находящимся под рукой церковнослужителям — священникам, членам редакции, начальникам школ, секретарям — и рассудить: уезжать мне или нет? Чего они желают, или что нужней для церкви? <...> (25 января/7 февраля 1904 г.) Иван Акимович Сенума прочитал мне написанные пункты решений (совещания. — Р. Ц.), сопровождая пояснениями. Первое — все поголовно желают, чтоб я остался и т. д. <...> Я молча все выслушал и ответил на все пункты, в иных кое-что исправляя. На первый я сказал следующее: „Меня радует ваше желание, чтоб я остался здесь, так как это показывает вашу заботливость о церкви. Ваше желание вполне совпадает с моим, и я думаю, что оно согласно с волей Божией. Признаюсь, мне приятно было бы уехать в отчизну, где я не был 23 года; но утром, во время совершения предпричастного правила, совесть меня укорила за это поползновение оставить без призора столь юную церковь, и я твердо и радостно решил остаться. Оставшись, я буду делать [то], что доселе делал: заведовать церковными делами, переводить Богослужение. Но в совершении общественного богослужения, пока война не кончится, участвовать не буду по следующей причине: во время богослужения я вместе с вами молюсь за японского императора, за его победы, за его войско. Если я буду продолжать делать это и теперь, то всякий может сказать обо мне:

„Он изменник своему Отечеству”. Или напротив: „Он лицемер: устами молится за дарование побед японскому императору, а в душе желает совсем противоположного”. Итак, вы совершайте богослужение одни и молитесь искренно за вашего императора, его победы и прочее. Любовь к отечеству естественна и священна. Сам Спаситель из любви к Своему земному отечеству плакал о несчастной участи Иерусалима. Итак, начнется война, служите молебен о даровании побед вашему воинству; одержит оно победу — служите благодарственный молебен; при обычных богослужениях всегда усердно молитесь за ваше отечество, как подобает добрым христианам-патриотам. Я, по возможности, буду приходить в церковь на всенощную и литургию и стоять в алтаре, совершая мою частную молитву, какую подскажет мне сердце; во всяком случае, первое место в этой молитве, как и всегда, будет принадлежать японской церкви — ее благосостоянию и возрастанию»¹. Так, во время войны свт. Николай оказался единственным русским в Японии, о чем извещал в 29 сентября/12 октября 1905 г. митр. Макария (Невского): «Имейте в виду, что я здесь совершенно один русский»². Так, при общей ненависти японцев к русским и к «русской вере» — православию, он объяснял своим пасомым, что истинный христианин должен быть выше национальных раздоров, что православие — это вера не греков или русских, а истинная вера, правильно прославляющая Бога, вера не одного народа, а всех людей, жаждущих истинного богообщения. Сам же он переживал в каждом поражении русских личную трагедию: «(4/17 января 1905 г.) Порт-Артур взят; уже десятки тысяч пленных в Японии. Боже, какое унижение для России! И кончится ли когда этот позор, или все глубже и больше будет облегать Россию? Как не скорбеть, когда ниоткуда никакого утешения! <...> (5/18 января 1905 г.) Тот же мрак на душе. <...> (6/19 января 1905

(1) Дневники... С. 365–366.

(2) Ф. 573, СПб.ДА, А. I. 318. Л. 1 об.

г.) Убийственное расположение духа и тяжелая пасмурная погода сделали день едва выносимым. <...> (26 февраля/11 марта 1905 г.) Мукден взят японцами, и торжествуют они, вывешивая флаги и фонари и производя процессии. Горевать ли? Да уж, кажется, дальнейшая степень горя будет сумасшествие; а между тем здравый смысл нужен, — дела много»¹. Здравый смысл состоял в том, что, будучи горячим патриотом, епископ Николай разрешал патриотизм и для японцев. Он даже требовал от них, чтобы они были верными сынами Японии. «Истинный христианин, — учил он своего нерадивого ученика Даниила Кониси, — должен быть [и] истинным патриотом»².

Страдая сам, свт. Николай не позволял страдать другим. В этом смысле полон был самоотверженной любви его подвиг служения русским пленным. Без его подсказки, но под его руководством православные японцы образовали даже особое благотворительное Общество «Духовного утешения военнопленных». Также им было рукоположено несколько священников специально для лагерей военнопленных, для которых совершались богослужения, устраивались денежные сборы в пользу раненых, посылались книги, иконы, крестики. Сам епископ, выполняя свой христианский и патриотический долг, неоднократно посещал пленных со словами утешения. Один из русских пленных офицеров, познакомившись со свт. Николаем, писал на Родину: «Около 40 лет этот великий по своим убеждениям, твердый мыслью и светлый душой человек трудится на пользу Православия. Хотелось бы, чтобы об этом епископе узнали в русском обществе и оценили его поистине трогательное отношение к нам и заботы о нас»³.

(1) Дневники... С. 559, 583.

(2) Кониси, проф. Воспоминания японца об архиепископе Николае // Христианин. Т. 1. 1912. Январь—апрель. С. 667.

(3) Наши пленные в Японии // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1905. № 21. С. 878.

Японское правительство оценило поведение русского епископа и взяло под свою защиту Миссию и ее сотрудников. Японские власти также официально разрешили посещать русских военнопленных священникам. Многие русские офицеры, матросы и солдаты скончались на японской земле, и тут, на их братских могилах, свт. Николай на собранные в Японии и в России пожертвования, поставил памятники и храмы. В России деятельность свт. Николая произвела глубокое впечатление: 9 октября 1905 г. ему был вручен орден Александра Невского¹. Когда же окончилась война, то, по желанию императора Николая II, епископ Ревельский Николай был возведен в сан архиепископа Японского (24.03.1906).

После войны, во время архиепископства владыки Николая, положение Миссии и Православной Японской Церкви упрочилось. «Как ангел Японской Православной Церкви, он пребывал на своей кафедре, продолжая охранять и воспитывать свою паству, неусыпно заботясь о церковных нуждах, продолжая свою литературную переводческую работу»². Сама атмосфера вокруг созданной им Миссии и православия стала иной — преисполненной любви, уважения и доверия. Это всенародное признание заслуг святителя Николая нашло высочайшее выражение в праздновании пятидесятилетнего юбилея его служения в Японии 30 сентября 1911 года³. Поздравления пришли от японского императора, которому святитель отдал должное за проявленную веротерпимость, от японской прессы, инославных миссий и от губернатора Токио. В речи губернатора прозвучал подлинный голос Японии, может быть, никогда не обращавшийся так к иностранцу: «Когда

(1) Смолиг И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. С. 280.

(2) Антоний (Мельников), архиеп. Святой Равноапостольный Архиепископ Японский Николай. С. 47.

(3) Ф. 573. СПб.ДА, А. I. 318. Лл. 21–22.

приехал маститый учитель Николай, считавший своим призванием распространение учения Божия в нашей стране, то, несмотря на то, что он находился среди таких грозящих опасностью обстоятельств, претерпевая всевозможные неудобства, лишения, бедствия и страдания, он спокойно и невозмутимо, с преизбыточной теплотою сердца обращаясь к народу, усердно учил и тщательно увещевал и, стараясь положить основания православного христианства в нашей стране, наконец достиг того, что приобрел множество усердных христиан, каких видим ныне. Между тем и судьба нашего государства постепенно развивается, и мы видим нынешний прогресс. Мне кажется, что те заслуги, какие оказал нашему государству маститый учитель Николай, не ограничиваются успехами одного только миссионерства, но также заключаются в том, что он содействовал цивилизации в нашей стране: даже те, которые некогда направляли на иностранцев сверкающие ненавистью глаза, теперь обращаются с ними с радостью, приветливостью и благоговением, и я, удостоившись счастья присутствовать на этом акте, почтительнейше приношу хвалу заслугам, оказанным маститым учителем Николаем как для мира и гуманности, так и для нашего государства, и вместе с тем молю Бога, чтобы Он ниспослал неисчислимы лета и блага на главу маститого учителя»¹.

Юбилей был торжественно отпразднован всей японской церковью. Архипастырь Японской церкви согласился отмечать свой юбилей только под одним предлогом — миссионерским. Он знал, что японцы любят многолюдные собрания, торжество получит огласку и, таким образом, послужит большему распространению веры Христовой в Японии. Юбилейные дни были

(1) *Сергий* (Страгородский), еп. Празднование пятидесятилетия благовестнических трудов высокопреосвященного Николая в Японии // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1911. № 41. С. 1757.

приурочены к очередному Собору японской церкви и прошли с большим воодушевлением, превратившись в общецерковное торжество, освящавшееся всеми средствами массовой информации¹. Из записок епископа Сергия (Тихомирова) можно видеть, с каким истинно христианским смирением воспринимал свт. Николай похвалы от СМИ: «Всюду читаешь: „Николай. Николай. Николаеве дело“. Увы — и в России это говорят. Неправда! Тысячу раз неправда! Божье дело! Божье дело! В России много про меня пишут. Только все, что пишут, — идеализация! Издали не видно, — вот и пишут. <...> Разве есть какая-нибудь заслуга у сохи, которою крестьянин вспахал поле? Разве может она хвалиться: „Глядите-ка, православные, что я наделала!“ Хорошо вспахано. Разве кто-нибудь скажет: „Хорошо соха вспахала“. Все скажут: „Молодец мужичок. Ловко вспахал“. Так и здесь... Николай. Сергий. Роль наша не выше сохи. Вот крестьянин попахал, соха износилась. Он ее и бросил. Износился и я. И меня бросят! Новая соха начнет пахать. Так смотрите же, пащите! Честно пащите! Неустанно пащите! Пусть Божье дело растет! А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит, и ты не заржавел. Значит, за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась, и за сие будем всегда Бога благодарить»².

Несмотря на астму, святитель Николай продолжал трудиться в своем кабинете до последнего дня. Его блаженная кончина последовала на 76-м году жизни — 3 февраля 1912 г. Апостола Японии торжественно похоронили в Токио, на кладбище Янака. Десятки тысяч японцев — христиан и языч-

- (1) *Георгий* (Тертышников), архим. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского. С. 197.
- (2) *Сергий* (Тихомиров), еп. Памяти преосвященного Николая, архиепископа Японского (к годовщине кончины его 3 февраля 1912 г.) // Христианское чтение. 1913. Ч. 1. С. 49. Цит. по: *Георгий* (Тертышников), архим. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского. С. 197–198.

ников — пришли проводить его в последний путь. Император прислал от имени государства погребальный венок. Перед гробом несли Смоленскую икону Божией Матери Одигитрии, которая была с ним всю его жизнь и которую он считал благословением Родины¹. Родная Русская Православная Церковь не забыла его труды и канонизировала труженика, проповедника, просветителя и миссионера свт. Николая в 1970 г.

На момент смерти свт. Николая состояние японской церкви — Русской Духовной миссии в Японии можно охарактеризовать следующими цифрами: 266 приходов и 33 017 христиан, из которых 43 были клириками, 14 — псаломщиками, 116 — катехизаторами. Если в 1911 г. было крещено 1082 человека, то в 1913 г. — 1009. В токийской семинарии учились 98 человек, из которых 11 были русскими из Восточной Сибири. Незадолго до смерти свт. Николая Св. Синод прислал ему викария в Киото. Им 31 марта 1908 г. стал Сергей (Тихомиров). После смерти архиепископа Николая, 29 мая 1912 г. он стал начальником Русской Миссии в Японии². Отправляя свой первый отчет Св. Синоду епископ Сергей написал: «Все, что есть в японской церкви доброго, до последнего христианина в храме, до последнего кирпича в постройках, до последней буквы в переводах богослужебных книг, есть дело его христиански-просвещенного ума, широкого сердца и твердой, как скала, воли, [вместе] соделавших его избранным сосудом благодати Христовой»³.

Сайкайси Марк Иванович, выпускник СПб.ДА, кандидат богословия. О нем свт. Николай оставил в своем дневнике

- (1) *Георгий (Тертышников)*, архим. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского. С. 198.
- (2) *Смолиг И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. С. 280.
- (3) *Казем-Бек А.* Архиепископ Николай (Касаткин). К 100-летию Православия в Японии // ЖМП, 1960, июль. С. 58.

следующую запись за 21 февраля/5 марта 1904 г.: «Кандидат Марк Сайкайси, наставник семинарии, приходил сказать, что он принимает предложение преподавать русский язык в военной школе, — деньги-де нужны.

— Не можете ли совместить это с преподаванием в семинарии?

— Могу, так как три урока от меня возьмет господин Сенума.

— А он совместит ли это с[о] своими уроками?

— Говорит, что совместит.

— А вы ему за это из своего жалованья отделите сколько?

— Да.

— Ладно. Скажите господину Сенуме, что я не против.

Да и как бы я был против? Он совсем ушел бы со службы, как сделали другие. После [этого] И. А. Сенума был у меня и выразился именно в этом смысле: „Лучше дать возможность ему совместить преподавание в двух местах, чем совсем лишиться его, при скудости в преподавателях!“ Сенума берет от него три урока в неделю. Теперь пока держатся безукоризненно своего назначения только двое: вот этот И. А. Сенума и Пантелеймон Семенович Сато, а воспитано в академиях было 10 человек!

Марку Сайкайси совсем не делает чести его поступок. Его отец — диакон в Мориока — вот уж лет 20 совершенно бесполезный для церкви человек — полутруп и, между тем, все время ежемесячно получает от Миссии прежнее полное содержание 16 иен, значит, обеспечен; сам Марк получает 40 иен, имея в доме, кроме жены, лишь двух младенцев: значит, тоже обеспечен.

Миссия, кроме обеспечения содержанием, никогда никому больше [ничего] не обещала. И за это при поступлении на воспитание и, особенно при отправлении в академию, давали крепкое обещание служить всю жизнь церкви безраздельно. И вот как исполняют обещание! Или совсем уходят со службы,

или разделяются, — и это последнее уже надо считать добром»¹.

Сенума Какутаро, или Какусобуро, в крещении Иван Акимович (1868–1936?). О нем известно следующее. Закончив курс семинарии в Японии, он продолжил учебу в С.-Петербургской Духовной академии, по окончании которой защитил ученую степень кандидата богословия. Во время учебы, вместе с Сергием Сёодзи, приемным сыном Рачинского и Арсением Ивасава (будущим профессором и преподавателем в Православной семинарии и Военной школе в Токио), также получавшим образование в России, Сенума посещал смоленское имение Рачинского и жил там, пользуясь расположением хозяина к японской молодежи. Через четыре года после публикуемого нами письма, в 1898 г., он стал сначала смотрителем, а потом ректором Православной Духовной семинарии в Токио. Как и у прочих японских кандидатов, у него, кроме духовных интересов, были еще и литературно-лингвистические. Одно время он, очевидно, находился под обаянием «практической религии, дающей блаженство на земле» (определение толстовства самим Львом Николаевичем). Об этом свидетельствует эпистолярный архив Толстого, который, например, советовал Сенума и его земляку Кониси заняться переводом его общественно-политических (в массе своей — пацифистских) статей. Впечатлительный Кониси перевел одну антивоенную статью графа, которая, как и полагается опусам такого рода, носила апокалиптическое название «Приближение конца». Переводы Сенума толстовской публицистики неизвестны. Зато в архиве Льва Николаевича сохранилось письмо Сенума, в котором японец предварительно согласовывал с графом вопрос о переводе «Анны Карениной» на японский язык. В двух письмах за 1902 г., хранящихся в архиве «высокопочитае-

(1) Дневники... С. 391–392.

мейшего графа» можно заметить и некоторые специфические черты характера Сенума. «Чсть имею, — писал он Толстому, — выразить свою глубочайшую признательность <...> за Ваше снисходительное позволение о переводе Вашего бессмертного романа „Анна Каренина“. Письмо Ваше, прочитанное мною с неопишуемым восторгом, равно как и Вашу подпись, я считаю за бесценный Ваш подарок и буду вечно хранить у себя как славный памятник нашей с Вами переписки»¹. Интересна оценка Толстым «бессмертного романа», которую он высказал в письме к Сенума в 1903 году: «Желаю успеха Вашему переводу „Анны Карениной“, но боюсь, что роман этот покажется скучным японской публике, вследствие тех больших недостатков, которыми он переполнен и которые я ясно вижу теперь»². В сотрудничестве с Одсаки Кёо, Огури Фуюэ, Идзуми Кёка и Токуда Сюсей, Ивану Акимовичу удалось не только сделать перевод «Анны Карениной», но и напечатать его в японском журнале «Бунсо». Известно, что свт. Николай был против увлечений своих подопечных произведениями отлученного от церкви графа. Так, например, в его дневниках за 1901 г. имеется следующая запись: «Гоподи, доколе Ты терпишь поношение Твоего Истинного Евангелия? Помоги воспрянуть России, которой Ты вверил Православие! Нечистые насекомые облегли это огромное тело и сосут из него кровь — как Лев Толстой и вся эта вонючая, как клопы, интеллигенция, лакействующая пред Западом. Помоги сбросить эту нечисть!»³. В 1903 г. свт. Николай, по поводу погрома в Кишиневе, сделал следующую запись: «Утром возмутило приведенное в „Japan Mail“ письмо графа Льва Толстого о киши-

(1) Шифман А. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 235–236.

(2) Там же. С. 238.

(3) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. Об инославии и экуменизме. Ноябрь 1900 года — январь 1904 года. С. 24.

невском возмущении народа против евреев. Этот анафематствованный еретик, как злой пес, не упускает никакого повода лаять на свое правительство и на духовенство. И нигде во всем нынешнем шуме в газетах о кишиневских беспорядках ни малейшего намека, что евреи сами виноваты в ненависти к ним и в повременных возмущениях против них простого народа: они, как пиявки, сосут кровь окружающего их люда, ну и выводят, наконец, его из терпения и жестоко платятся за это»¹. Прочитанное место косвенно бросает тень и на Сенума, как респондента Л. Толстого. При первом знакомстве к нему подозрительно отнесся и Д. М. Позднеев и называл даже его «двуличным и вероломным»². Но заглянем в недавно опубликованные документы — дневники свт. Николая, в которых, возможно, и отыщется указание на неизжитую Сенума слабость к «практической религии, дающей блаженство на земле». О преподавательской деятельности Сенума свт. Николай говорит скупо. Кроме составленного «Практического руководства к самостоятельному изучению японского языка» (напечатано в Токио), Сенума постоянно помещал свои корреспонденции в „Московских новостях“, а в 1904 г. выпустил, в связи с войной, „Японско-русский разговорник“ — „для употребления японцами на войне“³. Педагогические способности Ивана Акимовича свт. Николай оценивает сдержанно: «Ив[ан] Ак[имович] Сенума — теоретик, практически рассуждать не мастер»⁴. В 1901 г. мысли о японской семинарии и ее

(1) Дневники... С. 266.

(2) Ф. 590. № 117: письмо Д. М. Позднеева к Алексею Матвеевичу Позднееву от 18 ноября 1908, лл. 136–138. В дальнейшем Дмитрий Матвеевич переменил свое отношение к Сенума, на что указывает тон его писем к нему (Ф. 590. № 117. Л. 260, 299–300).

(2) Дневники... С. 450.

(4) Там же. С. 258.

педагогах, включая Сенума, вылились в следующую запись: «<...> приходит смотритель семинарии Иван Акимович Сенума и сообщает, что трое семинаристов бежали из школы, — в светские учебные заведения куда-то поступают (без сомнения, тоже, чтобы добиться со временем более доходной службы, чем церковная). В сущности, не жалко никого. <...> Самый дрянной народ поступает в миссийские школы — большею частью отброс других школ; потому, если и уходят, — не беда. Жалко положение вообще духовных школ ныне, не наших только, а всех миссий. Кажется, отлив дошел до последней черты; если течение пойдет еще вниз, то, значит, и отброса не будет; школьные здания опустеют. Что ж, если и это будет, — пусть! Не от нас это зависит, значит, и не нам и печалиться. Но печально положение Японии. Материализм до того обуял ее, что, если не пойдет на прилив, она в скота обратится со всей своей наружной цивилизацией. <...> Быть может, из семинарии менее бежали бы, если бы штат учащихся был благонастроен. Ныне там четыре кандидата богословия, но ни одного истинно усердного к церкви; все служат, чтобы получать жалованье; Бог весть, устояли бы и они, если бы где на стороне могли получить больше; и особенно, если бы гораздо больше. Прочие учителя — язычники. Языческая литература вливается в семинарию; более, чем языческая, — атеистическая. Сенума постоянно требовал, чтобы в семинарскую библиотеку покупались были все новейшие хорошие сочинения по всем отраслям, также, чтобы выписываемы были педагогические журналы. Тщетно я говорил, что все это проникнуто нынешним модным атеизмом, утилитаризмом, эволюционизмом и прочим. Ныне он тоже просил денег на дальнейшую педагогическую литературу. Но на мои резоны, что пора перестать отравлять учеников атеизмом, иначе и все разбегутся из семинарии, склонился, наконец, и он и не стал настаивать на выдаче денег. Вообще, плохое нравственное состояние семинарии ныне!

И если оно не улучшится, то, пожалуй, и хорошие ученики будут портиться у нас»¹. «Стоит отметить, для поучения в будущем, что на самых, по-видимому, надежных японцев нельзя полагаться вполне, а нужно наблюдать за ними, чтобы не испортили. Арсения Ивасава и Ивана Акимовича Сенума, кандидатов, я считал самыми надежными по их преподавательскому в семинарии делу. Сегодня Сенума приносит ко мне список книг, которые нужно выписать для семинарии; [под] первым [номером] стоит „Догматическое богословие Малиновского“ 20 экземпляров, — выписывается как учебник.

— С этим я не согласен, — говорю Сенума. — Учебник пресвященного Макария хорош, его менять не следует.

— Этот лучше, — возражает он. — Ивасава просит выписать, говорит, что он находит его более пригодным, чем Макария.

— Оставьте, я посмотрю.

Много не нужно было смотреть. Целый том, в 360 страниц, и только еще рассмотрено учение о Святой Троице. Значит, еще нужно томов 5–6, чтобы „Догматика“ кончилась. А внутри книги чего только нет! И история, и еретические споры, и разное подобное. И это Ивасава хочет сделать учебником! Видно, что дальше заглавного листа и не разворачивал книги. Так-то преподаватель „Догматики“ внимательно относится к своему делу! А начальник школы Сенума требует по требованию того и не подумал исполнить свой долг начальника, взглянуть на книгу и вникнуть, основательно ли требование Ивасава. Я призвал Сенума, растолковал нелепость намерения Ивасава сделать эту книгу учебником и сделал выговор ему и чрез него Арсению Исикава»². К портрету Ивана

(1) Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. Об инославии и екуменизме. Ноябрь 1900 года — январь 1904 года. С. 22–24.

(2) Дневники... С. 519–520.

Акимовича прилагаем ряд характеристик, данных ему его начальником, свт. Николаем: «Спрашивал [у меня] совета господин Сенума: сделаться ли ему преподавателем русского языка в одном училище, куда [его] приглашают. <...> Я отсоветовал. Хотя это для него и денежный вопрос, но держится он пока на высоте бескорыстного настроения — помощи Бог ему! Получает, впрочем, и от Миссии достаточно для безбедного существования с семьей: 45 иен жалованья, 10 лично от меня, провизию на всю семью от школ и квартиру. <...> И. А. Сенума отправился на воды. Не перестает толковать, что его приглашают преподавать в какой-то новооткрываемой школе русский язык. Видно, что тянет и его последовать товарищам, изменникам своего назначения. Есть еще у него некоторая остойчивость и тяжесть, которую другая чашка весов с подкупающими деньгами не перетягивает. Но уже начинаю я сомневаться: если бы прикинуть еще денег, не перетянула бы эта чашка и не перекувыркнулась бы его честность. А ведь и от Миссии получает столько, что, кажись, можно бы довольствоваться, никто другой столько не получает: 45 иен жалованья, 10 частно от меня, вся семья питается от семинарии (что, надо полагать, иен 15 в месяц), да квартира иен 10, итого иен 80. В конце концов, быть может, придется плюнуть на этих продажных японских кандидатов и вызвать из России своих русских, двоих, — оными уже и набивался однажды К. П. Победоносцев, что я тогда телеграммою отклонил. И Семинария велась бы несравненно лучше — разумней и правильной. Увидим, что Бог укажет. <...> В полученных сегодня из России „Московских ведомостях“, № 180, 3 июля 1903 года, передовая статья Л. А. Тихомирова „Нужды проповедников Японской миссии“, произвела тяжелое впечатление. Здешнее нытье, что мало содержание, и там откликается. И виной этому нынешний корреспондент „Московских ведомостей“ И. А. Сенума. Мало! Но как же живут учителя японских школ, чиновники средней руки, военные на подобное содержание? При-

том же у всех служащих церкви перед носом своего рода денежный рудник: трудность так, чтобы христиане полюбили, и увеличение содержания само собой произойдет, станут помогать — кто деньгами, кто платьем, кто провизией. Об этом вечно говорится всем служащим; но вот об улучшении содержания своих средств таким способом почти ни один не заботится, а подай Миссия. И дал бы достойному. Да кто же достойные-то? Чуть кто хоть мало заявит усердия и успех в службе, тотчас старается под каким-нибудь предлогом увеличить содержание. Но, в конце концов, оказывается ныне налицо, что, у кого так или иначе содержание возвысилось до значительного превосходства над другими, те-то и оказываются потом самыми бездеятельными; <...> если бы можно было отделить золото от меди, то первое и оценил бы, как таковое, несравненно дороже, чем медь. Но дело-то в том, что золота у нас совсем нет; все — или умственная бездарность, или нравственная вялость... <...> И еще [один] воспитанный в России академист ушел с церковной службы, сманенный большим против миссийского жалованьем: Пантелеймон Сато, кандидат Казанской академии, ушел служить военному ведомству на 70 иен жалованья (от Миссии получал 45). Пришел сегодня и запел Лазарем: я-де и для церкви это делаю, и прочее и прочее, как все эти продажные души поют при уходе. Прослушав его с улыбкой на лице и скрытой в сердце острою болью, встал, благословил и отпустил (через несколько месяцев П. Сато будет смертельно ранен в Манчжурии: „Царство ему небесное! Был человек преданный Церкви, пока [не] прельстился на большее, чем Церковь дает, жалованье, хотя всегда был плохой наставник, над которым смеялись ученики“). Остался теперь только один безупречный академист в семинарии, Иван Акимович Сенума. Не знаю, долго ли выдержит он; а, конечно, искушают и манят к измене и его»¹. Извест-

(1) Дневники... С. 265, 277, 284-285, 419, 490.

тно, что в 1936 г. Сенума, по подозрению в шпионаже, был арестован и оказался в тюрьме. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Сергий (Тихомиров), митрополит Японский (1871–1945). Родился под Новгородом в 1871 г., учился сначала в Новгородской семинарии, потом, с 1892 г., в СПб. Духовной академии. В 1896 г. закончил курс Академии в сане иеромонаха и со степенью кандидата богословия. В том же году был оставлен инспектором СПб. Духовной семинарии, в которой, с 1899 г., стал ректором. В 1905 г., после защиты степени магистра богословия, был назначен ректором СПб. Духовной академии. Далее: 6.11.1905 г. о. Сергий был рукоположен в епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии, а 21.03.1908 г. — переведен в Японию епископом Киотоским, помощником начальника Русской духовной Миссии в Японии. Имея навык в учебе и преподавании, еп. Сергий быстро стал осваивать японский язык и вскоре внешне адаптировался к специфике Русской миссии в Японии. В 1909 г. свт. Николай Японский дал ему следующую характеристику: «Преосвященный Сергий, епископ Киотоский, в продолжение более половины минувшего года исполнял самое существенное дело миссии: посещал провинциальные церкви для назидания и руководства христиан и самих проповедников-священников и для проповеди язычникам. В январе, феврале и марте он посетил церкви на островах Киусиу и Сикоку, в сопровождении благочинного церковей священника Симеона Мии, который знакомил его с церквями и служил ему переводчиком. Но в августе преосвященный Сергий отправился по северным церквам на Сахалин и Хоккайдо уже без переводчика, так как успел усвоить японский язык настолько, что мог свободно говорить речи и назидания христиан и нехристиан. Везде христиане с великой радостью встречали его, и везде посещение его оставляло благотворный след в оживлении церкви, в воодушевлении христиан сугубою ревностью по вере.

Благодать Божия, видимо, содействует преосвященному Сергию в сем его служении. Он и сам одушевляется живою ревностю и горит желанием вести это свое дело безостановочно, находя его сколько полезным для церквей, столько же и приятным для себя. Временные пребывания в миссии он употребляет для/только на то, чтобы заготовить и перевести побольше проповедей для дальнейшего путешествия. И ныне он, снабженный этим, особенно же вооруженный своим природным красноречием и своим одушевлением, отправляется в новое, надолго рассчитанное путешествие по церквам средней части острова Ниппон. Любовь к нему христиан и вместе с нею авторитетность его для них продолжает возрастать, а соразмерно с сим увеличивается и польза от его служения для японской церкви. Господь доброго пастыря послал Своей Церкви. Да укрепит Он его на многолетнее неустанное служение здесь»¹. Однако, несмотря на оптимизм свт. Николая, православие в Японии после русско-японской войны подверглось серьезному испытанию. Из воспоминаний одного японца-катехизатора, «после войны толпа, которая проявляла интерес к его проповеди, „исчезла во тьме“, и церковь сама осталась, как прежде, в бедном положении не только с финансовой стороны, но и с точки зрения влияния на общество»². После войны вторым ударом для японской церкви была смерть ее основателя — свт. Николая. С 19.05.1912 г. Сергий стал епископом Японским и начальником Русской миссии в Японии. После кончины свт. Николая еп. Сергию приходилось преодолевать сопротивление со стороны некоторых представителей клира японской церкви. Частично это было вызвано отличием опыта и личных склонностей свт. Ни-

(1) Цит. по: Наганава *Мицуо*. Жизнь и деятельность митрополита Сергия (Тихомирова) в Японии // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. — Памяти святителя Николая, Апостола Японии (1836–1912). СПб., 1996. С. 101–102.

(2) Там же. С. 102.

колая и еп. Сергия. Владыка Сергей был скорее ученым-богословом, чем миссионером. Вместо того, чтобы продолжать переписку с катехизаторами и «контролировать ситуацию на местах», он занялся издательской деятельностью с целью «питать японских иереев и катехизаторов от лучших плодов русской православной богословско-философской мысли». В результате «это вызвало среди них антипатию к нему, и <...> эта антипатия еще более осложнила тяжелое положение церкви, которое было обусловлено двумя бедствиями — русской революцией 1917 г. и землетрясением 1923 г., и эта антипатия стала отдаленной причиной трагедии в последние годы жизни владыки»¹. Гонения на Русскую Православную Церковь и полное прекращение финансовой помощи с ее стороны японским христианам стали причиной снижения авторитета епископа у православных Японии. Даже возведение еп. Сергия в 1921 г. в сан архиепископа не изменило внутрицерковного положения. Самой жизнью архиеп. Сергей был поставлен перед дилеммой — или оставаться богословом, или стать миссионером. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В 1923 г. в Японии произошло землетрясение, разрушившее основную часть церковного недвижимого имущества и, самое главное, сильно повредившее символ японской церкви — Воскресенский собор «Николай-До». Для его восстановления православным христианам Японии пришлось объединиться вокруг архиепископа, который начал кампанию по сбору средств на восстановление собора. В результате, через 6 лет, 15 декабря 1929 г. состоялось торжественное освящение собора. «В течение этих лет владыка непрерывно возглавлял работу по восстановлению собора; он предпринимал поездки по приходам, и его знали буквально во всех уголках страны, включая тогдашние колонии»². Однако сама эпоха не благоприятствовала архиепископу Сергию: когда

(1) Там же. С. 103.

(2) Памяти святителя Николая... С. 104.

ему в 1931 г. митр. Сергей (Страгородский) присвоил титул митрополита, это было японскими властями и православными истолковано превратно — в смысле лояльности владыки Сергея советской власти. К этому еще примешивались старые обиды: считалось, что Сергей (Страгородский), бывший миссионером в Японии с 1890 по 1893 гг. и с 1897 по 1899 гг., не оправдал надежд свт. Николая и даже предал его, вернувшись на родину против сердечного желания апостола Японии сделать его своим преемником. Когда в 1940 г. вступил в силу закон о религиозных обществах, запрещающий иностранцам стоять во главе какой-либо религиозной организации, он оказался перед серьезным выбором. По закону, не имеющий японского гражданства епископ лишался права руководить японской православной церковью. Он был вынужден покинуть свое место и даже уйти из общины, поскольку не желал принимать подданство Японии. «Пока еще неизвестно, что случилось с ним на пути к этому решению, но, когда мы читаем на страницах органа (японской. — Р. Ц.) церкви, что он не разрешал японским православным поминать свое имя в их молитве, нам будет легко представить себе, какое ужасное и мучительное состояние души ему надо было терпеть»¹. В таком состоянии он провел 5 лет, после чего в 1945 г. был арестован по подозрению в шпионаже. После пыток и сорокадневного заключения он был отпущен, но, не прожив и трех месяцев, скончался 10 августа 1945 г. в Токио.

(1) Памяти святителя Николая... С. 105.

Неизвестный Ревельский епископ-педагог

Программа христианского становления педагогов и воспитываемой ими молодежи (по материалам письма свт. Николая Японского к И. А. Сенума из ГПБ, ф. 573, СПб.ДА. А. I. 318)*

*Архиерей — школьный учитель! Это образец смирения и ревности к пользам ближних.
Еп. Порфирий (Успенский).*

В 1999 г. по благословению правящего архиерея я был направлен в Нарву — учителем Закона Божия. Методикой преподавания этого предмета, к моменту окончания мною IV курса Духовной академии, я не владел, но спас случай. В Публичной библиотеке СПб. я обратил внимание на переплет с письмами некоего Ревельского епископа Николая (Касаткина). Одно письмо особенно привлекло мое внимание. В нем были наставления епископа-педагога молодому учителю из Японии. Два года понадобилось мне для переписывания и осмысления содержания. Сегодня я хочу познакомить с этим письмом и «неизвестным» Ревельским епископом Николаем (Касаткиным) всех, собравшихся на юбилейные торжества, связанные с 10-летием Нарвской гуманитарной православной школы, в которой я работаю уже третий год.

* Текст приводится по материалам конференции, проведенной к своему 10-летию юбилею Нарвской Православной гуманитарной школой 22.11.2001 г.

Адресат письма может вызвать недоумение: что общего у прибалтийского епископа со Страной Восходящего Солнца? Чтобы все стало ясно, предлагаем вначале познакомиться с исторической справкой.

В иерархии церкви есть такой титул, как викарный архиерей, который является обозначением должности заместителя правящего епархиального архиерея. Первоначально это наименование появилось в римском государственно-юридическом лексиконе и относилось к должностным лицам империи. Со времен св. Константина Великого административная территория империи была поделена на четыре округа — префектуры, которые, в свою очередь, были разбиты на диоцезы. Во главе каждой префектуры стоял *praefectus praetorio*, а во главе каждого диоцеза — правитель, подчиненный префекту и называвшийся *vicarius (praefectorum)*. Викарий назначался самим императором и в границах своего диоцеза пользовался полномочиями префекта в деле надзора за низшими «управленцами» — правителями провинций (подразделений диоцеза). Власть их при этом была ограничена — они не имели права «отрешать» управляющих провинциями от должности, а во время присутствия префекта в диоцезе вообще теряли всякую власть. Эта характерная черта делала из викария должностное лицо с ограниченными возможностями, так как известные полномочия, данные ему префектом, в присутствии последнего теряли свою силу. Такова главная черта викариатства. В таком виде она была воспринята церковью и сохранилась, даже до сего дня, в одной из церковных должностей.

Несколько слов о развитии института викариатства в России и в Русской Православной Церкви (РПЦ), в частности. В РПЦ впервые эта форма церковного правления была введена в 1685–1690 гг., (по другим сведениям — в 1708 г.). Тогда митрополиту Новгородскому был назначен помощник с титулом викария Карельского и Ладожского (будущее викариатство митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского).

Штат викарных архиереев был окончательно учрежден в России при имп. Екатерине II в 1764 г., а в 1865 г. Св. Синод получил разрешение от российского императора открывать викариатства везде, где на это найдутся средства. Все викарии состояли в непосредственном ведении епархиальных архиереев, которые давали им индивидуальные поручения по собственному усмотрению (такими эти отношения остаются до сего дня). По этой причине одни викарии пользовались большими полномочиями, другие — меньшими. В первую очередь это было связано с необычностью местных условий служения: в силу каких-то исключительных местных обстоятельств некоторые викарные архиереи действовали в известной местности даже как полноправные архиереи, т. е. во всей целокупности вели церковное управление. В таком случае оставался только титул, а элемент подчинения или сводился к нулю, или специально оговаривался церковью. Во втором положении в середине XIX в. оказался викарий Рижской Архиепископии епископ *Ревельский* Николай (Касаткин) (1836–1912)¹, выполнявший обязанности начальника русской Духовной Миссии в Японии. Личность этого ревельского викария стала культовой для Страны Восходящего Солнца, свидетельством чему стал венок на его могиле от самого японского императора. Феномен свт. Николая стал не только христианским знаком для язычников Японии, но и оправданием его имени — силой благодати и христианской любви он стал победителем религиозной инертности японского народа.

- (1) Первым ревельским викарием по Рижской епархии был *Вениамин* (Карелин) с 29.05.1866 г.; с 2.03.1870 г. он епископ Рижский и Митавский. Первым ревельским викарием по Петербургской митрополии стал *Филарет* (Дроздов), — с 5.08.1817 г. по 15.03.1819 г. *Свт. Николай* (Касаткин) стал викарием ревельским 30.03.1880 г., а архиепископом Японским — 24.03.1906 г., в 70-тилетнем возрасте.

Но обратимся к теме нашей статьи, — к мыслям свт. Николая Японского о христианском образовании. В 1894 г. он (тогда еще викарий Ревельский) написал из Японии в Россию письмо, в котором предложил японскому студенту СПб.ДА Ивану Акимовичу Сенума вместе с ответственным постом ректора православной семинарии в Токио принять и педагогическое служение, христианский путь религиозного воспитателя детей. Для удобства восприятия мы решили обширное письмо свт. Николая разбить на тезисы, из которых, по сути, и составлено это *апостольское послание*.

¶ *Первый тезис*. Вера свт. Николая в то, что православная школа может быть благом не только для церкви, но и для государства.

«Слушайте; несколько лет я ношу в душе план семинарии — не такой, какая ныне у нас — по правде сказать — мизерной, а настоящей, большой, благоустроенной семинарии. Нынешняя принимает в себя только христианских детей, которых отцы предназначают на службу церкви, — оттого семинария малолюдна и состав ее беден по способностям. Откроем семинарию и для язычников. Оповестим по всей Японии, что на Суругадае учебное заведение, ни в чем не уступающее по программе гимназиям (Коо-тоо-циу гакко), но с прибавлением предметов духовных, наук религиозных, и с воспитанием учеников в нравственно-религиозном духе. Будьте уверены, многие — и хорошие — языческие родители поручат нам детей — для того, чтобы при воспитании сохранить их добронравственными и религиозными. Окиньте взором нынешнюю сеть японских учебных заведений: густая и прекрасная сеть; но с одним недостатком: *религиозного наугения в ней нет* (выделено нами. — Р. Ц.); нравственное кое-как старается ютиться — на естественном законе ([но] что такое он без Бога), на обрывках конфуционизма, индубуддизма; все это представляет весьма печальную картину — отсутствие прочных основ нравственного воспитания для японского народа в глазах всякого здравомыслящего

человека. Я последние два года путешествовал по Японии, посещая церкви; много сталкивался и с язычниками, и умными, уважаемыми язычниками; сколько раз я слышал негодующие речи, что нынешнее воспитание, действуя только на ум, оставляет без должного внимания другие стороны души; оттого и выходит, наприм., что мальчуганы, возвращаясь из класса, насмеются над своими отцами и дедами, что они „невежи, не знают того и сего“; „стало быть, в классе не внушают им, что отцов и дедов нужно уважать, хотя бы они не знают того, что вчера стало только известно“, — говорят старики, и сетуют, что дальше „сии птенцы пойдут и против другого чего — святого и доброго, найдут-де — в чем укорить его“, и т. д. Все подобные речи, рассуждения, сцены, — все, что я вынес из обозрения всей страны, и больше того — все, что знаю на основании долголетнего моего опыта в Японии, дает мне твердую уверенность в том, что наша Дух[овная] семинария, открытая и для язычников, не будет иметь недостатка в учениках, и учениках хороших, от родителей наиболее серьезных и основательных в Японии. Наши христиане также будут присылать к нам детей, которые будут иметь специальное назначение — по окончании курса служить церкви; стало быть, теперешняя — и самая основная идея Семинарии — давать служителей церкви нисколько не будет затеряна; напротив — из язычников, вероятно, найдутся желающие сделаться христианами и служить церкви. Итак цель семинарии — польза церкви — нисколько не будет нарушена; польза же государству — Японии — будет возвышена»¹.

¶ *Второй тезис.* Педагог-христианин (религиозный воспитатель) есть исключительное церковное служение и дело Божие.

«Сознаете ли Вы себя искренним христианином, если отстраните от себя дело — наиболее нужное для церкви, — и — истинным японцем, если не захотите делать то, что для отече-

(1) ГПБ. Ф. СПб.ДА. А. I. 318. Лл. 45 об.; 46–46 об.

ства Вашего весьма необходимо (прочное нравственное религиозное воспитание). Имейте в виду, что на Вас и не надеялись бы и не имели бы Вас в виду для сей службы, если бы Вы не проявляли себя достойным, чтобы на Вас возлагаема была надежда; стало быть, Бог Вас так создал, — Он Вам дал способности, многообещающие и возбуждающие надежды. Нет тут семени для гордости, а есть для смирения, — сказать: „да будет воля Божия, и да поможет мне Бог!“ И употребить потом все силы и все старание на дело, предназначенное Богом»¹.

¶ *Третий тезис.* Педагог-христианин нуждается в специальной педагогической подготовке.

«Принявши же серьезно означенное, постарайтесь серьезно и приготовиться к будущему Вашему служению здесь. Нетрудно это приготовление. Самое важное заключается в общем развитии и образовании, которым достаточно снабдила Вас Академия. Ныне только — без ущерба Вашим текущим занятиям, — обратите внимание на воспитательную часть. Соберите педагогические сочинения и перечитайте их. <...> Прочитанное постарайтесь проверить на деле; т. е. побудьте во всех учебных заведениях, где только можете быть, и везде вникните, как ведется дело воспитания (и преподавания). Если нужно будет, познакомьтесь с людьми, особенно сведущими и знаменитыми по педагогической части, и соберите их советы; я уверен, что никто не откажет Вам в знакомстве и руководственном разговоре, если Вы заявите, с какою целью ищете знакомства»².

¶ *Четвертый тезис.* Необходимость самоиспытания педагога-христианина перед его вступлением на школьное служение.

«В общем, не смотрите на предлагаемое Вам дело слишком напряженно, а смотрите просто и ясно. Вникните в себя,

(1) ГПБ. Ф. СПб.ДА. А. I. 318. Л. 47 об.

(2) Там же. Лл. 48–48 об.

испытайте себя, поставьте себя пред Богом; просите указания Вам воли Божией. Воли же Божией узнать легко по следующему признаку: если после молитвы, после серьезных размышлений Вы не чувствуете тяготы, печали, отвращения к делу, а чувствуете себя легко, с улыбкой, с легким сердцем помышляете о предлагаемом Вам деле, то — явный признак, что оно не против воли Божией, что Господь непременно поможет Вам, если Вы приложите старания к делу. Пусть будет это не раз и не два, а всегда, или, по крайней мере, — много раз, когда Вы молитесь и думаете о деле. Иногда и искушение диавола может отвлекать от пути, который явно — благ, — но по прилежном молении искушение диавола, как дым, рассеется, и — истина от Ваших очей не скроется <...> помолитесь, подумайте; хорошенько, неторопливо все обдумайте, решитесь <...> [но] будьте свободны в Вашем решении, — и да поможет Вам Бог избрать именно то, что Ему угодно устроить ко спасению Вашему и к истинной пользе Святой Его Церкви здесь!»¹.

¶ *Пятый тезис.* Необходимые педагогические качества учителя христианской молодежи (любовь к делу, справедливость, твердость).

«*Любовь к делу*, — вот самое первое и важное, что требуется; но без любви какое же и другое дело будет приятно и успешно! Любовь сама собой разовьет пред Вами, из глубины Вашей души, целую систему действий, не тягостную для Вас и явно полезную для воспитанников, что прежде и больше всего будет мирить и сближать их с Вами. Затем, самое важное, о соблюдении чего д[олжны] неуклонно стараться, — *справедливость*. Обидеть бедного мальчика не велико; но нет такой обиды, которая бы отзывалась большим вредом для обидевшего, чем обида ребенка: большой может простить, забыть обиду; ребенок еще не в состоянии того сделать, и потому

(1) Там же. Лл. 48 об.; 49, 56.

обида у него складывается в душе, — и душа затворяется для обидчика (если он тотчас же не загладит своего поступка), как улитка в своей раковине; повторенная несправедливость и обида уже вооружают ребенка против обидчика; а еще повторенная — делает его врагом обидчика; в обществе детей чувства, возникшие в одном, легко передаются другим, — так и выходит, что в школе ученики смотрят на своих воспитателей — по большей части — как на своих личных врагов; говори эти воспитатели самые сладкие речи, самые веские истины и полезные наставления, — все как к стене горох, — ученики лишь потом пересмеивают и передразнивают. Но действительная справедливость, явная для всех, никогда не произведет никакого неблагоприятного действия на учеников, будь она самая строгая — лишь бы не была сопряжена с жестокостью и бездушием, а сопровождалась теплым участием к ученикам.

Еще важное и необходимейшее свойство в педагогике — *твердость*. Нет хуже и вреднее в деле воспитания — *слабости, протекающей или из мнимой гуманности, или из лести к ученикам и желания приобрести их любовь, или из безугастности к ученикам и желания соблюдать лишь собственное спокойствие* (выделено нами. — Р. Ц.). Вот в нашей школе слабость-то именно больше всего и в ходу и, сколько я заметил, — второго и третьего — больше же всего — из лести к ученикам и желания между ними популярности. И странное ослепление! За слабость никто не уважает — а все пренебрегают и в грош не ставят! — Слабость в воспитателе! Да что же может быть вреднее и даже глупее ее! Представьте доктора, который у человека, о котором обязан заботиться, увидел бы зачаток гангрены, или чесотки, или другой какой болезни, и рассуждал бы: „Зачем я буду говорить ему! Это его может опечалить, мучить и т. д.“, — и дал бы так спокойно развиться болезни и свести человека безвременно в могилу... Воспитатель слабый поступает вреднее и глупее сего доктора. От этой черты наших вос-

питателей и умерли у нас для службы церкви сколько-сколько молодых людей!»¹

¶ *Шестой тезис.* Взаимоотношение православных педагогов в школе (искренность с начальствующими).

«Страшное ослепление воспитателей, до сих пор неиско-ренное, — как я ни стараюсь о том, — заключается еще в том, что от меня обыкновенно скрывают все, что делается в школе. Скажите, ну кому же школа ближе к сердцу, чем мне? И кто же может принять большее и, быть может, лучшее участие во всем, что там делается, хорошем и худом; первое — чтобы ободрить, второе — исправить? И при всем том, всё, особенно дурное, стараются скрыть от меня, как будто бы я был враг, каратель и т. под. И потому, предлагая Вам заведовать школой, я не могу не поставить заранее между необходимыми условиями и то, чтобы Вы всегда касательно школы были вполне *откровенны* со мной, — это может принести только пользу делу воспитания, и никогда ни на одну иоту не принести вреда»².

¶ *Седьмой тезис.* Педагогические рекомендации свт. Николая: воспитание в учащихся ума, воли, сердца.

«Возьмете Вы бразды — едва заметно, но чрез месяц, не более, д[олжны] почувствовать все, что бразды перешли в крепкие и в то же время добрые руки. И какое это будет благо! Как ныне плохо исполняются правила семинарии! Больших нарушений, конечно, нет, — нарушивший мною был бы уволен из семинарии; но мелких — сплошь и рядом; а ведь *из мелких, едва заметных герт образуется характер, именно в учебное время и формирующийся* (выделено нами. — Р. Ц.). Как ум образуется науками, так *воля* — неуклонным исполнением предписанных правил в период воспитания. Нельзя смотреть сквозь пальцы на то, как сегодня ученик не встанет в должное время, завтра опоздает в класс, послезавтра уйдет со службы в церк-

(1) ГПБ. Ф. СПб.ДА. А. I. 318. Лл. 54–54 об.; 55.

(2) Там же. Л. 55.

ви, — там самовольно отлучится в город, беспорядочно ведет себя в столовой и т. д. Позвольте ученику все это, — и из него выйдет неисполнительный, ненадежный человек, или своенравный, капризный, неспособный перебороть никакую трудность в жизни. А таковы у нас и выходят большею частью из семинарии. Оттого и на службе церкви ныне много ли из семинарии? Где лучшие наши по способностям ученики? <...> Никого нет на службе церкви. Отчего? Да именно оттого, что из них вышли слабовольные, капризные, неблагочестивые люди. Первое какое-нибудь искушение в жизни, — человек пал, или вернулся вспять; с воспитанным навыком исполнять что должно — человек перешагнул бы это бревно на дороге, и пошел бы вперед; но кто же у наших учеников воспитывает этот навык? Никто. Начальник школы, и именно ближайший, у которого ученики всегда на глазах, должен был бы стараться ничего не позволять ученикам оставить неисполненным из того, что он должен исполнить; сегодня, завтра, послезавтра, месяц, год ученик считал бы непременно своею обязанностью быть исполнительным во всем по своей части; это и был бы человек, на которого впоследствии можно смело положиться; это и был бы тот дорогой в жизни и на всяком месте человек, о котором говорят: „поручите такому-то, — дело будет сделано!“ „А, такой-то заведует там, ну значит, все будет хорошо!“ и т. д. И все уважают этого человека, все дают ему дорогу, — и он идет от дела к делу, и — скоро же в его руках обретается многое; он становится высшим, начальствующим — на своем поприще и в своем месте. *Ведь все можно воспитать: и слабую волю укрепить, и дурную направить* (выделено нами. — Р. Ц.); счастливы те, которые рождаются с преобладающими склонностями к добру; но несчастны и те, у которых злые склонности более сильны, — эти склонности в годы воспитания можно перенаклонить, иначе что же? Фатализм? Но против этого и самая злая натура громко кричит, признавая себя свободной. Вот тут-то и важно дело воспита-

ния, и я не знаю, что еще в жизни важнее его; и в этом деле важнее всего именно воспитание у детей воли, развитие и укрепление добрых наклонностей (выделено нами. — Р. Ц.). Что пользы, что те же Гр[игорий] Такахаси, Хино и др. умны, коли они остались слабевольными или своевольными! А какими бы они вышли полезными деятелями, если бы во все время их воспитания не дать им ни одного дня своевольничать, капризничать, — а заставлять исполнять неуклонно свои ученические обязанности! Но кто же смотрел за ними? Кто направлял их? Не сквозь пальцы ли смотрели на них воспитатели? И не то же ли самое делается у нас теперь? <...> Вы знаете, что множество раз от меня твердилось и твердится *Коогёо*¹, чтобы не позволял ученикам не больным таскаться к доктору и просить лекарства (доктор тоже мною просится об этом, — но какой же доктор это исполняет!), — но <...> половина пивших лекарство — ленчу(ж?)ли (*неразб.*); судите, какой нравственный вред оттого: ученики обманывают, притворяются слабыми, — чем и воспитывают у себя слабость, приучаются уклоняться от исполнения своих обязанностей и [так] д[алее].

О воспитании *сердца* также непременно надо заботиться, а не оставлять его на произвол разным дрянным инстинктам или влечениям извне. У нас же в школе об этом еще меньше заботятся, чем о развитии воли. Нужно при каждом благоприятном случае (хоть не назойливо — что было бы вредно) [внушать] воспитанникам, чтобы они сознательно, а не механически молились Богу у себя и в церкви, — так воспитается у них *благогестие*, — которое тоже мало-помалу укрепляется и развивается, а не с ветру прямо налетает. *Нынешнее религиозное неустройство Японии и бессознательная жажда ее истинной веры для умелого и усердного педагога — какое благоприятное обстоятельство к внушению и развитию у угеников чувства благогестия и религиозной ревности и одушевленной готовнос-*

(1) Дословно: староста. В контексте письма это педагог, *нагельник*.

ти посвятить себя на водворение истинного христианства в родной стране! (выделено нами. — Р. Ц.) — Коочёо должен наблюдать, чтобы воспитанники всегда жили друг с другом мирно, случающиеся маленькие ссоры тотчас же прекращали; чтобы помогали друг другу в занятиях и т. д. — это разовьет и водворит в них любовь к ближнему. Что у нас в школе и за этим не следится как должно, доказательство — вышеупомянутый выход из школы 30 учеников. Началось дело с ссоры между учениками; ссора мало-помалу возросла во взаимную вражду; вражда, утвердившись, произвела гонение одной многочисленной партии на другую; первая потребовала исключения второй из школы, и когда по произведенному суду не оказалось достаточных причин к исключению, то первая сама ушла из школы. Во всем были виноваты несколько интриганов; язва росла и назревала месяцами; но ни коочёо, ни помощники его не знали о том, как будто не их дело — стараться, чтобы будущие проповедники любви жили между собой в мире.

Должен заботиться коочёо и о том, чтобы разговоры учеников в свободное время не были грязны, безнравственны; *дознано, что один развращенный сорванец может, как вонюгий козел, заразить своею нравственной негистью и вонью целое стадо невинных мальтуганов, приехавших из домов родителей гистыми* (выделено нами. — Р. Ц.). Душевная и телесная *целомудренная гистота* (важнейший аспект чистоты сердечной. — Р. Ц.), быть может, труднее всего сохранима в лета юности; но вот тут-то и должен воспитатель истощить свою любовь к руководимым им: он должен приобрести такое влияние и такую цену между воспитанниками, чтоб они сами открывали ему свои нравственные язвы, если у кого окажутся, а никак не скрывали их, что ныне только и делается; воспитанники скрывают все от коочёо, коочёо — от меня; и воспитанники накопляют у себя нравственной нечисти и немощи, пока, по выходе из школы, оказываются совершенно негодными для церковной службы; думаю, что развратному поведению хоть

того же Гр[игория] Т[акахаси], наприм., положено основание развратными разговорами, а может, и действиями, во время его учения в семинарии»¹.

¶ *Восьмой тезис.* Внешний вид учащихся как форма их воспитания.

«Самый наружный вид воспитанников должен быть также под постоянным надзором воспитателя; небрежность в платье, в причёске, нечистота рук, ног и под. — все не должно быть оставлено без внимания и дозволяемо; и это также со временем принесет пользу — накопившись, отольется в самособранность, аккуратность и подобные добрые качества (выделено нами. — Р. Ц.). Как это у нас ныне соблюдается, укажу на ближайший пример, отчасти комичный. В церковь прилично одеваться ученикам я и при Вас наказывал, и теперь часто наказываю; видя, что плохо это исполняется (с облачального места в соборе мне волею-неволею видится, как они одеты), я недавно сам пошел в семинарию, пред самым звоном, посмотреть, как они приготовились идти в церковь, сам поправлял платье им и читал наставления; как бы коочё не присмотреть за исполнением этого столь простого правила! И посмотрите, как это делается. На днях была в соборе торжественная панихида (в день погребения русского государя); в собор прибыли решительно все высшие лица японской империи, какие только были в Токио (ныне государь в Хиросиме, по случаю войны с Китаем, — чтобы ближе направлять оттуда военные действия, и потому большая часть генералитета отсутствует); представителями яп[онского] государя и государыни были принц Камацу и принцесса Арисугава. Обо всем этом было известно заранее, и потому хору и всем учащимся было сказано одеться в церковь приличнее. И что же я вижу во время каждения с амвона? На левой женской стороне собора стоит хор, женская школа и случившиеся в церкви женщины; правая вся занята японской знатью с принцем и принцессой у клироса и — дипло-

(1) ГПБ. Ф. СПб.ДА. А. I. 318. Лл. 49–49 об.; 50–50 об.; 51–51 об.; 52.

матическим корпусом, — все стоят приличнейшим образом со свечами в руках; сбоку же, у самой стены, поместились учащиеся мужских школ, вытянувшись в две или три линии — тоже почти до солей; и во главе их — о ужас! — стоит чучело не чучело, а что-то совсем невероятное, и стоит даже впереди самого коочёо — Климента Феодоровича¹, выглядывающего из-за плеча этого чучела; представляете фигуру: дылда лет 16, вытянувшийся — наверное, выше Вас ростом, — одетый в старый, полинялый пиджак и брюки серой серпанки, справленные ему, должно быть, когда ему было десять лет; Вы, встретившись на улице, наверное, прямо бы потянулись в карман достать подачку этому с виду отъявленному пролетарию; и стоит он еще — как? Руки, голые почти по локоть, запущены в карманы брюк, — и вся фигура обращена к публике — на рассмотрение и себяпоказание; кстати еще, этот воспитанник (Тит Косияма, сирота катехизатора Косияма, отчасти содержимый Миссиею с самого младенчества и вполне приличное японское платье имеющий) от какой-то природной болезни — лыс до неимения ни единого волоса на голове; словом, фигура редкостная, только — не для представительства семинарии, уже никак не для этого, и это на глазах коочёо, который обязан смотреть за приличием учеников! Я невольно покраснел за семинарию, п[отому] ч[то] видно было, что этот отвратительно-неприличный пролетарий не случайная примесь к ученикам, а один из них, — все входившие в церковь и выходявшие не могли иначе подумать. И это тогда, когда женская школа — и в хоре и вне хора — всегда вполне прилична. Но там есть кому присмотреть; есть люди, не считающие школу чуждою себе, душевно относящиеся к ней; а в семинарии таких людей до сих пор еще не было; тут все идет спустя рукава; нет разницы между приличным и неприличным, должным и не должным; никто душою не может войти в воспитательское

(1) К. Ф. Намеда.

дело. Спросить бы у того же Климента: „Посмотри, приличен ли в таком виде Косияма?“ Конечно, ответит: „Неприличен“. „Так отчего же ты позволил ему так идти в церковь, или отчего, по крайности, не спрятал его, а дал выдвинуться даже впереди тебя?“ — „Ах, да...“ — тогда он душою несколько приникнет; а прежде душа его где была? Да не было ее совсем у воспитательного дела; и воспитательное дело, как в сем случае, так и во всем другом — мертво, нисколько не одушевляемо тем, кто приставлен одушевлять его»¹.

Какой же вывод можно сделать из предложенных свт. Николаем педагогических наставлений? Во-первых, можно с уверенностью сказать, что письмо, написанное в конце XIX в., актуальность свою не потеряло и в наше время. Более того, благодаря своим духовным качествам, оно не «стареет», а, напротив, может стать необходимым пособием для наставления педагогов-христиан в веке XXI. Феномен христианства в том и состоит, что в апостольском служении нуждаются не только христиане Эфеса, Коринфа, Алтая и Японии эпохи Мэйдзи², но и все жители постсоветского пространства, потому что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

Таллинн. 21 ноября 2001 г.
Собор Архистратига Михаила
и прочих Небесных Сил бесплотных

(1) ГПБ. Ф. СПб.ДА. А. I. 318. Лл. 52–52 об.; 53–53 об.

(2) 1867–1912 гг.

Post scriptum

Эта книга законоучителя Нарвской Православной гуманитарной школы, издаваемая в рамках десятилетнего юбилея школы, содержит в себе ценный педагогический опыт на ниве христианского просвещения, который будет, несомненно, полезен как тем, кто уже занимается этим делом несколько лет, так и тем, кто лишь размышляет о столь серьезном начинании, стоит на пороге своего решения.

Символично, что свт. Николай Японский, носивший некоторое время титул епископа Ревельского и никогда не бывавший в Ревеле (Таллинне), сегодня приходит к читателю с эстонской земли уже как равноапостольный просветитель. Этот символизм подчеркивает и современная общественная ситуация: православный пастырь обращается в своих письмах к христианам из бездонной глубины одиночества. Вокруг лишь прагматизм и бездушие, мир, символом веры которого является личное благополучие и утлые, краткосрочные, пульсирующие феномены сегодняшнего дня.

Проблемы, о которых говорит в своих письмах свт. Николай, очень созвучны с проблемами духовного просвещения сегодня в Эстонии и России. Как и тогда, в Японии, все так же мало людей, готовых жертвовать собой ради большого и исключительно важного дела, все так же мало людей, умеющих не только благочестиво рассуждать на духовные темы, но и умеющих решительно и грамотно действовать; все так же мало людей, готовых осуществлять Христову Истину не механически, а исходя из ее внутреннего смысла; все так же слабы воля и вера человека; все так же тьма невежества покрывает глаза и ум большинства взрослых людей; все так же в конвульсиях бьется

молодая душа, изобретая дикие, варварские, уродливые формы самовыражения, ища единственного ответа о смысле жизни.

Письма свт. Николая не содержат прямых ответов. В них нет нравоучений. В них боль и переживание за дело; в них мучительные размышления о судьбе Православной Миссии, в них разговор с адресатом; это живые строки, поэтому они, думается, будут вполне понятны современному читателю, которому тоже не с кем поговорить, который тоже, несмотря на мнимую сверхинформативность общества, безумную суетную занятость, безмерно одинок и потерял сам для себя.

Нарвская Православная гуманитарная школа, единственное специальное учебное заведение подобного направления в Эстонии, может на своем опыте подтвердить слова свт. Николая: дело православного просвещения не просто сложное, но мучительное. Разумеется, любой педагог чувствует элемент разочарования, когда его замыслы и труды не отражаются в ученике, но в данном случае, в случае православного образования, наибольшая сложность связана с тем, что невежество взрослых в духовных вопросах очень быстро, как уже готовый стереотип поведения, передается детям, притом что сам ученик может быть и одарен, и послушен, и вежлив, и трудолюбив. Приходится признать, что только рациональными, прагматическими и даже профессиональными методами педагога проблему невежества не решить. Об этом и говорит в своих педагогических письмах свт. Николай Японский. И ученику, и педагогу нужна духовная решимость, некая вера и воля одновременно, некая невозможность отступить от дела, некая строгая оформленность бытия, в противовес серости, болоту, полумраку, недосказанности, псевдоценностям, псевдолюбви и гуманизму. Лишь в этом случае дело духовного просвещения состоится.

Сравнивая дело православного просвещения времен свт. Николая Японского с сегодняшним днем, нужно заметить и о том, что дело это возможно лишь при условии, что в обществе есть люди, готовые быть благотворителями. Материальной стороне дела, как мы видим, в письмах свт. Николая отведено не меньше места, чем собственно педагогическим идеям. Будучи практиком и создателем, свт. Николай тем не менее никогда не сомневался в идеализме (в хорошем

смысле слова) благотворителей, в его письмах сквозит убежденность в высоком, благородном человеческом начале. И, в конечном счете, благодаря этому убеждению и результативной деятельности свт. Николая по сбору средств, смогло осуществиться миссионерство в Японии. Памятуя об этом, наша школа, которая, несмотря на свой десятилетний возраст, находится в стадии строительства и формирования, надеется, что и в нынешнем обществе есть люди высокого строя ума, способные жертвовать на дело духовного просвещения. Во всяком случае, мы будем рады любой поддержке, связанной с формированием учебно-материальной базы и учебной среды.

А. И.

Наши контактные данные в Эстонии:
Нарвская Православная гуманитарная школа,
Эстония, Нарва, 0308, ул. Графова, 4;
т. (035) 91697, (056) 675039
e-mail: orthodox.school@mail.ee
счет: HANSAPANK, р/с 221018306384.

Спаси вас Бог!

Содержание

Письмо А. Н. Голицыной	7
Письмо И. А. Сенума	33
Письма митрополиту Макарию	57
Из собрания Д. М. и А. М. Позднеевых	83
Приложение	
Япония (<i>Докладная записка иеромонаха Николая директору Азиатского Департамента П. Н. Стремоухову</i>)	99
Имена и реалии в письмах свт. Николая	158
<i>Р. Цуркан. Неизвестный Ревельский епископ-педагог</i>	253
Post scriptum	268

«Я ЗДЕСЬ СОВЕРШЕННО
ОДИН РУССКИЙ...»

*Письма Ревельского епископа
Николая (Касаткина) из Японии*

*Публикация и комментарии
Р. К. Цуркана*

*Компьютерная верстка
М. Райциной*

*Оформление
С. Булачевой*

Издательский дом «Коло»
190168, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 121а
Лицензия ИД № 03881 от 30.01.2001 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.03.2002.
Печать офсетная. Формат 60×88 в 16°. Гарнитура «Октава».
Печ. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Зак. № 134.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12